

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

**МЕТРО 2033:
ШЕПОТЫ УБИЕННЫХ**

Автор идеи — Дмитрий Глуховский

Szepty zgładzonych
Wybór najlepszych opowiadań polskich fanów
Uniwersum Metro 2033

Перевод с польского Леонида Добкача
Консультант перевода — *Владислав Кузавка*
Редакторы перевода — *Юрий Харитонов, Виктор Лебедев,*
Дмитрий Ермаков, Сергей Антонов

Оформление обложки — *Томаш Бжозовский, Алексей Устьянцев*
Карта — *Леонид Добкач, Илья Волков*
Составитель — *Доминик Репечко*

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Метро 2033: Шёпоты убиенных: [фантастические рассказы] / сост. Д. Репечко; [пер. с польск. Л. Я. Добкача]. — 115 с. — (Вселенная Метро 2033).

ISBN 978-83-63944-91-9 (PL)

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

«Шепоты убиенных» — это сборник рассказов польских поклонников «Вселенной Метро 2033», вдохновлённых постапокалиптическим миром, созданным Дмитрием Глуховским. В сборник вошли тринадцать историй, отобранных на конкурсе, что организовали издательство «Insignis» совместно с порталом metro2033.pl. В жюри конкурса приняли участие все пользователи сайта и члены редакции польского филиала серии «Вселенная Метро 2033». Вы узнаете, как польские поклонники проекта представляют себе жизнь в Москве, Киеве и Варшаве, Щецине и Силезии, Радоме и Ченстохове и даже в Словакии и Венгрии!

© Д.А. Глуховский, 2015
© Коллектив авторов, 2015
© Перевод. Л. Добкач, 2015
© Издательство «Insignis», 2015

ISBN 978-83-63944-91-9 (PL)

От издательства «Insignis»

Антология «Шёпоты убиенных» — результат второго конкурса рассказов по «Вселенной Метро 2033», проведённого в 2014 году на интернет-портале www.metro2033.pl, что объединяет польских поклонников постапокалипсиса, в частности, авторского проекта Дмитрия Глуховского. Из представленных работ жюри, сформированное из пользователей портала и редакторов нашего издательства, отобрало тринадцать историй, которые и вошли в этот сборник.

Воодушевлённые огромной популярностью первой фан-антологии под названием «В свете костра», которую мы выпустили в виде бесплатной электронной книги (к моменту этого издания 37 тысяч загрузок с Google Play Books и 11 тысяч — с Apple iBooks, не считая остальных магазинов электронных книг!) и идя навстречу пожеланиям читателей, мы решили выпустить печатное издание нового сборника рассказов от фанатов «Вселенной Метро 2033».

Такого ещё не было — дебютанты получают шанс быть прочитанными превеликим множеством читателей: эта книга напечатана тем же тиражом (20 тысяч экземпляров!) и в том же графическом оформлении, что и «обычные» книги «Вселенной Метро 2033».

«Шёпоты убиенных» распространяются как бесплатное дополнение к «Тёмным туннелям» Сергея Антонова — крайнего романа «Вселенной», переведённого на польский язык. Антология также доступна в виде бесплатной электронной книги. Это первое продвижение творчества поклонников постапокалипсиса такого размаха под эмблемой «Метро 2033»!

Всем участникам конкурса большое спасибо за участие. Победителей — поздравляем с публикацией! Развивайте свой писательский талант! А читателям «Шёпотов убиенных» желаем увлекательного чтения и приглашаем вас принять участие в следующем конкурсе — может быть, в 2016 году в подобном сборнике будет рассказ кого-то из вас?

Издательство «Insignis»

ПЁТР ЕДЛИНСКИЙ ИТЕРАЦИЯ

Воспоминания яркими вспышками рождались в мозгу Калашника. Он помнил лишь тьму туннелей, ведущих к базе. И отдельные фразы:

— Осторожнее, — предупредил Казак.

Гигерняк что-то, как всегда, проворчал. И тут прямо на свет фонарика выскочили монстры, страшные, но похожие на людей. Раздался крик:

— Это один из них! Стреляйте! Убейте его!

Луч свет заметался из стороны в сторону, разрезая темноту то здесь, то там, выхватил силуэт, отделившийся от стены, подсветил монстра по частям. Мелькнули когти, хлынула кровь, и...

... последней, что помнил Калашник, была металлическая балка, рухнувшая и оглушившая его.

* * *

Калашник очнулся.

* * *

Закончилась водка. Он понял, что все его усилия насмарку, и надежда умерла.

Рана потемнела, от гангрены нет спасения. В горле сухо, губы потрескались, мысли темнее окружения. В голове шум, как в радиозэфире, в висках пульсирует боль.

Анфилада служебных помещений разносила звуки этого подземного некрополя — какофоничный гам стонов, криков и редких завываний ветра. Заснуть невозможно; то шум мешает, то становится жутко страшно, что тебя вот-вот разорвут в клочья, или того хуже: что умрёшь от голода, обезвоживания или заражения.

Все эти страхи и неудобства можно на время заглушить водкой, но она кончилась. Во фляжке пусто.

Из-за этого Калашник заплакал. Из уставших вглядываться в темноту глаз потекли крупные слёзы. То был, однако, не плач отчаявшегося и скорбящего человека, но жертвы иронии судьбы, и ему не оставалось ничего другого, кроме как смеяться над своей участью.

Он лежал в бывшем тренажёрном зале, с затёкшими ногами, покоившимися на опрокинутом генераторе, разобранным до винтика, и мучился сушняком. Его рюкзак лежал в двух метрах от него, сброшенный во время нападения и под завязку заполненный бутылками. Некоторые, наверное, разбились, потому что, кроме гниения, плесени и запаха открытой раны, он ощущал душок алкоголя.

Два метра. Так близко и так далеко. Даже не столько далеко, сколько вовсе вне досягаемости. В нынешнем положении Калашнику было без разницы: два метра, три — да хоть двести! — без разницы. На металлическом полу разлилась лужа водки, а он всё равно помирал от жажды. Он засмеялся. Его грубый хохот разнёсся эхом в подземном комплексе и присоединился к ужасному хору местной живности. Оружия тоже нет. Потерял, наверное. Мужчина не помнил.

«Кончилась водка, — подумал он, — и я подохну от жажды. Я, наводнивший половину метро выпивкой. Я, барон пьянства и граф алкогольной контрабанды».

Он дёрнулся — всё по-прежнему: придавлен и бессилен; сталь прижимает ногу, а боли больше нет. Парадокс: отсутствие боли — хреновая новость. Конец близок.

Что-то метнулось по полу. Крыса, наверное. Пробарабанили по металлу коготки. Где-то вдалеке раздался пронзительный звук, не то вой, не то рычание, но что-то определённо нечеловеческое. Калашнику было всё равно. Опасения исчезли. Теперь он не боялся ни уродливых творений радиации, ни жертв генетических ошибок, ни тупиковых ветвей эволюции.

«Смерть, — размышлял он, — странная штука. Вроде говорят, что перед глазами проносится вся жизнь, как в той довоенной дури, в движущихся картинках... в кино. А здесь только пустота, память очистилась». Он не мог вспомнить, как очутился под этим завалом из стали. Может, шок тому виной. Может, рассудок помутился от удара. Может, это одна из тех аномалий, о которых столько болтают на станциях.

Он знал, где находится — в комплексе подсобных помещений, куда можно попасть по неиспользуемому ответвлению, в километре от ближайшей станции. Земля запретная, зловещая, нетронутая мародёрами — кроме, конечно, Калашника и его смелой банды. Там, двумя этажами ниже, располагался полностью оборудованный самогонный завод образца 2033 года.

Что он помнил до происшествия? Несли новый груз, типичная походка. Выполняли заказ для какой-то из сект; название забыл, так много их развелось на станциях. «Nihil novi sub terra», как говаривала Смертна на каком-то из странных языков умершего мира... Смертна! Она, она. Подошла — завязался разговор. Наверное, до возвращения на станцию. Воспоминания столкнулись, перемешались, слились в размытое пятно. В одну большую непонятную кляксу.

В любом случае, он помнил её. Где-то. Когда-то. Недавно. Помнил и то, что они пришли в убежище. Запас был приготовлен, Калашник выпил, чтобы освежиться, Гигерняк и Казак, наверное, тоже, потом отправили его обратно. Или он сам вызвался.

Как бы там ни было, двинул на станцию. Дрезина сломалась во вспомогательном туннеле, пришлось дальше идти пёхом, по хоженному много раз пути. Шёл или бежал; предположим, что шёл; не дошёл — потому что... Страх, в память вьелось ощущение животного ужаса.

«Напали на меня, — подумал он. — Напали, сто пудов. Кто-то посмел сунуться в такую даль. Следил? Кто знает, может и так».

«Если бы напали, — добавил голос разума, — лежал бы я отягощённый оружием? Разве не забрали бы добычу?»

Рассуждения прервал внезапный шум. Противный звук повторился, теперь гораздо громче. К счастью, оборвался через минуту. Раздался новый звук, поприятнее. Шаги — один человек, тяжёлые ботинки, равномерно ступает, словно на марше. Калашник ещё недавно дрожал при одной только мысли, что солдаты проникнут в туннели. Теперь пришлось ждать и пытаться угадать. Кто? Почему? «А вдруг я вляпался в неприятности из-за военных? Не — они не оставляют в живых. Если бы сделали налёт на завод, мы были бы уже трупы. Профессионалы. Наверное, последние профессионалы в этом мире. Медики лечат по наитию, механики чинят методом проб и ошибок, оружейники — куча смеха. Но вооружённые силы любой крупной станции, эти короли смерти, всегда работают на совесть, и ничего не оставляют на волю случая».

Загорелся фонарик, разорвав покров тьмы. Его владелец стоял на входе в помещение. Посветил на потолок (пучки кабелей и стальная решётка), затем на замусоренные стойки (мусор как мусор), после — на бочкообразные генераторы. Луч

света наткнулся на перевернутый генератор, заскользил по нему, наткнулся на Калашника. И погас.

«Нет, — признал Калашник. — Это я. Просто зажмурился. Чтобы не ослепнуть — или в ожидании выстрела».

— Уже, — раздался женский голос, — можешь смотреть.

Посмотрел. Сноп света, отставленный в сторону, выделил на фоне тьмы человеческий силуэт. Он знал, кто перед ним. Только одна женщина могла найти его в этом лабиринте, только она в трёх словах могла выразить одновременно столько превосходства, уверенности в себе и капельку раздражения. Смертна — воительница, советница, наставница.

— Также можешь говорить, — добавила она.

«Я хочу», — подумал он. Но губы спеклись, а горло пересохло. «Я хочу сказать, профессор. Ругаться, просить о помощи, удивляться, спрашивать. Хотя знаю, что это ложная надежда. Смертна, конечно, появилась здесь не случайно — давно вынюхала и выследила, из неизвестных побуждений заинтересовалась ростом алкогольной продукции и его источником. Но как член совета станции и тамошняя учительница, сокровищница знаний, была неприкосновенна. Самогонщики, как правило, не идут в политику, и потому окончательного решения не принимают. Убийство вызовет на станции хаос. А нынешнее положение их устраивало, менять ничего не хотели; отношения с клиентами отличные, рынок сбыта надёжный и знакомый.

Смертна (прозвище, настоящего имени Калашник не знал) повесила фонарик на стойку, подошла. Шаги тяжёлые, телосложение мощное. Боевая броня, такая только у элитной гвардии. Пластины из кевлара, сервоприводы, амортизаторы, маска с фильтром сейчас снята — чудо, наследие военной мощи и технической мысли предков. Женщина коснулась шеи, загорелся светодиод, его тусклого голубого света было достаточно, чтобы выловить из вязкой тени её лицо.

Профессор Смертна. Советник и преподаватель давным-давно никому не нужных знаний. На удивление хорошо сохранилась. Морщины вокруг глаз, волосы с проседью и в комках — но глаза умные, взгляд острый, зубы целые, а голос с годами совершенно не изменился. И тело сильное, чтобы поднять военную броню. В метро, где женщины старели быстро и незаметно, Смертна была заметным исключением.

Калашник обрёл, наконец, голос.

— ...патроны... — выдохнул он. — Я все... ты бы... бы меня...

Женщина прижала палец к губам.

— Добила? Милосердия просите, молодой человек. Понятно, хотя сама идея обмена, твёрдая валюта за услугу, совсем не логична. Если бы я хотела патронов, забрала бы. И, вероятно, ушла бы.

— На заводе больше, там сейф, где мы складывали... Отведу...

— Ах, если экскурсию проведёшь, буду не против. Тогда помоги. Помощь! Из рук врага! За врага меня ведь держишь, да? Не делай себе хуже, голос совсем потеряешь. Лучше подумай. Я одна, рядового отослала на станцию, мол, прихоть командира. Так как одна одинокая женщина в самом расцвете сил вытащит тебя из-под тонн металлолома? Здесь не нужны расчёты, и без них могу сказать: этот генератор — чертовски тяжёлый кусок железа.

Он потерял инициативу, потерял нить разговора — в голову не приходили ни вопросы, ни ответы. Поэтому вновь обратился к женщине:

— ...помощь позови, и я заплачу, поделюсь... богатством, сокровищами, что мы накопили...

— Добыча мародёров. С контрабанды и провоза. Спаиваете наших солдат и сеете беспорядки среди жителей станции. Не зря совет ужесточил дисциплину. Нашей станции грозит война, соседи угрожают экспансией. Без сухого закона народ не сдержат в узде, а вы запрет восприняли как подарок судьбы и наплевали по полной. Вы, юноша, и ваши дерзкие сообщники. Мне не нужна ваша добыча, ненужные сокровища самогонщиков, сама найду.

Лицо сконфуженного Калашника приняло весьма красноречивое выражение.

— Ах, — надулась Смертна. — Не догадываешься? Или не помнишь?.. Или... Ах. Ведь работает. Работает! Согласен?

— С чем?

— Сам вопрос тому подтверждение! Скажи: как тебе та огненная вода, что вы гнали в последний раз, а? Ничего... гм... экзотического? Отлично. Так подумай.

Внезапно снизошло озарение.

— В водке? — прошептал Калашник, после чего захлебнулся кашлем. — Подмешали, отравили, потом... потом атаковали?

— Подлил в ликёр один из вас. У вас был «крот».

— «Крот»?..

— Шпион, предатель, доносчик. Неважно, мой дорогой потерпевший молодой человек. Утомил тебя мой доклад, я ведь вижу. Я уйду и заберу только сокровища, что ты нёс. Ты ещё удивляешься? Зачем мне ваша дрянная водка, спросишь ты. Ну, Калашник, речь не шла исключительно о прекращении позорного промысла. Речь шла о приобретении продуктов этого промысла. Воспользуемся для лучших целей, послужит основой для кое-какого... эксперимента. Будет оружие, которым мы победим конкурентов. Поэтому я возьму не богатства, а то, что их породило. Запас алкоголя, весь, что у вас был. И я вижу, что не зря пошла на обход окрестностей вашего убежища.

Она встала, схватила фонарик и посветила внутрь рюкзака.

— Хотя... — прохрипел он. — Хотя бы водку дай... веселей и легче будет...

Она колебалась. «Уйдёт», — подумал он. Не ушла. Наполнила его флягу молча, поставила возле лица, двинулась. Остановилась на пороге.

— Скажи, — заговорила она, — ты не заметил ничего странного?.. Ты забыл, знаю. Но видения и галлюцинации — этого мы не проверяли. Трудно однозначно определить «странность» в таком больном, вырожденном мире, но... Ничего? Совсем? Что ж. Ещё, может, увидишь. По-разному на всех действует: на одних быстрее, на других медленнее. Кто знает, вдруг явится тебе что-то чудесное и необъяснимое на смертном одре. Прощайте, молодой человек. Хорошего представления.

И исчезла, хотя ещё долго слышались ритмичные удары тяжёлых ботинок о бетон.

«Яд, — подумал он, переваривая информацию. — Яд... У меня что-то в крови. Под её эгидой устроили налёт на завод, а ранее один из нас — „крот“, предатель — отравил алкоголь. Поднимем тост. Я и партнёры, самогонная компания Калашника, Гигерняка и Казака.

Какие галлюцинации? Какой бред? Или она эту нарезку и мешанину воспоминаний имела в виду? Ах, — фыркнул про себя, — не надо было слушать бредни, стоило достать её, пока стоял на коленях, сжать ей череп, расправиться с насмешницей...»

Выдавать желаемое за действительное оказалось полезным: боль притихла. Он резко дёрнулся, слабо ударил; вдоль ноги словно прошёл электрический разряд, дойдя до груди.

Давление на прижатую к ней руку увеличилось, что-то хрустнуло — Калашник не закричал, слишком был удивлён — и одновременно генератор с чудовищным визгом и стоном сгибаемого металла провалился назад, стукнулся о стену. Усиленный эхом грохот оглушил Калашника и, как ни странно, исчезнувшему с ноги весу не обрадовался, ибо вернулась жуткая боль.

Выругался. И не шёпотом, а довольно громко — вот спасительное влияние живых эмоций на повреждённое горло. Прошла, может, минута (по ощущениям — целый час), когда мужчина решил, наконец, подняться и осмотреть свои раны.

«Бывало и хуже», — соврал сам себе. Видел хуже и утвердился во лжи, созерцая рану. Взять, например, то происшествие: наземной экспедиции пришлось ждать три дня и три ночи в разрушенном многоэтажном доме, а проводник, по имени Иван, то ли по пьяни, то ли от беспечности, решил сам взобраться на вершину здания. Зачем? Не имеет значения. Важно, что подвиг удался отчасти — Иван взобрался на крышу десятиэтажки, но наверху не задержался. Ветхие доски и потрескавшийся пол не выдержали давления, лопнули, и Иван упал с высокой крыши, угодив в кучу мусора. Сломал обе ноги и получил три открытых перелома.

Калашник видел, как товарищи принесли Ивана на станцию, как взял на себя лечение местный медик Дмитрий Самохвалец. Настолько старый, что помнил, наверное, не только цифровую эпоху наземного господства человека, но и овечьные легендами времена «царей» и «диктатуры пролетариата», о которых так охотно рассказывал (Калашник в истории мало что понимал, потому как не видел смысла в её изучении). Благодаря вмешательству врача и большому количеству водки (спасибо Калашнику) Иван мгновенно пошёл на поправку; не прошло и месяца, как уже ходил на поверхность и обратно.

«Моё счастье, не сломана», — подумал Калашник. Но только через минуту решился в этом убедиться. Нога и вправду оказалась цела. Он пошевелил пальцами ног, размял коленные суставы. Но болит адски. Левая рука, та, на которую пришёлся основной вес, ныла. Правая нога рассечена вдоль голени, глубоко, до кости, и жутко чешется. Захотелось дотянуться и расцарапать, разодрать её всю. Унял порыв.

Ещё минута — и Калашник встал. Поднялся, закачался, закрутился неуклюже, стена послужила опорой. Он ходил — значит, существовал. Жил, а мог бы бежать. Или искать мести. Возможно — ответы. Задумался. И для начала выбрал водку.

Нащупал в темноте фляжку, сделал глоток, убрал в карман. Опёрся о стойку, снял один сапог, вынул оттуда нож. Небольшой, затупленный. Так-то плохое оружие, а на душе полегчало. Отрезал рукав рубашки, кое-как обернул раненую ногу. Калашник снова задумался. Идти прямо на станцию? Через участок границы, может, и пропустят, а вот на платформе ждёт верная смерть. Смертна должна уже вернуться. А прощать не в её стиле.

Значит, на завод. Оценить, узнать, увидеть хаос своими глазами. Стихли все звуки, кровожадный зверинец или притаился, или двинулся в более хлебный край. С ножом во вспотевшей руке, не отрывая глаз от тёмной бездны, стиснувший от боли зубы Калашник двинулся через лабиринт помещений, мастерских и складов, через клубок путепроводов и тоннелей, одинаковых в темноте и одинаково нереальных.

«Если появятся какие-то галлюцинации, — сказал он себе, — проигнорирую».

Усилившаяся боль напомнила, что Калашник не спит и не бредит. На большее рассчитывать он не мог.

* * *

Люк, окно, лестница. Наощупь в темноте. Дорогу Калашник знал на память. Запомнил её не столько из-за почти ежедневных походов, сколько вынужденно. Однажды Гигерняк, обмывая немалую россыпь патронов, полученных в недавних сделках, сказал Калашнику: «Ты, сынок, сделал всё по первому разряду, отличный партнёр из тебя, но сделай ещё кое-что — сгоняй на станцию за лёгкой закусью». Ничего сложного не было бы, не вытолкни Гигерняк Калашника на открытый воздух, оставив его без фонарика (но не без химзы). Ещё и герму запер. Нырнул тогда Калашник сразу в глубокую воду (хотя значения этого слова в полной мере он не понимал) и кое-как добрался до станции в кромешной темноте. Возвращался уже с фонариком.

Идти стало легче, хотя нога по-прежнему болела. Правая, рассечённая, почти не кровоточила, но он чувствовал, как растёт рана. Тянулась вверх, с каждым движением увеличиваясь на миллиметр. Пока спускался по лестнице в узкой шахте, несколько раз останавливался, чтобы передохнуть; едва не сорвался на дно туннеля, что двадцатью метрами ниже. Наконец спустился, очутившись на складе, прикрывавшем вход на спиртзавод. Вновь привал, перевёл дыхание; тишина, боль едва ощутима, потому что успел привыкнуть к ней. Калашник тяжело дышал, в воздухе стояла пыль, наверное, ещё с появления этого подземного мира.

Позволил себе отдышаться минутку. Потом нашёл вход. В темноте он не мог разглядеть следов, свидетельствующих о посещении солдат, слова Смертны могли ведь оказаться просто блефом, а, может быть, она следовала за ним по пятам. Калашник ничего не слышал, ничего не осязал — чувства притупились, а мысли совсем о другом.

Врата завода находились за углом стены, для маскировки скрытые ложной стенкой (паршивой, но, в целом, надёжной). Открыть дверь снаружи можно с помощью механизма под одним из ближайших кирпичей.

Потянул за рычаг — замаскированная дверь распахнулась внутрь, и Калашника окатило светом. Зрение восстановилось через десять секунд. Выругался, моргнул, протёр брызнувшие из глаз слёзы и проскользнул на завод.

А там — как будто ничего не случилось. В первой комнате, бывшей насосной станции, горит пергаментно-жёлтым светом флуоресцентная лампа, на голых стенах растёт мох, в углу два стула, рядом незастеленная кушетка, над лабиринтом труб и клапанов развешены выцветшие предупреждающие знаки с полустёршимися надписями кириллицей. Следов борьбы или набега нет. Помещение выглядело точно так же, как её оставил Калашник (по крайней мере, так он её помнил).

Двинулся на свет. Бетонный коридор, освещённый для разнообразия ослепительной белизной, проводил его до двери нужной части завода. Прочная, стальная и звуконепроницаемая преграда поддалась после запуска коммутатора. Калашник ожидал крови и трупов, разграбления всего, что плохо лежит. И никак не ожидал увидеть двух товарищей, Гигерняка и Казака, живыми и здоровыми.

Они играли в карты. Выпивая между раздачами.

Гигерняк, с мощным телосложением, облачённый в потёртый комбинезон, рычал, бурчал, кричал — короче, всю показывал эмоции. Казак, напротив, втягивал лысую голову в плечи, костлявый силуэт и сероватый оттенок кожи делали его похожим на труп не первой свежести. Никто не обратил внимания на Калашника, полностью поглощённые игрой.

А он не сразу дал о себе знать. Стоял ошарашенный. То есть Смертна солгала?.. То есть... Память по-прежнему буксовала. Встряхнулся, подошёл к столу, миновав реторту, цистерну и соединяющий их хаос труб, трубок и проводов.

— Не может быть! — взорвался вдруг Гигерняк, а пузо вздрогнуло. — Не может быть, что ты зажал мне карту, да ты посмотри, посмотри, я не идиот, у меня, ты слышишь, ты...

— Осторожнее, — предупредил Казак, выиграв джекпот (гору бутылок, заполненных патронами). — Сам вляпался, скинув двойку, а смекалки не хватило использовать её. Теря...

Калашник ударил кулаком по столу. Друзья посмотрели на него, как на ненормального. Взгляд забегал.

— Смертна, — произнёс он. — Где она?

Гигерняк сильно удивился.

— Дружище, ты пьян, что ли? Что об этой вредной бабце говорить? Успокойся, присядь, пропусти по маленькой, потолкуем о произошедшем, да и ты, Казак, давай тоже. Глотни нашего продукта... И в горло хмель, тогда не страшен мне тоннель!

Сила привычки взяла над ним верх. От выпивки не отказался, залпом осушил стопку водки.

— Ну, — фыркнул Казак, — Теря, продолжим играть. Если ещё есть что терять, хе-хе. Подожди, подожди, на двух раздавай, паря вне игры!

Абсурдность ситуации мешала Калашникову подобрать нужные слова.

— Ах, ах, — пробормотал Гигерняк. Встал, приобнял чувствующего головокружение Калашника и потащил его обратно в прихожую. Ворчал при этом: — Да... Именно. Ты, Калашник, давай на станцию. Поспеши, клиенты ждут, о, там рюкзак. В рюкзаке бутылки, в бутылках выпивка, достаточно крепкая, но сектантам подойдёт, этим, как их там... А, неважно, секты все одинаковые, а эти сектанты отличаются лишь тем, что призывают голубя, но все они также верят в выпивку... Возьмёшь рюкзак, а, и будь осторожен, не разбей, а то...

Даже для запутавшегося Калашникова этого было чересчур.

— Сдался мне твой рюкзак! Ты что, сдурел?! Вы что, оба поехали?! Там Смертна снаружи, там солдаты, что-то на меня напало, едва дополз сюда, глянь на мою ногу, видишь, слепец?!

Гигерняк не слушал этот скучный монолог (периодически даже посапывал). Раны Калашника, казалось, не замечал. Насильно всучил младшему компаньону в руки побрякивающий рюкзак, за пояс заткнул фонарик, потом пистолет, и стал толкать его в сторону выхода. Перед таким натиском Калашнику пришлось уступить. Дверь в убежище распахнулась, Гигерняк бросил на прощание: «Осторожнее там, малец, не бойся и возвращайся поскорее!», после чего ворота закрылись, и Калашник снова оказался во тьме. Один. Без ответа, с ещё более запутавшимися мыслями и их обрывками. Одна из них была вопросом: что тут происходит?

«Хорошего представления», — сказала ему Смертна. «Чёрт, — подумал он. — Может быть, началось. Странно, странно. Они, конечно, гады, но чтобы так вытолкнуть, даже не выслушав, а я, как дурак, ничего спросить не успел... Может, и они трусили, кто знает. Нужно уйти подальше, спрятаться где-нибудь, переждать, хотя бы до станции дойти, на блокпосту найдутся знакомые, у меня есть чем заплатить, я куплю себе спокойствие, хотя бы на некоторое время. Лишь бы подальше от этого безумия.

На дрезине, значит. Срежем по вспомогательному тоннелю. Вспомнил, как сквозь сон, что был на дрезине, когда случилась авария, и не будь на рельсах мусора, проскочил бы... Ну ничего, проверить не помешает, другие варианты кажутся менее привлекательными.

Боль в ноге вернулась, кровь сочилась через временную повязку и стекала тонкими струйками. Шёл медленно, осторожно, с рюкзаком на одном плече, в руке держал фонарик. Во второй пистолет (нож спрятал в обуви). В таком виде углубился Калашник в железобетонную чащу, и его тотчас проглотила вязкая и прохладная тьма.

* * *

С дрезиной кто-то повозился. Кто-то, знавший дело — может быть, военные. Если они были здесь, могут вернуться. Осмотрел механизм; снят редуктор, раскручены болты. Калашник выругался. Единственным вариантом оставалась тяжёлая прогулка, обратно туда, где ему на ногу упал генератор, и дальше, к станции. Не то чтобы боялся — теперь у него был свет, у него было оружие, да и хищники вряд ли покажутся, в конце концов, до сих пор ни одного не встретил.

Дрезина сломана преднамеренно, и, прежде чем он принял решение, прежде чем спокойно составил план действий, впереди по туннелю раздался шёпот голосов, который сразу же превратился в тихий напев. Калашник узнал мелодию: неофициальный гимн телохранителей.

— Идут, идут, идут легионеры!.. Будут, будут висеть коммунисты!.. Расстреляем, разобьём, быдло мы прибьём!..

В поле зрения возникли полосы света, а вместе с ними монстры пострашнее, потому что это были люди. Они шли, и хотя не разглядеть, сколько военных, навскидку не меньше десятка. Фонари направили на дрезину, разогнав тьму и выловив его силуэт. Знакомый голос воскликнул:

— Это один из них! Стреляйте! Убейте его!

Смертна, узнал он, Смертна вернулась. И бросился бежать, настолько быстро, насколько позволяли подорванные силы и выносливость. Из туннеля в ответвление, оттуда вверх по шахте, далее прямо вперёд, отягощённый рюкзаком (слишком ценный, чтобы выбросить), с пистолетом в руке, с первобытным страхом в мыслях.

Он бежал, а кромешная тьма раскрывала свои двери, чтобы закрыть их сразу за спиной Калашника. Кружились в бархатной черноте яркие отсветы, дрожал фонарик, рассекая мрак, луч света выискивал препятствия и очерчивал едва видимые формы. Он бежал, на время забыв о ноге, о разуме, обо всём, кроме самой сути бега. За ним неслись звуки шагов, лягг оружия и амуниции, солдатские призывы, всё тише, всё дальше, всё более и более приглушённые.

Бежал.

Еще недавно смерть маячила перед носом, теперь же включился инстинкт выживания. Бутылки грохотали, несколько, наверное, разбились. Пистолет выпал из руки, не заметил когда. Фонарик внезапно выскользнул из пальцев, прокатился по полу до угла, оттуда осветил всю комнату.

Калашник остановился как вкопанный. Помещение выглядело примерно так же, как то, где очнулся, где его посетила Смертна. Бочкообразные генераторы и генераторы на наклонных стальных балках, у стен стойки, засыпанные мусором, на потолке стальная

решётка. Так же, как и на месте таинственного происшествия и незавершённой агонии — но ни один из овальных генераторов не лежал, на земле ни следа крови, ничего, ничего.

Некоторые помещения в метро похожи или даже идентичны, подземному миру не характерны разнообразие и уникальность, создали его не по наитию, а по планам, в зависимости от потребностей. Удивлённый и напуганный Калашник был совершенно поражён и не мог в это поверить.

И когда окинул помещение взглядом, заметил краем глаза резкое движение, обратил внимание, велел быть себе начеку; Калашник отскочил назад, уронил рюкзак (звон разбитого стекла) и увидел монстра, на этот раз действительно ужасного, в полной красе. Фрагмент решётки на потолке оторвался, упал на землю, и через провал скатилось на пол существо, чью природу трудно было определить даже в бледном свете фонарика. Существо было тощее, низкорослое, гротескно скрученное, с грубой кожей, у него не было глаз и рта, ничего. Выглядел, как кокон на двух кривых ногах. Быть может, тварь, появившаяся ещё от человека — Калашник не знал, промедлил, и чудовище напало без промедления.

Рухнул на Калашника. На мягких, свисающих по бокам недоруках вылезли когти, и существо рубануло раз, другой, сверху вниз; острый коготь зацепился за ногу Калашника, который опоздал с реакцией и завыл, будто только сейчас почувствовал в ноге реальную боль. Оказавшись вне зоны досягаемости зверя, спиной упал на один из генераторов. Тварь бросилась вслед за жертвой. Закричала при этом, звук донёсся откуда-то из недр впадой груди и возвестил смерть.

Калашник встал в угол и прижался к стенке генератора, он мог только смотреть, как замахивается перекрученная конечность монстра, опускается, бьёт, поражает; человек увернулся в последний миг, распластался на полу, коготь проехал по металлу решётки, брызнули искры. Следующего удара он не мог избежать, слишком везло, слишком много совпадений; уклонился, однако, избежал. Кувыркаясь, пролетел на метр в сторону и даже двинулся в контратаку, движимый адреналином, с мыслями, переключившимися на животные рефлексy. Ударил тощего хищника, что-то треснуло, и снова, и снова; раздался как будто рёв боли, и уже Калашник закатился снова под генератор, рядом с устройством, поддерживающим стальной лес.

Коготь рубил наотмашь, прошёл в сантиметре от виска Калашника, разрезал сталь, словно масло. Огромный генератор вздрогнул, разродился стоном загибаемого металла, на котором держалась вся конструкция, а сердце Калашникова подкатило к горлу. «Нет, — сокрушался он, — невозможно, но как нет, если происходит, ведь...»

Монстр завопил ещё раз и вдруг пропал, убежал куда-то, покачивая хилым туловищем, скрылся обратно в логове, сокрытом во тьме, чтобы восстановить силы, залечить раны.

Калашник успел ещё отползти на метр-полтора-два в сторону, когда повреждённая конструкция поддалась, и на пол рухнула махина генератора. Падала медленно, грациозно, и остановилась прямо над землёй, сдерживаемая одной-единственной уцелевшей балкой — достаточно высоко, чтобы не раздавить ноги Калашника; достаточно низко, чтобы прижать их и провести через всё тело Калашника мощный импульс боли, от которой мозг попытался спастись потерей сознания.

Калашник не дал. Он проглотил всю боль, упился ей.

И теперь знал. Теперь понимал.

* * *

Осела пыль, стихло эхо потревоженного металла. Фонарь потух. Может, его никогда и не было. До рюкзака с бутылками слишком далеко, но есть фляжка. Выпитая.

«Так это и есть последствия, — подумал он, — это всё водка галлюциногенная. Так что, по сути, что-то там и вправду подмешал кто-то из команды Смертны, это налёт на его водку; есть план, испытание, добавить в алкоголь этот яд, распространить на вражеских станциях, обеспечить себе преимущество, уничтожить конкуренцию изнутри... А мы, а я, всего лишь жертвы.

Вот я лежу. Лежу застрелявший. «Уснуть и видеть сны». Лежу и умираю, от удушья голова до сих пор кругом, несколько событий до аварии, а я выжил, и вновь, и вновь. Я как тот граммофон на станции, которому сто лет в обед, а он снова и снова заводит грустную мелодию».

Так что скоро придёт (вернётся?) Смертна. И начнётся все заново — по крайней мере, в моих запутанных мыслях. Придёт Смертна, и всё по новой...

Не придёт. Нет, остановите поезд, я сойду, не пущу в мысли яд. Не забуду. На этот раз не забуду. А в стреляного два раза не целятся. Пережду худшее, может быть, рассосётся отравы, путающая мысли, может эффект пропадёт. И я выживу или умру под этой грудой металлалома, всё лучше, чем ещё одно повторение.

Не забуду. Не будет следующей итерации. База, Гигерняк и Казак, засада. Бег, сумасшедший бег. И монстр. Не забуду. Никогда. Никогда!

... никогда, да, только... Только что?

Забыл. Некоторое время выкрикивал в отчаянии слова без значения. Стоны и вой, язык, на котором с незапамятных времен выражают отчаянье.

Потом погрузился в лёгкий сон, а когда проснулся — забыл, что забыл. У уставшего Калашникова пересохло в горле, он заработал амнезию. Покачал фляжку (обманчивая надежда сбрасывает маску и ржёт прямо в лицо).

Пусто, блин, ни капли, чёрт, чёрт, тысяча чертей. Ну что поделать. Только лежать. Ждать. Он слышал собственное сердцебиение, шум крови в венах. В бедной голове обрывки наполовину забытого сна или, может быть, яви — как будто уже видел эту сцену. Будто сразу проснулся с путаными мыслями, в беспомощности, будто что-то пропустил. Неумело попытался восстановить картину последних событий и не преуспел. Что когда-то, где-то, а, может, в другой жизни или времени упавший генератор придавил ноги.

Будто не впервой закончилась водка.

ВОЙЦЕХ МАГЬЕРА ГОЛОВЛОМКА

— Никто не говорил, что это будет одна из тех обычных сталкерских миссий, — крик Старика застрял где-то между рёвом зверя и грохотом выстрелов.

Но давайте начнём с самого начала...

Мне семнадцать лет, я среднего роста и, как это в метро бывает, у меня недовес. Меня зовут Юлия. Я сталкерша, так что обычно я хожу в защитном костюме, с неотъемлемым противогазом и, конечно, с автоматом. Профессия сталкера — это, скорее, прерогатива мужчин, но почему-то я даю советы. Как и любой сталкер, у меня есть прозвище. Меня называют «Лисица», в основном из-за моих рыжих волос, по крайней мере, я всегда думала именно так.

Мой отец не использовал это прозвище, недовольный моей профессией. Но меня это почему-то никогда не беспокоило. Время я провожу в миссиях или в палатке, которую я делю с ним — последним родным человеком.

Я почувствовала вкусный запах. Значит, отец что-то приготовил. Присели вокруг маленького столика. Старые глиняные миски наполнены гуляшом.

— Приятного аппетита.

Мой отец, Александр, — спокойный человек, хотя и выглядит мрачным крепким орешком. Высотой под два метра, довольно широк в плечах, с короткой щетиной.

После еды я хотела выйти поторговать, но кто-то постучал в дверь.

— Кто там? — спросила.

— Это я, Никита.

За дверью стоял мальчик. Я знала, зачем он пришёл. Можно сказать, он работал на меня, потому что помогал мне торговать или искать людей, нуждавшихся в сталкере.

Кажется, я уже ничего не видела из-под чёлки. Я знала, что у мальчика за пазухой припрятан острый ножик, и знала, что он всегда вооружается, потому что уже много раз обещала взять его на поверхность.

— Есть работа, — сказал он без предисловий.

— Работы много не бывает, — я была очень рада, учитывая, что мало кто захочет воспользоваться моими услугами, предпочитая меня взрослым мужчинам. Однако на поверхности выживание часто зависело не от силы, а от скорости.

— Там такой старик, он не представился, стоял на другом конце станции. Он сказал, что ищет сталкеров для миссии...

— Сталкеров? — переспросила я.

— Ага, двоих. Но он сказал, что один уже есть. Платит много, — Никита сунул руку в карман слишком большой камуфляжной куртки и вытащил из него несколько патронов. — Он дал мне это за беспокойство.

Я попросила его убрать их и решила выяснить, что же это за странное задание. Я спрятала нож за голенище и пошла за мальчиком.

У него длинная борода, потрёпанная шапка. Вся его одежда была грязной, а сам он в последний раз умывался на заре цивилизации. Так и хотелось повернуть назад. Но я решила остаться из-за Никиты.

— Здравствуйте, — прохрипел он.

Я не спросила его имя, потому что подумала, что он не просто так его не назвал.

— Вы сталкер?

Он не ответил, но открыл сумку и с некоторым трудом вытащил оттуда металлический контейнер. Приоткрыл слегка крышку, и я увидела такое количество

патронов, что с ними я могла бы надолго обеспечить себе достойную жизнь. Старик закрыл ящик и вот так, запросто, отдал его мне.

— Половина сейчас, половина по возвращении. — Я понятия не имела, сколько патронов в коробе, но весть, что я получу ещё столько же, сразу заинтересовала. — Мы не будем искать сокровища или бороться с чем-либо на поверхности, разве что из необходимости. Я хочу, чтобы ты вместе с ещё одним сталкером, кого я избрал, сопроводили меня кое-куда, — он показал на карте маршрут.

— И только-то? — удивилась я. Казалось, пара пустяков. Старик хотел исследовать поверхность, так что почему бы и нет, учитывая прибыль. Мы договорились встретиться через час у гермозатвора, отделяющего наши тёмные туннели от столь же мрачного мира на поверхности.

— Меня зовут Лисица, — сказала на прощание.

Вооружённая до зубов и одетая в химзу, я ждала Старика. Тем временем ко мне присоединился второй сталкер. Он смотрел куда-то в сторону, щурясь при этом одним глазом. Сразу окрестила его Одноглазым. У него новый «намордник», и винтовка лучше.

— Это вас забираем? — он посмотрел на меня исподлобья.

Первый раз вижу этого человека, а он сразу же начал относиться ко мне покровительственно, как мудака...

— Нет. Если что, ты идёшь с нами.

Прежде чем мы успели поругаться, к нам подошёл Старик в противогазе.

— Ну, молодёжь, собирайтесь, — бросил коротко.

Когда мы вышли на поверхность, Старик остановился и оценил картину разрушенного мира так, как будто впервые его видел. Мрак, щебень, обгоревший мусор и вездесущее запустение. Казалось, он был удивлён и шокирован. Для меня мир на поверхности всегда выглядел так, поэтому никогда не испытывала ностальгии по тому, чего не знала.

Мы двинулись в путь. Я осталась с ним сзади, в то время как второй сталкер шёл в авангарде, разведывая местность. Старик выглядел смешным в своём древнем противогазе.

— Почему вы не купите снаряжение получше? Вы же, в конце концов, богаты, — поинтересовалась я.

— Старое обмундирование и грязь на лице — хороший камуфляж, если не хочешь обращать на себя внимания, — ответил он, тщательно подбирая слова. — Все меня обходят стороной, как будто меня нет.

Несомненно, он был прав.

— Но я не всегда был богат, — признался он. — Те патроны, что я тебе отдал, в каком-то смысле я забрал.

Я посмотрела на него выжидающе, и он стал рассказывать свою историю:

— Это было... — словно покопался в памяти, — на Проспекте. Там сидел такой человек, Шулер. Играли в карты на патроны. У него действительно были успехи... Некоторые знали, что он был мошенником, и держались подальше, но многие давали себя обмануть. Они думали, что обыграют его, а уходили с пустыми карманами. Иногда обвиняли его в обмане.

— И что тогда?

— Шулер ничего такого не делал. За его спиной было много земляков и зрителей, так что либо кто-то бы заметил подвох, либо его не было.

— А если нет? — допытывалась.

— Тогда, чаще всего прибегали к оружию, но у Шулера рефлексы. Как хренов стрелок с Дикого Запада.

— То есть он неудачник или мертвец?

— В самом деле. Но это теперь. Появился один игрок со своей командой и свёл Шулера с ума. Это было столкновение равного с равным, каждый жульничал, как мог. И вдруг на столе оказалось пять тузов. Шулер вытащил оружие. Но кто-то выстрелил первым. Из рукава Шулера посыпались окровавленные карты. Разразился переполох. Толпа начала сражаться за огромный банк.

— А кто застрелил Шулера?

— Кто его знает. Говорили, что это всё постановка, второго мошенника подослали убить его. Отвлечь внимание и усыпить бдительность Шулера, убрать его так, чтобы это было похоже на разборки двух жуликов. Так как первым вытащил оружие Шулер, никто не мог иметь претензий к убийце. Несколько человек полегло. Сам получил по лицу и грохнулся на землю. Пытался отползти.

— Как я понимаю, вы в целости и сохранности?

— Да... Знаете, небось, поговорку: дураки о добыче спорят...

Я поняла.

— Когда все забыли о том, что лежало на столе, я заинтересовался огромным ларцом, на котором сидел Шулер. Как оказалось, там был весь запас боеприпасов.

Рассказ Старика ничем не выделялся из слышанных в метро. Может быть, правдивый, а может, и нет. Важно, что у него были патроны...

Мы решили остановиться. Я заботилась о нашем заказчике, Одноглазый проверял местность.

— Давно ты так работаешь? — спросил Старик.

— Давно я в сталкерах? Уже несколько лет.

— И как тебе? Не боишься поверхности?

Я уже хотела что-то ответить, но рядом с нами остановился второй сталкер.

— Дедок в корень зрит. Не боишься?

— А чего мне бояться?

— Мутантов, — улыбнулся Старик.

— Или других сталкеров, — добавил Одноглазый. — Я слышал, как Дед рассказывал какую-то историю. У меня тоже есть, — не дожидаясь приглашения, начал: — Говорят, что в какой-то части метро работает один сталкер. Его называют по-разному: «Призрак», «Тень» или «Смерть». Типа появляется на какой-нибудь станции, знакомится с другими сталкерами. Выходит с ними на поверхность, и... бум!

Он замолк, а я так и не уловила суть истории.

— Что «бум»?

— Убивает их. Крадёт оружие, противогазы и возвращается...

— На станции рассказывает сказки, что остальное пропало после атаки мутантов, — закончил за него Старик. — Потом исчезает, как призрак, чтобы появиться на другой станции с изменёнными именем и внешностью. Я знаю и эту историю.

— А вы кто? Коллекционер легенд, что ли? — возмутился сталкер.

— Я просто люблю разные истории. У меня хорошая память, поэтому я знаю ещё одну деталь той легенды.

— Какую? — спросила я.

— А то, что, несмотря на перевоплощение, говорят, чем-то, да выделяется он.

— Чем?

— Видимо, что-то с глазом, как будто они у него искусственные.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я поняла. Секунда, а может, десять. Кажется, хорошая память Старика могла загнать нас в могилу. Я посмотрела на сталкера, который уже целился в меня из винтовки. Чёртов Одноглазый.

— Кто бы мог подумать, что я настолько знаменит, чтобы такой угод столько обо мне знал. Или я стал неосторожен на старости лет, — бандит отступил на два шага. — Я хотел убить вас, но чуть дальше, чтобы никто вас не нашёл. Ну, ничего, придётся дойти до своих могил. — Его искажённый «намордником» смех был громкий, а на поверхности лучше не шуметь. Учитывая, что только что его «бум» был слышен на всю Ивановскую.

Я увидела какую-то неясную тень, скользющую за нами. Что-то к нам приближалось. Одноглазый услышал. Повернулся. Летающий монстр пока сидел на земле. Он выглядел, словно звери из мифической бездны, о которой я читала в какой-то книге. Одноглазый сразу же нажал на спусковой крючок. К сожалению, его винтовку заклинило. Сталкер схватился за пистолет. И снова осечка. Мутант со всей силы навалился на неудачника и повалил его на землю.

Я сдёрнула «калаш» и послала в тварь половину магазина. Никто не говорил, что это будет одна из тех обычных сталкерских миссий. Да, в общем-то, и не существует такого понятия, как «обычная сталкерская миссия». Всегда нужно считаться с тем, что всё дерьмо этого мира может всплыть в любой момент, будь то неожиданный гость в лице мутанта или коварный сталкер, что может внезапно выстрелить тебе в спину.

Однако было не до споров. К счастью, птер уже понял, что лучше взять сбитого сталкера, чем страдать от моих очередей из автомата. Схватил Одноглазого когтями и попытался улететь с ним.

— Лучше нам отсюда убираться.

Я не знала, двинется ли в нашу сторону монстр, когда закончит развлекаться с Одноглазым, или уйдёт в противоположную сторону. Мне стоило найти укрытие, где мы могли бы переждать худшее.

Медленно опустились в завалы мусора, что должны стать нашей защитой. Не знаю, сколько мы сидели, но тишина начала нам надоедать.

— Жадность его погубила, — заговорила я. — Он хотел нас ограбить и поплатился.

— Такие должны гнить в аду, — резко отозвался Старик. — Или вообще не рождаться. К сожалению, в метро полно таких людей.

— И вы, вероятно, знаете какую-то историю об одном из них?

— Вам недостаточно рассказов? А может, я просто их выдумываю?

Помолчала некоторое время, в поисках хорошего ответа.

— Э, ну, вряд ли всё... Рассказали о Шулере, потом Одноглазый рассказал свою историю, которую вы тоже слышали. Это выглядит так, как будто вы пишете книгу о легендах метро. Только зачем?

Старик задумался на мгновение.

— Может быть, это странно, но все они образуют идеальную головоломку.

— Головоломку? — я переспросила, не понимая.

— Головоломку целого метро... И людей, что в целом не изменились. Катастрофа никого не научила смирению, а наоборот, пробудила в них первобытные инстинкты. Разрушения, жадности, предательства...

— Но не все они плохие, — бросила ему.

— Все злятся. Одни — всю жизнь, другие — лишь иногда. А некоторые только и ждут, пока зло заразит их.

Я удивилась.

— Я знаю много хороших. Тот же мальчик Никита. Мой отец, и даже я, — и посмотрела на него. — А вы плохой?

Я не видела выражения его лица в противогазе.

— Точно не хороший... — буркнул он, наконец. — Я слабый, а слабые сплошь плохие люди, — снова кашлянул и продолжил: — Был мужчина, можно сказать, смолоду следовавший по ложному пути, но очнувшийся. Он встретил женщину с двумя детьми, которых полюбил, как своих. Но через несколько лет показал истинное лицо. Он снова начал воровать, исчезал на несколько недель. Как Одноглазого, его погубила жадность. Назанимал у плохих людей и хотел больше, а единственное, чего было в избытке, это долги. Появился, однако, кто-то, кто предложил ему выход. В уплату долгов придётся отдать одного из детей его женщины.

— Продал ребёнка? — удивилась я.

— Он должен был оставить его в одном из тоннелей между станциями на Кольцевой, но ему этого было недостаточно. Обурила его жадность. Привёз не одного ребёнка, а обоих, считая, что ещё на этом заработает. Он подумал, что без разницы — потерять одного или двух. За второго получил большую премию. Но за несколько дней потерял всё, остался лишь старый тупой нож, что никак не поменяешь. Хотел вернуться опять к бизнесу и воровать, но нужны были средства на покупку оружия. Вернулся к женщине и, конечно, без проданных детей. Но оказалось, та была не одна. И, к его удивлению, дети, которые, как ему казалось, исчезли навсегда, вернулись домой. Оказалось, что дети сбежали от дилера с помощью какого-то человека, и вернулись спустя всего несколько часов, и рассказали всё маме.

— И чем всё закончилось?

— Сама как думаешь? Женщина нашпиговала его свинцом, и тот умер под дверью. Жадный и подлый, кончил так, как должен.

— Кто-то помог тем детям в побеге. Кто-то хороший.

— Наверное, случайно или с какой-то целью.

— Ну и что, я всё равно считаю, что не все люди плохие.

— Да будет так...

Мутант, видимо, не пошёл по нашим следам, поэтому мы смогли выбраться со свалки и идти дальше. Обычная или нет — миссия достигла половины пути, осталось только вернуться. Я ещё не знала тогда, зачем пришли сюда.

Некоторое время я думала, что место, куда хотел попасть Старик, скрывало какую-то подземную базу, но мы влезли в развалины бывшего магазина. Старик сел на ветхий стул. Не понравилось мне это место, а из-за того, что с нами больше не было второго сталкера, мне пришлось сделать небольшой обход.

Судя по всему, это был продуктовый. Ныне трудно себе представить, что когда-то полки ломились от еды. Холодильники, о которых я слышала, — были заполнены мясом, и отнюдь не живым, которое нужно забить так же, как на станции. Всё было красиво нарезано на ломтики и расфасовано. Весь мир был такой прекрасный, лёгкий и нереальный для человека, который никогда не видел его своими глазами.

Я мельком оглянулась на магазин, не стоит ли там какой мутант. После чего вернулась к Старикку. Он по-прежнему сидел в кресле, задумчиво уставившись на книжные полки у стены.

— Я не хочу давить, но если мы здесь за чем-то конкретным, советую поспешить. Нас ждёт ещё обратная дорога, — говоря это, я словно вывела его из транса. Но не ожидала увидеть его неожиданную реакцию.

Он снял противогаз.

Я так удивилась, что с места не смогла сдвинуться. Ещё больше удивил меня его внешний вид. Лицо старика уже не было грязным, волосы подстриженные, щёки выбритые. Привёл себя в порядок перед выходом на поверхность. Уже не казался таким старым, максимум на сорок с лишним лет. Наконец я очухалась, подошла и надела ему противогаз обратно, но гофрированная трубка сразу выпала. Я поняла, что в противогазе утечка, а у моего заказчика не было запасного фильтра. Но почему?

— Как вы уже догадались, я не вернусь.

Сначала подумала, что это глупо. Необдуманно. Втемяшилась в голову какая-то блажь, но, увидев, что он продолжает сидеть на месте, подумала, что на то есть причина.

— Не бойся, я тебе заплачу, как обещал. Остальные патроны отдал тому мальчонке, Никите. Надеюсь, ты ему доверяешь.

Я кивнула, но мне стало интересно, почему он хочет закончить свою жизнь.

— Я умираю. Врач сказал, что у меня воспаление легких. Много лет вдыхал всякое дерьмо, что есть в метро, пары, дым...

— Но почему именно так? Таким образом?

— Ещё недавно у меня была цель, но когда выяснилось, что она недостижима, я мог сделать только это. Вернуться сюда и вспоминать её.

Неужели он говорил о какой-то женщине? Любви, потерянной в день катастрофы?

— Быть может, это лечится, — сказала я, чтобы что-то сказать.

— Моя жизнь не имеет больше, к сожалению, никакого смысла.

— И я должна вас оставить?

— Да, но сначала я хочу, чтобы ты кое-что выслушала. Это будет ещё одна история. Настоящая во всех отношениях, не легенда.

— О мужчине и женщине? — предположила я, потому что поняла, что старик хочет поделиться со мной личной историей.

— О злом человеке и красивой женщине, — поправил он меня. — Я встретил её здесь. За год до катастрофы. Я был молод и шёл мимо на работу, а по дороге заскочил прикупить булочек. Только для того, чтобы увидеть её, её улыбку. Я был застенчив, но пересилил себя, и мы стали общаться. Наверное, я её немного пугал, но она никогда в этом не признавалась.

Мы начали встречаться. А когда мир рухнул, каким-то чудом нам удалось воссоединиться в метро. С самого начала нам было тяжело, как, впрочем, и всем. Мы узнали, что на некоторых станциях нуждаются в молодых и здоровых людях, и захотели вырваться с опустылевшей станции. Окрылённые надеждой на лучшую жизнь, ждали на перроне. Было там много таких, как мы, молодых и наивных. Подъехала дрезина. В ней сидело четыре человека. Капитан и трое его помощников. На нём была оранжевая кепка с козырьком, у них — оранжевые повязки. Отбирали людей. Взяли нас и ещё одну пару. Мы сели на дрезину и въехали в туннель. Мы собирались ехать куда-то в центр, а через некоторое время выяснилось, что мы едем на окраинные станции. Мы попали в руки злодеев. Они не собирались давать нам новую жизнь, лишь избавиться от мужчин, а девушек забрать себе. Пытались нас одолеть, и капитан сразу же схватил наших женщин. Второй пассажир бросился защищать свою жену, и его застрелили. Я хотел бежать, но получил прикладом по голове и потерял сознание. Когда очнулся, увидел, как трое уродов

держат мою Надежду, а капитан её насилует. Проклятые твари. Связали меня, смеялись и велели смотреть. Почему? Зачем они это делали? — его голос сорвался, но он не плакал. Наверное, уже не мог.

— Если обидели её они, то почему злым человеком называете себя?

— Они были злыми, как и я. Капитан сказал, что, по крайней мере, заработает на мне, потому что искали рабочих разгрести засыпанную станцию. Он подошёл ко мне, не знаю зачем, я воспользовался случаем и врезался в него всем телом. Оба упали на рельсы. Я поднялся первый. Побежал... Побежал, как трус, оставив её. Девушку, что я любил, — старик судорожно проглотил слюну.

Я взяла его за руку. Мне было жаль человека.

— Ты мог или дать им убить тебя сразу, или бежать. Но это не делает тебя злым человеком, — сказала я, но, думаю, до него не дошло.

— Я бежал, пока мои ноги не начали кровоточить. Упал на какой-то станции. Там меня нашли и освободили от оков. Помог одному человеку и вернулся. Но её уже не было. Ни Надежды, ни дрезины. Нашёл только оранжевую кепку обманщика, что причинил нам зло. Сначала я бродил по туннелям, ища её, либо упоминания о банде или дрезине. Я искал её более чем на ста станциях. Настродался, перемерз и оголодал. Некоторые помогали, а другие наоборот. В течение многих лет я искал хоть какое-то упоминание о девушке, показывал всем её фото. Я объездил всё метро, услышал и запомнил бесчисленное число легенд и историй, но нашёл в них только боль и страдания, так как они были в основном о людях, что сами стали палачами. Но после стольких лет... — мне показалось, что вижу блеск в его глазах, — появилась надежда. Фото, моя единственная и самая ценная реликвия, помогло мне. Оказалось, что одна женщина видела похожую девушку. Когда я приехал туда, куда она показала, выяснилось, что поздно... Надя пережила те события на дрезине, но нашёл её слишком поздно...

Старик замолк, и я понятия не имела, что сказать.

— У вас осталось её фото? — выпалила я.

— Потерял, но теперь мне без толку. Я хотел дойти до этого места, потому что здесь мы познакомились, пережив потом несколько замечательных месяцев. Здесь она в первый раз улыбнулась мне. Я помню её и скоро к ней присоединюсь.

Я знала, что его уже не спасти. Несмотря на это, я не хотела, чтобы он здесь умер.

— Может, ваше время ещё не пришло. Если упорно искали её годами...

— Вам уже пора, — перебил он. — У вас целая жизнь. Может, на самом деле есть ещё хорошие люди. Вы мне помогли.

Я шла, раз за разом останавливаясь и оглядываясь, надеясь, что старик передумал. Тем не менее, он продолжал сидеть на месте, и чем его фигура становилась меньше, тем больше мне казалось, что он знал, что делает. Его жизнь действительно закончилась тогда, когда он убегал от людей с дрезины и оставил свою Надежду. Его сердце тогда разорвалось — безвозвратно, и все эти годы скитаний и поисков лишь прозябал. Мне он так и не показался злым человеком, даже не слабым, если он находил в себе силы искать её столько лет. Я оставила его с легендами и рассказами, которых у него ещё, думаю, предостаточно. Но историю о нём и Наде я запомню до конца своих дней.

Никита с нетерпением ждал моего возвращения. Он хотел знать, куда делся второй сталкер, но про заказчика не спрашивал.

— Ты знал, что он не хотел вернуться? — спросила я.

— Он сказал, что хочет передать тебе всё остальное, потому что может не дожить, — с этими словами он передал мне сумку.

— Мы рассчитаемся позже, — бросила, не вдаваясь в детали заказа. — Он говорил что-то ещё в самом начале?

— Говорил что-то о головоломках и злых людях, но, в целом, ничего конкретного.

— Он был немного потерян, — произнесла я и ушла.

Вернувшись к себе, села за стол и начала пересчитывать патроны. В какой-то миг наткнулась на контейнер, спрятанный между снарядами и обоями. На крышке была старая стёршаяся карточка.

«Любую головоломку нужно разгадать. Иногда, правда, исследуя её новые элементы, мы начинаем замечать, что это решение может нам не понравиться. В поисках той, кого я потерял, собрал все частички своей мозаики — я отдаю их тебе в руки. Однако тебе решать, что с ним делать. На мой взгляд, злой человек остаётся злым до конца своих дней, не достоин искупления или не становится добрым. Но решать тебе.

Я хотел сам завершить свою жизненную миссию, однако „картина в целом“, что я увидел, дала мне понять, что я не имею на это права. Я перекладываю таким образом своё бремя на твои плечи, и от тебя зависит, как разрешится эта головоломка...»

Я перечитала дважды, потом заглянула в коробочку. Первое, что нашла, это игральные карты. Туз пик заляпан чем-то тёмно-красным. Сразу вспомнился рассказ о Шулере, который всех обманывал до тех пор, пока кто-то его не застрелил. Я подумала, что мой недавний клиент забрал их себе в качестве сувенира. Ещё там лежала игла. Я думала некоторое время, и поняла, что она относилась к Одноглазому. Старик хорошо знал, кем был второй сталкер. Я была уверена, что Одноглазому вовсе не просто так не повезло с оружием. Не могла только понять, почему они с Шулером погибли таким образом. Но когда я увидела ещё одну вещь, начала сопоставлять факты. Старый тупой нож, всё, что осталось у человека, продавшего детей.

Три истории, три мертвеца. Я заглянула глубже в контейнер — мне казалось, что понимаю большинство из того, что пытался передать мне Старик. Игла, нож и карта, а под ними кепка, оранжевая. Это Старик пристрелил Шулера, это он освободил детей и дал матери шанс отомстить, он отдал Одноглазого на съедение мутанту. На всех отпечаток его жизни, трёх помощниках капитана дрезины. Трёх злых людях.

Далее я всё думала над его словами. В поисках Нади на разных станциях он встретил — как это назвал — «зло». Злился на людей, которые, по его мнению, не изменились в целом, несмотря на то, что у каждого была совсем другая профессия или жизнь.

Я держала теперь последнее доказательство этого зверства, оранжевую кепку, принадлежавшую некому Капитану. Я хотела, чтобы Старик рассказал мне ещё одну историю. И почему он оставил всё это мне? Чего-то не хватало, последнего элемента головоломки.

Я села и разложила всё на столе, и вернулась ещё раз к записке на коробочке, которая начала отклеиваться от неё. Оторвала её и поняла, что это не бумага, а старая фотография. Фото, которое не было ему больше нужно. А на нём двое. Пара, которая много лет назад была разлучена. Мужчину я узнала сразу, женщина, которую он обнимал, должно быть, была пропавшей Надей. Я посмотрела на неё, и сердце во мне сжалось. Невозможно!

Девушка была так похожа... Так похожа на меня. Схожие черты лица, те же рыжие волосы...

Мужчина искал её, а нашёл меня. Девушку, похожую на его любимую. Может, он решил, что я её дочь? У меня всё в голове перепуталось. Моя мать Анна из рассказов отца

была совершенно другим человеком. Она умерла после родов, а он ухаживал за мной с тех пор, обеспечивая мне крышу над головой и даря любовь.

Я надолго задумалась обо всём этом. Не знаю, сколько времени я просидела за столом. Наконец с рынка вернулся отец. Он посмотрел на меня, на разложенные в шахматном порядке элементы головоломки. Достаточно было одной его фразы, чтобы понять, что Старик пытался мне сказать с самого начала.

— Когда-то у меня была такая кепка, — он посмотрел на оранжевый головной убор на столике. — В молодости, — добавил он, после чего исчез на кухне.

Я сидела ещё долго. Наедине со своими мыслями. Как мужчина, не проронила ни слезинки. Человек, что воспитывал меня все эти годы, ухаживал за мной, в прошлом был преступником. Я была ребёнком от той женщины, которую изнасиловал он тогда там, на дрезине... Человек, что был мне отцом, подавил в себе зло, когда я родилась? Его бывшие союзники не изменились и остались злыми людьми, поэтому Старик воздал им по заслугам. Но когда он увидел, что Капитан любит дочь и заботится о ней, по-видимому, заколебался. В записке он назвал это «картиной в целом», и это я должна сейчас принять решение о судьбе человека, что был мне близок, но, как оказалось, творил в прошлом ужасное зло.

Я смотрела на фотографию моей матери... Нади. Понимала, что решение, что я должна принять, будет самым тяжёлым в моей жизни...

Разве злой человек может измениться? Или всё-таки может избавиться от этого зла? И возможно ли вообще искупить вину?..

А?..

ЕВА «PANI_COGITO» МАЛИНОВСКАЯ РАЗВЕДЧИК

I

— Курва! Застрыло! — дородный мужчина в противогазе боролся с затвором винтовки.

— Я прикрою тебя, Майор! Только подними свою задницу, их всё больше и больше! — заорала сквозь маску девушка и вышла немного вперёд, раз за разом стреляя в волчар.

— Ладно, пани! Мы отступаем!

Стрекотали винтовки. Пули косили ряды мутантов. Пара медленно отступила к станции метро. Когда мужчина опёрся спиной о металлическую заслонку, трижды ударил по ней прикладом винтовки. Заскрипел механизм, открывая металлические двери.

— Овца, лезь!

Девушка послушалась приказа и сунулась внутрь. Майор исчез за дверью через несколько секунд.

II

Сняли маски, тяжёло дыша. Переглянулись и, улыбаясь, двинулись медленным шагом в сторону лестницы, ведущей на платформу.

— Эй! Здравствуйте! — раздался крик за спиной, но ни один из них не обернулся. Охранник вновь хотел засыпать их вопросами.

Спустились по лестнице в сторону служебного помещения, используемого сейчас как сталкерская раздевалка и склад. Разоблачились, сняли бронежилеты, защитное обмундирование и тяжёлые ботинки.

— Овца, должен сказать, у тебя довольно аккуратный зад, — бросил мужчина с улыбкой.

Девушка подошла к Майору, сняла рубашку и накинула ему на голову, после чего пошла под душ.

Мужчина знал, что шансов у него нет. Конечно, он натренирован, в отличной форме, но лицо пересечено шрамами, а чертами смахивал на обезьяну. Нет, его определённо нельзя назвать красавцем. К тому же, он старше её на девять лет.

Вскоре Овца вернулась в раздевалку, помывшаяся и в свежем костюме.

— А что, ты не идёшь в душ?

— Я? Иду, просто думал, что ты дождёшься меня там, — он засмеялся.

Девушка подошла к слегка запачканному зеркалу и причесала короткие чёрные волосы. Смешанное происхождение подарило ей кожу цвета корицы и чёрные глаза. Она была среднего роста, стройная и мускулистая. Затем, накинув на плечи поношенную кожаную куртку, вышла на платформу.

III

Майор и Овца сидели в вагоне метро, который был переоборудован в штаб-квартиру командования. Поезд остановился на станции Имелин в день катастрофы и оставался там по сию пору. Тогда «Siemens Inspiro» был последним приобретением варшавского метро и самым большим составом в городе. Половину поезда, то есть три вагона, занимали начальник станции и главнокомандующие армии и сталкеров.

— Говоришь, в стаде около тридцати особей? — спросил старший мужчина.

— На первый взгляд, потому что они всё прибывали, — ответил Майор.

— Беда, нужно будет отправить большую группу наружу, иначе окажемся в западне.

— Командир, я думаю, это должна быть очень сильная группа. Эти звери унесли жизни большинства жителей станции Кабаты.

— Кабаты были не готовы. У них там мало опытных сталкеров, кроме того, эти черти ворвались внутрь. Нам это не грозит. Можете идти, — старший офицер указал им на дверь.

Майор переглянулся с Овцой, и, помедлив, оба вышли.

— Конечно, нам это не грозит. Наверное, начальник на Кабатах тоже так думал. Идиоты, — высказалась девушка, когда они стояли уже на перроне.

— Может, командир в чём-то прав. Сама знаешь, что мы обеспечены всем необходимым.

Она бросила на него недоверчивый взгляд и двинулась в сторону большого костра. После минутного колебания он последовал за ней.

Станция Имелин, как и большинство урсынувских станций, была двухсводчатой. Посреди островного перрона тянулся ряд колонн. Двадцать лет назад там стояли скамейки, теперь горят костры, торговцы зазывают к себе, а путешественники кладут спальные мешки.

— Кого я вижу! Неужели Виктория и Франек вернулись домой? — поприветствовал сталкеров парень у костра. Кубе, электрику станции, было меньше тридцати лет, у него светлые волосы и созвездие веснушек на лице. — Расскажите, как было. Много проблем на поверхности?

— Большое стадо волчар, а так всё спокойно, — ответила Овца.

— А далеко зашли?

— Конечно, где-то на двести, может... — начал Майор и резко закашлялся. Его глаза заслезнились, а лицо приобрело красный цвет. Наконец ему удалось успокоиться. — Чёрт. О чём, бишь, я? А, на двести, может, триста метров. Вышли со стоянки возле «Мультикино». Сначала заметили четырёх и понадеялись, что обойдётся. Однако оказалось, что в центре их больше. Вели нас долгое время, после чего бросились в атаку. К первым присоединились новые. Оружие заклинило, и если бы не Виктория, там бы и остались. Но нам повезло. Истребили более двадцати.

— Неплохо. То есть на деле оказалось хуже, и что?

— Как сказать... Нужно с этим что-то сделать, прежде чем выкурят нас отсюда, как людей с Кабат, — Франек достал из кармана пачку сигарет и закурил. Затянулся и снова закашлялся.

— Майор, ты кашляешь уже месяц, да и куришь одну за другой. Бросай это дерьмо к чёрту, или хотя бы сходи к доктору.

— Доктор мне скажет, чтобы я бросил, и всё.

— Так, может, стоит бросить? Потому что, чувак, ты сдохнешь, и Овце придётся искать нового напарника, — Куба перевёл взгляд на Викторину.

Та не слушала. Смотрела в глубокой задумчивости на пламя. Только когда наступило молчание, девушка подняла голову и посмотрела на них удивлённо.

— Что? У меня что-то на лице или что?

Мужики только рассмеялись в ответ.

— Так что? Знаете, я понятия не имею, о чём вы говорите, да и мне всё равно. Я спать, — пробормотала она, вставая.

— Что это с ней? — спросил электрик.

— Понятия не имею, — Франек пожал плечами и потянулся, громко зевая. — Тоже, пожалуй, лягу. Эта разведка чуть не уколошила меня. Поговорим завтра, ладно?

— Чувак, сходи к доктору, говорю тебе. Потому что тебя измотали не мутанты и другие твари, а этот чёртов кашель, — сказал на прощание Куба.

IV

Овца и Куба ели завтрак у костра. Приготовили тарелку и для Майора, но сталкер не появился.

— Где он пропадает? — спросил электрик.

— Не знаю. Может, послушался твоего совета и пошел к врачу? В последнее время он кашляет все чаще и уже не в той форме, как раньше.

— Ты за него переживала?

— Да, но не так, как ты думаешь. В конце концов, мы работаем вместе, и если с ним что-нибудь случится на поверхности, мне тоже достанется, — Овца какое-то время копалась вилкой в еде. — Ты думаешь, там может быть что-то серьезное?

— Подозреваю, что это всё из-за сигарет. Курит с малых лет, отсюда, небось, и кашель. Болезни не берут его. Думаю, нам не о чем беспокоиться.

* * *

— Да, не ахти выглядишь, Франек, не ахти.

— Ладно, говори, что со мной. Это из-за курения?

— Сигареты, прямо скажем, не способствуют... Тем не менее, мне кажется, что причина в вылазках на поверхность.

— Вылазках на поверхность? О чём ты?

— У меня нет уверенности, нужны исследования, которые здесь не провести...

— Говори.

— Рак. Мне жаль.

— Сколько мне осталось?

— Не знаю. Трудно сказать. Если хочешь, я могу исследовать кровь и мокроту под микроскопом, тогда скажу точнее.

— Как долго?

— Завтра я буду уже всё знать. Нужно только сильно откашляться и выплюнуть всё в эту чашу. Я постараюсь сделать анализ.

— Спасибо, — Майор взял чашу. — У меня есть просьба: не говори об этом никому, ладно? Если кто-нибудь спросит, скажи, что это из-за курения, или придумай другую правдоподобную версию.

— Конечно, без проблем. Приходи завтра после обеда.

* * *

После визита к доктору Майор пошёл к костру. Овца ждала его. Он любил смотреть на неё. Она такая красивая. Особенно нравились ему губы девушки, полные и свежие.

— Спасибо, что дождалась.

— Не за что, — девушка грустно улыбнулась, после чего подала ему тарелку с едой. — Был у доктора?

— Да. Куба был прав, этот кашель из-за сигарет.

— Сигарет? Это уже давно не сигареты, а сомнительные самокрутки не пойми из чего. Бросишь?

— Я постараюсь. Посмотрим, как пойдёт.

V

Едва Майор поел, как поступил приказ явиться в вагон командования.

— Садитесь, — велел им начальник, когда те пришли. — У меня к вам дело. Я хочу, чтобы вы отправились в ещё одну разведку.

— Как так? Мне казалось, мы предоставили достаточно информации. Необходимо отправить на поверхность большой взвод и разделаться с этими мутантами.

— Да, верно. Мы попросили поддержки у наших соседей с Натоллина. Мы слышали, что у них тоже проблемы с волчарами.

— Так зачем же нам снова выходить на поверхность? — Виктория не скрывала раздражения. — В последний раз нам еле-еле удалось вернуться!

— Я понимаю, но начальник наших соседей заявил, что поможет нам только тогда, когда мы будем знать все подробности.

— Подробности?

— О противнике. Сами говорили, что эти существа, вероятно, гнездятся на стоянке у кино. Вы должны проверить это.

— Проверить? Залезть в пасть льва? — Майор, казалось, не верил своим ушам.

— Глава станции Натоллин дал ясно понять, что пока мы не будем иметь подтверждённых сведений о противнике, он не даст ни одного человека. Поэтому вы должны проверить это. Лучше всего завтра утром, на рассвете. Мы всё передадим им и общими силами покончим с этими изуродованными волками.

— Разве вы не понимаете, что мы можем уже не вернуться? Каким чудом мы там незаметно подберёмся? Недавно на нас напала целая стая, а мы даже не были на полпути к стоянке! — Франек сжал кулаки и заскрипел зубами от ярости. — Не буду подписываться на самоубийство!

— Это приказ. Я хотел обсудить это с вами по-хорошему, но вижу, вы не хотите сотрудничать. Если не выполните приказ, будете осуждены за неповиновение.

— Вы шутите! — девушка хотела броситься на начальника, но Майор перехватил её, когда она почти перепрыгнула через стол.

— Я понимаю. Я выполню приказ, но прошу освободить от его выполнения Викторию. Я справлюсь сам, и не имеет смысла гробить двоих лучших разведчиков.

— Что? Нет, я не согласна. Я хочу пойти! Начальник, прошу его не слушать!

— Как я вижу, девушка горит желанием работать с вами. Так что пойдёте вместе. Выходите через два часа.

— Два часа? Ведь мы собирались отправиться завтра на рассвете.

— Что ж, назовём это изменением планов, — начальник вызывающе улыбнулся. — У вас есть два часа на подготовку. Вы вернётесь, как герои, — продолжил он с глупой улыбкой. — Конечно, если вернётесь. Удачи.

VI

Одевались медленно, в молчании. И избегали смотреть друг на друга.

— По какому праву ты хотел меня здесь оставить?! Почему хотел уйти один?! — спросила, наконец, Овца.

— Я не хотел, чтобы ты рисковала! Это самоубийственная миссия, и ты это знаешь!

— Да мне похер! Мы команда, забыл?! Как-то последние три года не беспокоило, что я рискую, выходя с тобой на поверхность. И иногда я спасала тебе жизнь!

— Я знаю. Понимаю. Я хотел только защитить тебя.

— Ты ничего не понимаешь! Мы команда, напарники, и на поверхности всегда вместе! Конец, точка.

После этих слов между сталкерами снова повисло молчание. Оделись, проверили снаряжение и двинулись в сторону металлической заслонки, отделяющей станцию метро от опасного внешнего мира, полного мутантов и радиации.

Дозорные проводили их печальным взглядом и медленно начали открывать ворота. Франек и Виктория переглянулись, пытаясь приободрить друг друга, и надели противогазы.

VII

На поверхности царил холод и дул порывистый ветер. Небо, как обычно, затянуто плотным слоем тёмно-серых облаков. Намечался дождь.

— Ладно, пошли вдоль стены «Мультикино». К счастью, ветер нам благоприятствует, так что волки нас не сразу заметят, — Майор направился в сторону здания.

Девушка держалась на шаг позади, следя за тылом. Ветер усиливался, и разведчики прилагали всё больше сил, пытаясь противостоять порывам. Они были на полпути, когда на землю обрушились первые крупные капли дождя, а небо пронзила яркая змея молнии. Загремело. С неба посыпался град размером с мяч для гольфа.

— Чёрт, надо где-то спрятаться! — захрипел Майор через маску.

Оба начали искать подходящее место.

— Там, — Овца указала на синие двери, ведущие в здание кинотеатра, после чего медленно двинулась в их сторону. — Я надеюсь, сейчас открыто.

Мужчина нажал на ручку, и дверь распахнулась с тяжёлым скрипом. Внутри царил полумрак, но Майор, не теряя времени на поиски фонарика, скользнул внутрь. Овца вошла за ним и спиной налегла на двери, чтобы их закрыть. Только теперь Майор вытащил фонарик. Они оказались в длинном, пустом коридоре, заканчивающемся дверьми, точно напротив тех, откуда вошли.

— Что делать будем? — спросила девушка.

— Проверим, что находится за дверью, и подождём, пока закончится град.

Оказалось, дверь ведёт в фойе. Оно было широким и обшито тёмно-синим материалом. С обеих сторон находились двустворчатые двери кинозалов.

— Я здесь впервые.

— А я в первый раз был здесь лет пять назад. Киношку уже почти полностью разграбили. Сюда никто не входил уже много лет, потому что было незачем.

— Не верится, что до всего этого, каждый день сюда приходили толпы людей, жаждущих развлечений, — девушка оглядывалась с любопытством.

Майор немного расслабился и аккуратно опустил винтовку. Вдруг из одной из комнат раздался странный звук, похожий на писк маленького животного.

— Слышала? — Франек немедленно поднял винтовку к щеке.

— Да. Проверим?

— Это не наше дело. Мы проверяем парковку, — он отступил на шаг, всё ещё целясь в дверь.

— Да, но, наверное, лучше, если мы будем знать, что там. В конце концов, мы должны где-то переждать эту бурю, а здесь...

Мужчина прервал её движением руки. Дверь слегка приоткрылась, и оттуда вышел волчонок.

— Курва, — процедил сквозь зубы сталкер.

Они начали осторожно отступать. Щенок осмотрелся в коридоре, скорее всего, в поисках матери. Когда заметил их, медленно вернулся в комнату, тихо скуля. Разведчики как раз остановились возле бывшего буфета. Слева находились стеклянные двери, главный вход в кинотеатр. От стёкол ничего не осталось, и в фойе гулял ветер.

— Лезь за прилавок, — приказал Майор. — Надо подумать, что делать дальше.

Овца послушно перелезла через стойку буфета.

— Что нам делать? — спросила она немного обеспокоенно.

— Не знаю. Думаю, мы ошиблись.

— Как это?

— У меня сложилось впечатление, что они вовсе не живут на этой стоянке. Мне кажется, что именно здесь волки нашли убежище.

— Так где они?

— Наверное, на охоте. Скорее всего, взрослые особи ушли, а тут остались только щенки.

— Чёрт, да они скоро вернуться! В такую погоду не до охоты. Блин... — девушка замолкла.

Майор посмотрел туда же, куда и Овца. У самого прилавка стоял огромный волчара, обнажив капаящие слюной зубы. Франек, не задумываясь, пустил очередь прямо в голову мутанта. Но в кино возвращались уже другие взрослые особи. Франек и Виктория стреляли вслепую, но на место каждого убитого мутанта вставляли два новых.

— У нас нет шансов! Надо отсюда как-то выбраться, — закричала девушка.

— Заряжай! — казалось, Франек не обратил внимания на её слова.

Волки обступили их кругом.

— Надо отсюда как-то выбираться! Майор, ты меня слышишь?! Надо бежать!

— В курсе! Я их отвлеку, а ты беги туда, откуда мы пришли. Только будь осторожна в зале с щенками. Они маленькие, но большой группой могут быть также опасны!

— А ты? Что будет с тобой?!

— Спокойно, когда отступишь, прикроешь меня, и я присоединюсь к тебе!

— Дурацкая затея! — сказала девушка, меня обойму.

— Я справлюсь! Приготовься и по моему сигналу беги со всех ног.

— Хорошо!

Мужчина прыгнул на прилавок, не переставая стрелять. Один из волков бросился в его сторону, но Майор успел срезать его. Сталкер спрыгнул на землю и, постоянно стреляя, двинулся влево, всю отвлекая внимание волков от девушки.

— Давай, крошка! — приказал он.

Девушка послушалась приказа, перемахнула через прилавок и стремглав бросилась к пустому коридору. Несколько волков помчалось за ней, но Франек прикрыл напарницу огнём. Отступая, мужчина стрелял короткими очередями, укладывая и ранив всё больше животных. Вдруг зацепился ногой о вспучившийся пол и рухнул на спину. Один из мутантов воспользовался моментом, приблизился к сталкеру и вцепился ему в ноги. Мгновение спустя волк упал замертво на землю.

— Беги! — кричал Франек. — Спасайся!

— Я не оставлю тебя здесь! — девушка медленно двинулась в сторону напарника. Теперь стреляли в волков с обеих сторон.

— Беги, мать твою! Я и так скоро умру!
— Не умрёшь, вместе прорвёмся.
— У меня рак! Проваливай отсюда, идиотка! Кто-то должен предупредить людей!
Девушка встала и перестала стрелять. На её лице отразились боль и удивление.
— Не могу... Я не оставлю тебя!
— Убегай!

Ещё один волк дёрнул Майора зубами. Сталкер вскрикнул, выстрелил в мутанта с нескольких шагов в голову и схватился за ногу. Уже сильно кровоточит.

— Беги! — крикнул он и снова начал стрелять.

Девушка, наконец, послушалась, посмотрела на своего напарника сквозь слёзы, сделала несколько шагов назад, после чего повернулась и бросилась бегом к дверям, откуда они попали внутрь. Мужчина вытащил гранату, снял с предохранителя и бросил в наибольшее скопление мутантов.

Взрыв сотряс слегка здание и оглушил человека на некоторое время. Но Франек не прекращал стрелять, пока в магазине не закончились патроны. Ему удалось на некоторое время отогнать волчар.

Вытащил пистолет. Приставил ствол к виску, и помещение огласил грохот одиночного выстрела.

* * *

— Дядя! Дядя! — один из мальчиков, сидящих в кругу, кричал с поднятой вверх рукой.

— Прости, Патрик, что ты хочешь сказать?

— Ну, мне нужно пи-пи, но я ничего не хочу пропустить, — смутился мальчик.

— Тогда беги. Я придержу для тебя байку, — ответил мужчина, делая глоток воды из стакана и глядя на окружающих его детей.

Вскоре мальчик вернулся.

— Хотите услышать, что было дальше?

— Да-а-а! — ответил ему хор тонких голосков.

VIII

Один из мутантов упал. Франек с удивлением оглянулся.

— Ты правда думал, что я оставлю тебя здесь на съедение? — спросила Овца, после чего схватила напарника за руку, и они стали понемногу отступать. Девушка бросила в мутантов ещё одну гранату.

Волчары, скуля, отступили, хотя граната не причинила им особого вреда, но это дало девушке время оттащить друга ещё на несколько метров назад.

— Можешь подняться?

— Зачем ты вернулась?

— Тогда заткнись и вставай, идиот! — говоря это, она подхватила его под плечи.

Майор повис на её плече, а другой рукой прижался к стене. Виктория стреляла с бедра, медленно отступая. Через несколько метров разведчики заметили, что мутанты вовсе не хотят атаковать, только прогнать незваных гостей от логова. Воспользовались этим, поспешно уходя. Наконец Виктория открыла какую-то дверь, и сталкеры свернули в узкий коридор.

— Ты с ума сошла! Больная!

— Я?! Так ты благодаришь меня за спасение жизни?! Кто здесь ненормальный, а?

— Зачем ты это сделала?

— Мы команда, забыл? Я хотела оставить тебя, но не смогла. Выбежала на улицу из кинотеатра и молилась, чтобы на другой стороне был такой же коридор. Ну и я не ошиблась, — сказала она со злобной усмешкой, — а теперь давай уйдём.

IX

— Что с ним будет?

— Не знаю. Его нога не выглядит лучше. Если не начнёт заживать, придется ампутировать, — врач стоял над Майором, находившимся в беспомощности. — Раны серьезные. Эти твари неплохо его потрепали.

— Я понимаю. У меня ещё один вопрос... — сказала, помедлив, Овца.

— Да?

— Он говорил что-то о раке. Я понятия не имею, о чём речь, но, может, вы знаете?

— Знаю, перед выходом он был у меня. Его мучил страшный кашель. Я хотел бы вам объяснить всё, но связан врачебной тайной.

— В задницу твою тайну, док, — девушка схватила врача за воротник. — Лучше скажи всё, что знаешь об этом.

— Да, конечно. Исследования. Мне нужно провести исследования. Несколько часов, и всё будет ясно. Я подозреваю, что это может быть какой-то паразит. Исследую под микроскопом... Матерь Божья, отпусти меня, женщина!

Девушка послушалась врача и ослабила хватку.

— Хорошо. Как только будут результаты, или проснётся Франек, пожалуйста, приходи ко мне.

* * *

— Что было дальше? Дядя, а что дальше?

— Как вы думаете?

— Я знаю! Я знаю! — кричал один из старших мальчиков.

— Ш-ш-ш, не спойлерить!

X

Майор открыл глаза. Он был в своей палатке. На матрасе, на котором он лежал, сидела Виктория.

— Что случилось? — спросил Майор слегка охрипшим голосом.

— Мамочки! Ты проснулся! — воскликнула девушка, тепло улыбаясь. — Я думала, не очнёшься. Ты упал в обморок вскоре после выхода из кинотеатра, и мне пришлось тащить тебя на станцию. Доктор спас твою ногу, но тебя ждёт долгая реабилитация, по крайней мере, он так говорит.

— Реабилитация? Зачем?

— Как это зачем? Чтобы ты мог нормально ходить!

— Я же говорил, мне недолго осталось.

— Неправда. Доктор ошибся. Провёл свои исследования под микроскопом, и вышло, что ты подхватил «паразита». Какой-то жук в лёгких. К счастью, у нас нашлись лекарства, и с тобой всё будет хорошо.

— Зачем ты это сделала?

- Что сделала?
- Вернулась за мной?
- Мы ж напарники, забыл? К тому же у тебя тоже классная задница.

ВОЙЦЕХ МАГЬЕРА

ДОМ ПОСЛЕДНИХ ИЗ НАС

Я понятия не имел, сколько успел пройти. Может, сто, а может, двести метров. Я оказался в узком, наполненном странным запахом месте. Но к нему я быстро привык.

Туннель был полтора метра в высоту, и мне приходилось постоянно нагибаться, что усложняло передвижение. К тому же время от времени я натыкался на завалы земли.

От однообразного скрипа тележки, снова и снова раздирающего тишину, меня пробивал озноб. Да ещё и трупы вывозить из нашего туннеля. Нашего... Через минуту я останусь в нём же и случится то, чего я больше всего боюсь. Человек в такой ситуации боится... по крайней мере, я боялся... просто не хотел сойти с ума. Ничего так не боялся, как того, что мой разум не выдержит, что погрузится в безумие. Я мог бы голодать пару дней, мог есть, срать и спать в одном узком помещении. Я мог бы вывозить трупы на поверхность, чтобы не гнили в этом тёмном коридоре, где и для меня стало слишком мало места. Но — чёрт возьми! — я не хотел сойти с ума...

Туннель, где я застрял, тянулся километра на четыре. Расстояние оценил шагами. Здесь не было света. Правда, я мог бы здесь что-нибудь установить, но смысл? Здесь не заблудишься.

Я остановился и достал из кармана динамо-фонарик. Двадцать оборотов. Моя рука работала быстро.

— Твою мать!

Фонарик выпал из рук. Я нашёл его без труда.

Ещё несколько оборотов, и я смог осмотреться. Увидеть, что застряло, и устранить проблему.

Я потратил немного времени и успел соскучиться по живому общению.

Когда доходил до одного из выходов — будь то восточного или западного — как правило, моя правая рука начинала дрожать. Не знаю, почему так. Просто так уже было.

В конце туннель расширялся. Несколько раз я ловил здесь крыс или что-то похожее на крысу. В первый раз съел по необходимости. Во второй уже с удовольствием, потому что в первый оказалось не так уж и дурно...

«Кто-то же построил это место», — подумал я. Четырёхкилометровый подземный туннель должен был стать, вероятно, убежищем, а во время Второй мировой войны попал в руки Советов, потом к немцам, и те немного его улучшили, а на самом деле расширили, сделав довольно разветвлённую сеть помещений. Так и хочется теперь сказать: «Хвала вам за это», хотя за столько лет никого из строителей туннелей в живых не осталось... Меня, в общем, тоже нет. Моя задача — выбросить труп на улицу.

У каждого из нас есть какие-то задачи... ну, почти у каждого. Моя обязанность — выходить на поверхность. Я искатель и исследователь. Я остался один, и пока что меня это не сломало. Даниэль, а потом Петро сопровождали меня когда-то на поверхность. Первый пропал наверху, другого прикончила обычная простуда. Люди медленно вымирали, и будущее казалось мне всё более и более мрачным.

Я поднялся со снаряжением по лестнице в верхнюю комнату, рядом с люком. И снова пошёл вниз, где ждало меня более трудное дело: придётся привязать веревкой сорокакилограммовое тело, подняться снова по лестнице, и на своих тщедушных плечах вытянуть его наверх.

Не знаю, сколько времени у меня это заняло. Спешить всё равно некуда.

Я положил всё: толстый костюм химзащиты, плащ, перчатки, и, что самое главное, противогаз. И ещё шлем, вроде тех, что в каждом фильме носили нацисты. Не люблю этих

ассоциаций, поэтому затыкнул на нём повязку, бело-красную — патриотическую. Так выглядело лучше, и встретить меня кто, я мог бы надеяться, что мне не прострелят задницу. К сожалению, за все эти годы я не встречал никого.

Несколько вздохов, чтобы успокоиться. Револьвер — старый, но не бесполезный — у меня под рукой. Я открыл первый стальной люк. Каждый раз страх облеплял меня тонким слоем пота, словно за металлическими дверями таилось зло, но там никого никогда не было. И сейчас тоже. Но на всякий случай снова взял фонарик, нажал несколько раз и проверил.

Вытянул за собой тело. Закрыл первую дверь и подошёл к следующей.

Страх перерос в возбуждение. Я открыл дверь в мир, который рухнул, чьё время давно прошло... Посмотрел на него сквозь толстые стёкла противогаза.

В самом начале я всегда делаю одно и то же. Осмотревшись вокруг в надежде, что встречу кого-то или что мир изменился к лучшему... Как всегда напрасно. Даже если когда-нибудь произойдёт какая-то смена, я её, наверное, не застану.

* * *

Я вышел на поверхность через подвалы разрушенного здания.

Когда я был маленький, слышал рассказы о подземных туннелях, соединяющих несколько мест, удалённых друг от друга, но сегодня никому не хватало храбрости проверить, правда ли это... Теперь, когда всё рухнуло в тартары, никто уже не хотел выходить из преисподней. Только я и ещё один труп. Я бросил его в канаву, как обычно.

В мыслях я насчитал их всех. Безумный Грегор, Моника, Михаил и Юзик — они были последними, и они лежали сверху. Под ними многие другие, мои друзья, хотя и не все. Последние из нас. Я почувствовал, что глаза слезятся, значит, пора возвращаться.

И вдруг я услышал какой-то звук, шорох из-за холма. Сразу же схватился за оружие, взвёл курок и держал ствол наготове. Сердце забилося как сумасшедшее. Я сделал несколько шагов, но не назад. Любопытно же.

Я выполз как можно тише, к сожалению, зря. За холмом я не нашёл ничего интересного. Какая-то старая ржавая жесть билась на ветру.

«Сейчас не время что-то собирать», — подумал я и повернулся. Прошёл несколько метров и, наверное, опять услышал какой-то звук. Может быть, это снова ветер шалил, а может, мне показалось. Я повернулся слишком резко и упал. Прокатился несколько метров вниз. Успел сгруппироваться. Хотел вернуться, но заметил что-то в завалах, куда только что угодил.

Какой-то круглый металлический шарик, сперва решил я. Опустился на колени и осмотрел находку, и сразу же понял, что это. Маленький медальон на цепочке, внутри которого небольшой клад или фотография. К сожалению, в этих перчатках я не мог его открыть, но захотел себе эту вещь. Цепочка оказалась закреплённой за что-то под завалом.

Я начал разгребать завал с помощью сапёрной лопатки, что всегда носил на ремне.

Наконец я увидел, что держало цепь. Маленькая ручка, а точнее, то, что от неё осталось. Ручка ребёнка, которой не хотелось прощаться с этой драгоценной вещью, что я теперь держал в руке.

В такие моменты мне хотелось пустить себе пулю в лоб и уйти из этого мира по своей воле. Но желание жить было во мне сильнее, о чём всегда жалел. И теперь пробивался вперёд, вглубь тоннеля с новым сокодвижением в кармане.

Даже фонарик не включил, обратная дорога всегда для меня в каком-то смысле немного проще.

— Виктор! — крикнул изо всех сил. Выкрикнул своё имя, надеясь, что уже в нужном месте. Правда, никто не называл меня Виктором. Когда звал, этот странный туннель нёс слабое эхо, и на расстоянии было слышно только: «Вик». Так меня называли.

Когда голос зазвучал в туннеле, где-то примерно в двадцати метрах передо мной возник слабый свет. Именно туда я и шёл.

— Что так долго, Вик? — спросила меня тревожно Мария.

Она была последней женщиной среди нас.

Иногда в шутку мы называли её благословенной или благодатной. Была ли благодатной — не знаю, но она благословляла нас на ночь. Однако теперь, когда нас осталось только четверо, Мария осталась со мной, потому что я был самым важным звеном нашей системы. Даниэль и Педро ушли, все они были уже зависимы от того, кто выходит на поверхность.

— Не знал, что долго, — я заглянул ей в глаза.

И тут я понял, что здесь что-то не так. Мне не хватало чего-то. Тиканья часов, звука, на который, собственно, и не обращал внимания, пока тот не стих.

— Почему они не работают?! — я повернулся в ярости к Марии.

Часы нужно заводить один раз в день, так, для уверенности. Чтобы случайно не пропустить ни одного дня, ни другого.

— Раз в день! — я опять заорал на неё, а она, казалось, дрожала, как осина. — Это твоё единственное задание, раз в день!

В нормальном мире это было бы маловажное дело, но не здесь, не в этих обстоятельствах, когда так важно знать, который час... Хотя, может быть, действительно это было не важно... Я спрятал лицо в ладонях и заскулил беспомощно.

Таким видом, наверное, напугал всех — рядом со мной возник Якуб, пожилой мужчина с бородой до колен, а вслед за ним прибежал Войтех, чешский иммигрант, который польский знал лучше меня. Я силезец, и мой диалект доставлял больше хлопот, чем акцент чеха.

— Чувак, остынь, это всего лишь часы, — Войтех стоял в лохмотьях, обнажив четыре зуба, которые каким-то странным образом выпирали вперёд.

Я его давно недолюбливал... Чем меньше нас было, тем большей он оказывался сволочью. Я лучше него, потому что он не выходил на поверхность. Но я хотел бы это изменить.

В первую очередь снял часы. Я не забыл о гнилой усмешке чеха, подошёл к нему и оттолкнул его слабое тело к стене. И плевать я хотел, что раздробил ему несколько рёбер.

— А может, заткнёшься и сходишь на поверхность?

Я увидел в его глазах страх.

— Да ладно, ты себе все нервы постоянно изматываешь на улице. Пошли со мной, — Мария схватила меня за руку, и я отпустил Войтеха.

Она отвела меня к себе в комнатушку. Мы сидели при свете старой лампы. Я думал, что, как всегда в таких ситуациях, вытянем ноги и будем смотреть в потолок, а через пять минут оба успокоимся.

— Ты устал, — повторила она.

— Эти часы очень важны для меня. Я знаю, когда на улице день, а когда ночь, — я накрылся старым одеялом. — У нас другие заботы.

Я знал, что это за тело, которое я выбросил двумя часами ранее. Люди умирали здесь от голода, страха или просто так. Я не был врачом, лишь могильщиком. Но в последнем случае у меня не было проблем с определением причины смерти. Люди совершали самоубийства, особенно в начале, как правило, перерезая себе вены. Никто не вешался, потому что потолок был прямо над нашими головами. Но, скорее, невероятным было упасть на нож с пятнадцатисантиметровым лезвием... И так пять раз.

А если один раз произошло убийство, то одним разом могло не закончиться.

— Кто это сделал?

— А ты как думаешь! — буркнул я. — Это всё чех. Я уже знаю, что с ним сделаю. Он сошёл с ума и хочет избавиться от нас, потому что изо дня в день становится всё труднее содержать столько людей.

— Что ты хочешь сделать?

— Завтра я скажу ему пойти в туннель. В нескольких местах земля провалилась внутрь. Я возьму оружие и выброшу его на улицу.

Она молчала. Я хотел оставить одного из нас на произвол судьбы. Но она не могла меня послушаться. Она никому не была нужна. Ей придётся держаться сильнейшего. Придётся сидеть тихо.

Уже не хотелось об этом думать. Я собирался лечь, но кое о чём вспомнил. Моё сокровище. Только когда остался один, я достал найденный медальон.

В центре, как я и думал, — фото счастливой семьи. Маленькая девочка и её родители. На фотографии она выглядела счастливой. Попала ли она в рай? Я знал только, что она покинула ад — то, что было на земле.

Перестал смотреть на свою находку, сунул её в ящик с всевозможными вещами под кровать. Я заснул, наконец, один, не хотел иметь под боком Марию, не этой ночью.

Меня разбудил женский крик. Профессиональным движением я схватил оружие и уже через некоторое время я увидел то же, что и Мария.

— Скажи, что это не ты, — прошептала она мне на ухо, прежде чем к нам присоединился Якуб.

Нас осталось трое, потому что четвертый из нас уже не мог встать. Чех, от которого я хотел избавиться, теперь лежал головой в ведре с дерьмом.

— Боже милостивый, — Якуб перекрестился несколько раз.

— Бог уже давно покинул это место, если когда-либо был здесь.

— Что теперь с нами будет? Боже, спаси нас, — в его голосе звучала истерика.

— Ещё раз произнесёшь его имя всуе, сам окажешься в ведре.

Якуб испугался настолько, что замолчал, но продолжил креститься тщедушными ручками.

Я подошёл к ведру. Схватил труп за волосы, поднял голову. Хотел проверить, нет ли больше видимых повреждений. К сожалению, его лицо было замазано калом, и меньше всего на свете я хотел его счищать.

— Якуб, есть какой мешок?

Он принёс мне что-то, напоминающее мешок. Хотел мне его дать, но я дал ему понять, что не возьму.

Вскоре мы вместе с нашей благословенной наблюдали, как Якуб оборачивает трупу голову. Затем Мария посмотрела на меня, желая услышать ответ на недавний вопрос.

— Я не убивал его.

Её взгляд остановился на Якубе.

— Думаю, ты всё правильно сделал, — решил я, стоя над телом. — Это был плохой человек, а у нас слишком много забот и без него.

Сперва он, видимо, меня не понял.

— Я ничего ему не делал, это не я, — наконец, возразил Якуб, будто оскорбившись.

— Выходит, никто из нас, — заключила Мария.

— Я не делал этого, — повторил он решительно.

Только что он был напуган и звал Бога, теперь, обвинённый, пришёл в себя. Он был либо социопатом, либо невиновным.

— Лучше сейчас признайся. Мы не причиним тебе вреда, — стоял на своём я. — Мы выбросим тело и притворимся, что ничего не было. Мы должны держаться вместе, нас осталось только трое, — я замолчал. Я хотел выжить, но ни за что на свете не хотел остаться один, чтобы не впасть в безумие.

— Я этого не делал! С тем же успехом это она могла сделать, эта вот шлюха, — он указал грязным пальцем на Марию. — Я знаю, что чех брал её силой, когда ты уходил, думаю, на том свете ему зачтётся!

Честно говоря, мне было безразлично, что происходило с Марией. Как и то, кто из этих двоих убийца. Я должен думать трезво. Неважно, кто утопил чеха по уши в дерьме, да и, наверное, тем лучше для него, ибо я приготовил для него худшую судьбу.

— Привези тележку. Ща вывезу, — бросил Якубу и пошёл к себе.

Серые стены угнетали меня. Иногда я представлял себе, что они другого цвета, зелёного — зарождающейся надежды на лучшее завтра. Каждый следующий день был такой же серый, холодный, в темноте, а в последнее время ещё и в крови моих земляков.

Чтобы утешиться, я пошёл к своей коробке с сокровищами и вытащил из него медальон. Я смотрел на девочку и думал, кто она и что случилось с её родителями...

— Мы должны уйти, — вошедшая Мария прервала мои размышления. Я настолько в них погрузился, что если бы она не заговорила, наверное, вообще бы её не заметил. Но теперь я рассматривал сокровище у себя в руках. Я не собирался с ней делиться, других таких нет, оно принадлежало только мне.

— Куда ты хочешь уйти? Хочешь жить в туннеле, рядом с люком?

— Нет. Я хочу выйти поискать других выживших, ведь где-то должны быть другие люди. Мы же справлялись столько лет, так что где-то наверняка есть и другие...

— Хватит! — крикнул я, гася в её глазах блеск надежды. — Ты не знаешь, что снаружи. Никогда там не была. Ты не сможешь выжить там. С таким же успехом можно стрелять себе здесь в голову!

Я хотел как-то пробить её глупость. Она расплакалась. Подумал, что из-за «головы», но не тут-то было. Присела ко мне, как будто я был её единственной надеждой.

— Я надену такой же костюм, как у тебя, и выйду с тобой. Я хочу посмотреть, что снаружи. Там определённо что-то есть.

Она удивила меня, каждый из нас боялся поверхности, а Мария никогда раньше об этом не упоминала. Я думаю, что... думаю, что она начала сходить с ума и сейчас показала себя с другой стороны. Я не мог доверять ей. Может, Войтех погиб от её руки.

Я не знал, сошли с ума и Мария, и Якуб, или только один из них. Мне пришлось их разделить. Якуб не возражал, когда я признался ему, что мы с Марией уходим. Мы остались одни, с телом. Я хотел бы раз, для разнообразия, пойти в восточную часть туннеля. Однако там столь завалено, что тележка не проедет. Я не решался ходить туда с тех пор, как там пропал без вести Даниэль.

Теперь, однако, я не мог идти в полной темноте и светить себе только время от времени. Я боялся Марии и того, что она может мне что-то сделать. Когда мы вышли из нашего обиталища, которое мы называли просто бункер, женщина сразу же прижалась ко мне. Я не нуждался в нежности, не до того, а вот Мария нуждалась. Я хотел её обыскать и проверить, не взяла ли она с собой какое-нибудь оружие...

Мария никогда не шла дальше, чем до середины маршрута, сворачивая около тысячного метра. Когда я сообщил ей, что только что прошли эту границу, её охватил страх. Она начала нервно озираться вокруг и чаще дышать.

— Ты слышал это? — она повернулась ко мне.

Нас разделяла только тележка с телом, и, как будто этого было мало, одна из рук соскользнула на землю, словно была живой.

Мария закричала. Я перемахнул, а, точнее, обошёл тележку и тело, потому что в согнутом положении сильно не попрыгаешь. Схватил её и ударил по лицу; и повторил, и ещё, и ещё... Успокоилась только после пятого удара.

Не знаю, сколько там стояли, может, пять минут, а может, полчаса. Я думал, что если она окончательно успокоилась, наверняка захочет вернуться. Она, однако, удивила меня, двинувшись в сторону выхода.

Прошла ещё метров сто, последующие уже медленнее. Трёхсотый метр преодолела, снова слегка задрожав и то и дело оборачиваясь на меня, чтобы убедиться, что я иду за ней. Дойдя до восьмисотого метра, пыталась перестать думать об этом, шутила, рассказывала о прошлом, что я всегда терпеть не мог. Вспоминала тех, кто недавно умер.

— Всё, хватит! — закричал, наконец.

Она помогла мне вытащить тело на линию.

Я начал переодеваться в костюм, но она просто стояла.

— Надо надеть это. Я знаю, что это трудно, но без него нельзя выходить.

Мария дотронулась до своих прелестных тёмных волос, и казалось, что сейчас начнёт их срывать с головы.

— Я... не могу. Не могу.

Я снял противогаз, висящий на бетонной стене, и бросил Марии, так, на всякий случай. Не ожидал, что на её штанах появится мокрое место. Я не знал теперь, способна ли Мария на убийство. Она либо сумасшедшая, либо нет. Я оставил её и сказал ждать.

Занялся привычной церемонией. Я огляделся и на раз-два выбросил тело. Нечасто доводилось мне покидать туннель в столь короткий промежуток времени, как в этот раз, так что мне даже не пришло в голову снова следовать за металлическим звуком, вызываемом ветром. Я сделал то, что должен был и вернулся к Марии. Она хотела вернуться.

Мы молчали.

Непонятно почему снова стал думать о той маленькой девочке. Я не знал её, она была мне чужда. Несмотря на это, я размышлял над тем, была ли она счастлива и что она делала перед смертью. Беззаботно ли бегала по двору, играла ли в классики и в салочки? Я помнил такие забавы, детство в нашей прекрасной Силезии, загрязнённой дымом из труб. Не знаю, может, поэтому я такой закалённый, и сегодняшний климат на поверхности как-то вообще меня не трогал...

В свете фонарика я увидел, что дверь нашего бункера не закрыта.

— Странно, — подумал я.

Мария проигнорировала меня и, как только переступила порог, из неё ушёл весь страх. Она подошла к часам и сняла их. После чего улыбнулась мне, как если бы того, что

случилось в последние несколько часов, вообще не произошло. У меня не было никакого желания это комментировать. Беспокоило меня другое.

Почему люк был не закрыт? Уже хотел отругать Якуба за это упущение, но не нашёл его в комнате. Проверил сортир, тоже ничего. Я предположил, что найду его у себя, но там была только Мария. Она лежала на кровати в довольно однозначной позе. Как будто она думала, что если будет вести себя как шлюха, мы оба забудем обо всём.

Я не собирался сейчас пользоваться её услугами.

— Где Якуб? Его нет ни в туалете, ни в комнате.

— Может, он пошёл в другую сторону туннеля, двери же не были закрыты.

— Зачем ему туда идти?

— Может, он спятил.

Какая-то мысль вертелась в голове, но ухватить её не удавалось. Мне хотелось убедиться. Лучше его найти, чем бояться, что он атакует из какого-то угла. Я представил себе такую сцену: Якуб входит в нашу комнату с мечом и крестом на груди, вопрошающий: «Вы веруете?», мы хором отвечаем: «Нет», а он на это: «Умрите во имя Христа».

Я сказал Марии одеться.

Мы обыскали бункер довольно быстро. Мария шла передо мной, служа мне как щит, сама того не ведая.

Может, я был настоящим ублюдком и вёл себя, как будто я какой-то пророк, считающий своих последователей за мусор. Но на самом деле я никогда не искал власти, а если она мне доставалась, я должен быть жёстким.

Осталось проверить только одно место. Последнее, где он мог спрятаться. В кладовке с едой, куда мы редко заглядывали. Именно Якуб ей занимался. У него был ключ от этого помещения, поэтому, когда мы застали его там, ни один из нас не удивился.

— Почему не закрыл люк? — спросила его Мария.

Якуб сидел за небольшим столиком, удобно рассевшись на металлическом стуле, и вообще не отзывался.

— Эй, ты! — крикнул я, но без толку.

Я подошёл к нему.

— Засранец нас объедает.

На столе были грибы из запаса, которого хватит на несколько дней, а он уже добрался до последних. До этого пил воду, которой тоже было в обрез.

Я посмотрел на него и заметил, что рот раскрыт, а откуда вытекла пена.

— Он болен? — Мария отступила на шаг.

— Если смерть — это болезнь, он, несомненно, заражён, — я увидел осадок в его кружке с водой. — Это какой-то яд, от крыс, наверное.

Якуб тяжело покончил с жизнью. Как будто этого было мало, перед смертью выжрал все запасы.

Мария опустилась по стене, поджала ноги и схватила себя за голову.

— Я не могу, не могу, — захлюпала носом и пару раз приложила головой о стену.

Я больше не был лидером группы, мы остались вдвоём. Мне пришлось как-то успокоить Марию, прежде чем она сделает себе больно. В конце концов, с самого начала я боялся остаться один. И не имело значения, кем был другой человек. Теперь моей целью было спасение Марии, а, следовательно, и самого себя.

Я обнял её.

— Всё будет хорошо, я обещаю. Мы остались одни, и нам нужно держаться вместе.

С начала она только плакала. У неё достаточно переживаний для одного дня. С трудом я взял её на руки и отнёс в свою комнату. Накрыл одеялом и стал гладить её по щеке, пока, наконец, она не успокоилась.

Я убрал еду и вылил отравленную воду, чтобы никто из нас не выпил её случайно. Я взял Якуба на руки, чтобы переложить его на тележку. Но что-то привлекло моё внимание. На бетонный пол упал пожелтевший лист, покрытый выцветшим письмом. Буквы, написанные карандашом, словно прощальное письмо, несколько простых слов: «Простите, что я сделал всё это, я хочу встретиться с Богом».

Якуб никогда особо не откровенничал, поэтому эти несколько слов мы должны были сами понять. Я прочитал их Марии, которая уже почти засыпала.

— Я думаю, он хотел всех убить, чтобы мы воссоединились с Богом, но когда его заподозрили, покончил с собой.

— Возможно, так оно и было, — помедлив, ответила она в глубокой задумчивости.

Я хотел уже выйти из комнаты.

— Останься, — вдруг попросила она. — Пожалуйста, не оставляй меня сейчас одну.

У меня возникло впечатление, будто мы последние люди на Земле. Не знаю почему, но я чувствовал, что если сейчас выйду из комнаты, случится что-то плохое. Я лёг рядом с ней.

Наверное, я очень устал от всего этого, потому что очень быстро заснул.

Разбудил меня страшный кошмар, страшная картина смерти. Девочка с фотографии в медальоне сидела передо мной и умоляла о пощаде. А я сомкнул руки на её шее, повторяя: «Да всё будет хорошо, мы должны с этим покончить».

Я проснулся весь в поту.

— Это только сон, только сон, — повторял тихо, не желая разбудить Марию.

Я не знал, сколько часов проспал, так что пришлось пойти в главный зал, чтобы посмотреть на часы. Меня снова встретила тишина. Но на этот раз моё внимание привлекло кое-что другое, нежели отсутствие тиканья. Прямо над входом в наш бункер красовалась моя надпись: «Дом последних из нас». Не знаю, почему, но сейчас посмотрел на неё, и во мне что-то сломалось.

Я вернулся в свою комнату, Мария ещё спала, повернувшись спиной ко мне. Я поднял листок бумаги, на котором Якуб написал своё последнее сообщение.

— Нет, это невозможно, — вырвалось у меня. — Это не имеет смысла, это какая-то магия...

Сообщение, написанное карандашом, было написано тем же почерком, что и надпись над входом. Как это возможно? Это я? Это я написал прощальное письмо Якуба? Что со мной происходит?

Меня охватил как никогда сильный ужас, я начал паниковать.

Мария продолжала спать, несмотря на мои причитания. Я подошёл к ней и коснулся её руки — как будто холоднее, чем обычно. Она не двигалась, и я попытался её разбудить, пока не понял, что она мертва. На её шее были явные синяки.

— Но как?! Невозможно, чтобы она сделала это сама... Или я? Я не мог этого сделать, это не я...

Я сел, пряча лицо в ладонях. Мне казалось, что за мной следят, и поэтому хотел скрыть сомнения.

Я понял.

Сон, где я душил маленькую девочку, умоляющую меня о пощаде, был не совсем сном. Это происходило наяву, но не было никакой девочки, только Мария. Это я убил её, и теперь я это понял. Это не Войтех был тем злодеем, не Якуб. Не Мария. А я...

Я узрел правду. Это я зарезал первого человека. С этого всё и началось. Я утопил в фекалиях ещё одного из наших и обвинил Якуба... О ком много знал. Для меня не было секретом уже давно, что он ел у нас за спиной. Это я приготовил ему ядовитый напиток и это я оставил собственноручно написанное письмо, чтобы оправдать его смерть перед Марией. Она, впрочем, тоже закончила так же, как и остальные, в объятиях смерти, которую я навлек на всех.

В самом начале я боялся одиночества. Теперь оказалось, что я сошёл с ума, несмотря на присутствие других и привёл к тому, что действительно остался один, посреди пустого бункера. Самым плохим было то, что я понял всё слишком поздно...

Я вспомнил разговор с Марией. Я мог бы взять все необходимые вещи, упаковать в рюкзак, надеть костюм, противогаз и каску. После чего выйти на поверхность. Уйти в неизвестность, в надежде, что кого-то найду. Может быть, я и не один в этом мире. Наверняка есть где-то такие же люди, как я, кто выжил под землёй.

Я мог бы это сделать, но теперь я боялся покинуть это место, несмотря на то, что делал это уже много раз.

Я должен был подумать, подождать... Заснул, чтобы время от времени просыпаться в страхе, что могу потерять место, ставшее мне домом.

То был мой дом. Дом последних из нас...

ЕВА «PANI_COBITO» МАЛИНОВСКАЯ ИСТРЕБЛЕНИЕ

- Имя?
- Дориан.
- Фамилия?
- Виткевич.
- Возраст?
- Тридцать шесть.

В комнате царил полумрак. Основным источником света была красная лампочка, висящая над дверью. Ещё одним — офисная лампа на столе посреди комнаты. На одном из двух стульев сидел гладко выбритый лысый мужчина в чёрном мундире с погонами лейтенанта. Он вёл допрос. Напротив — заключённый. С чёрными, как смоль, растрёпанными волосами, короткой щетиной и пораненной губой. Когда-то белая рубашка стала грязной и пропитанной кровью.

- Станция проживания?
- Политехника.
- Цель прибытия?
- Убить вас всех.

Руки Виткевича были стянуты наручниками за спинкой стула. Его взгляд не выражал никаких эмоций.

- Значит, вы признаёте, что вы шпион?
- Нет.

Лейтенант записал всё в тетрадь, холодно посмотрел на пленника и заиграл желваками: он ожидал получить совсем другой ответ. Дал знак рукой. Из погружённого во тьму угла появился мужчина, около двух метров ростом, крепкого телосложения. Он был одет так же, как и лейтенант — в чёрный мундир. Молча остановился за Дорианом, глядя прямо перед собой.

- Признаёте, что вы шпион?
- Нет.

Лейтенант кивнул, и в этот момент Дориан почувствовал страшную боль в выкрученном большом пальце. Стиснул зубы, стараясь не показывать страдание и ужас, вызванный палачом.

- Повторяю вопрос: признаёте, что вы шпион?
- Нет, у меня другая цель.
- Другая?
- Я же сказал, что я здесь, чтобы вас прикончить.
- Значит, вы шпион.
- Нет.

Снова боль. Ещё один палец. На лице допрашивающего отобразилось раздражение.

- Последний раз спрашиваю: признаёте, что шпионите? — протянул он медленно.
- Нет. Я убийца, а не шпион.
- То есть вы не пришли сюда, чтобы украсть информацию о нашей группе?
- Нет. Повторяю: я пришёл вас убить.

Лейтенант слегка улыбнулся, но быстро посерьёзnel. Он грозно посмотрел на заключённого и записал что-то в тетради.

Дориан не помнил, сколько дней провёл в темной камере. Не знал даже, были ли это дни, недели, а может, только час. Он помнил, как его арестовали. Он сидел на платформе

у костра и потягивал самогон из фляги, когда за его спиной выросли двое мужчин в униформе. Положили тяжёлые руки ему на плечи и одним рывком поставили на ноги. Его заковали в наручники и отвели к лейтенанту. Тот немедленно передал заключенного своему великану, что выбил Дориану пару зубов, и сунул его в холодную, сырую и тёмную камеру. Дориан провёл там некоторое время. Он чувствовал привкус крови во рту и мечтал о стакане воды. Забился в угол и обнял себя руками, пытаясь согреться.

Через некоторое время дверь камеры открылась, и на пол упал луч света. Почти сразу же его заслонил великан, который сначала пнул пленника, а потом вытащил его наружу и усадил на стул.

— Кто твой заказчик?

— Никто.

— На кого работаешь?

— На себя.

— Не умничай. Кто-то должен за этим стоять.

— Не-а.

Лейтенант внимательно взглянул на Дориана, взял в руки тетрадь и положил ноги на стол. Какое-то время молча просматривал заметки.

— Дориан Виткевич. Скажи-ка, Виткевич, а у тебя есть семья?

— Нет.

— Вообще никого?

— Никого.

— Девушка? Кто-нибудь?

— Нет.

Лейтенант оживился и с силой хлопнул тетрадь по столу. Дориан чуть вздрогнул. Тот же сложил руки за спиной и стал медленно обходить пленника. Остановился точно за ним и положил ему руки на плечи. Наклонившись, заговорил прямо в ухо Виткевича.

— Если ты не шпион, а ты говоришь именно это, для нас большой угрозы нет. Ты говоришь, что пришёл нас убить, а сидишь здесь, прикованный к стулу. Ты говоришь, что тебя никто не посылал. То есть, подводя итог, мы можем тебя убрать, и никто об этом не узнает, да?

— Типа того.

— Не умничай мне тут! — яростно взревел лейтенант и дёрнул за стул.

Дориан рухнул на землю, ударился головой о твёрдый бетонный пол. Тяжёлый военный ботинок сдавил ему грудную клетку. Лысый встал на колени, заставляя Дориана мучительно ловить ртом воздух.

— Говори, кто за этим стоит!

— Никто. Только я.

— В таком случае с чего ты хочешь нас убить, а?

— Потому что вы паразиты. В течение многих лет преследуете невинных. Вот из-за таких выродков, как вы, ребята, и началась война. Это из-за вас мы должны жить, как какие-то крысы, в темноте, под землёй.

Дориан хотел сказать что-то ещё, но ему не хватало воздуха. Увидел над собой великана. Тут же почувствовал, как мощный удар ломает ему ребра.

— Борис, отпусти его.

— Будет сделано, шеф.

— Хорошо. По-прежнему утверждаешь, что всё это твоя идея, да?

— Да.

— Может, расскажешь мне, как собирался нас убить?

— Увидите, пан.

Следователь покачал головой, улыбаясь под нос. Снова сел. Положил локти на стол, сложил руки, одновременно сверля пленника взглядом.

— В других обстоятельствах, может быть, ты бы мне понравился: довольно забавный. Может, расскажешь мне, каким образом хочешь нас убить, а?

— Долгая история.

— Время есть. Думаю, рассказ будет не слишком интересным. Тогда покончим с этим раньше. Борис, принеси немного воды для нашего друга.

Гигант на мгновение исчез за дверью, чтобы тут же вернуться с бутылкой воды и двумя стаканами. Поставил принесённую утварь на стол и снова исчез в темноте. Лейтенант открутил бутылку и наполнил до половины оба стакана. Дориан движением головы напомнил мужчине о застёгнутых наручниках.

— Вы будете сидеть на жопе ровно?

— Да.

— Чудненько. Борис, сними с него наручники.

Виткевич схватил стакан и залпом выпил его содержимое. Он многозначительно посмотрел на лейтенанта, и тот, помедлив, снова наполнил стакан.

— Рассказывай.

— До войны я работал в университете. Занимался биологией. Больше всего меня интересовало скрещивание видов. Даже диссертацию написал под руководством профессора, крупнейшего авторитета. Я провёл много экспериментов на мелких животных и насекомых.

— Очень интересно, только мне-то какое до этого дело?

— После войны, когда мы стали жить под землёй, я решил продолжить исследования, касающиеся скрещивания. На этот раз, однако, я брал нетронутых радиацией особей, находившихся во время взрывов под землёй, и мутантов.

Почти через двадцать лет я скрестил более тридцати видов различных мелких животных. Среди них были грызуны, такие как крысы и мыши, а также насекомые, пауки и черви. Многие из моих экспериментов не могу назвать удачными, но несколькими я действительно горд. Я создал новые виды, имеющие повышенную склонность к выживанию, причём очень быстро развивающиеся.

— И что дальше? Обрёт на смерть?

— Наконец мне удалось создать особь, имеющую размер с муравья, но в течение нескольких дней достигающую величины крупной крысы. По внешнему виду напоминает жука. У них крепкая броня, а вместо обычных жвал — зубы. Почти как у акулы.

— Выглядят они, небось, жутковато.

Лейтенант засмеялся и встал со стула. Стал ходить туда и обратно. Дориан уже давно заметил кобуру с пистолетом на бедре лейтенанта и рацию, откуда время от времени доносились шорохи и непонятные слова. Чёрный мундир напоминал Дориану те, что Хьюго Босс шил для немцев.

— Эти особи лучше всего развиваются в тёплой и влажной среде. В начальный период не нуждаются в пище, далее, однако, их спрос на еду начинает быстро расти.

— А чем они питаются?

— Сперва им хватает крови, потом они ищут что-то более питательное и добираются до мяса.

Лейтенант остановился и задумчиво посмотрел на заключённого.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что сказал.

— Скажи, где развиваются эти твари.

— В тёплой и...

— Говори!

— ... влажной среде.

— Что ты с ними сделал?

— Выпустил у вашей чудесной станции.

— Выпу?.. Что? И что дальше? Выпустил и что?

Лейтенант покраснел, лоб покрылся испариной.

— Выпустил, и они забрались в ваши организмы. Развиваются сейчас в обитателях станции.

— Что?! Как это?! Как такое возможно?!

Лейтенант опустил на стул, тяжело дыша.

— Как быстро они развиваются?!

— Около шести дней.

— За шесть дней сколько? Насколько вымахают?

— В течение первых трёх дней они не нуждаются в пище, после этого они начинают питаться кровью. На шестой день они уже размером с мышонка и ищут мясо.

— С мышонка? Не верю. Ты лжёшь! Брешешь, как собака!

— Сколько я здесь?

Виткевич сидел совершенно спокойно и невозмутимо. Взял в руки бутылку и разлил воду по стаканам.

— Сколько сидишь? Пять? Шесть? Не знаю. Борис! Сколько дней?

— Шесть, шеф. Пять в камере и один на станции.

— Шесть. То есть?.. Значит ли это?..

— Это значит, я выполнил свою миссию. Всё. Ни больше, ни меньше.

— Не может быть. Что ты несёшь! Я бы уже что-то почувствовал.

— Не чувствуете себя слабее, чем в прошлый раз, лейтенант? Головокружение? Тошноту?

Лейтенант спрятал лицо в ладонях. Вдруг он вскочил со стула, отошёл от пленника и глянул на него в ужасе. Из его носа полилась тонкая струйка крови. По лицу Дориана пробежала улыбка, а в глазах блеснуло безумие. Лейтенант попытался расстегнуть кобуру, но руки его дрожали так сильно, что не смог вытащить пистолет. Он был бледен, из носа всё ещё текла кровь.

— Я пристрелю тебя! Убью, как собаку!

— Мы все скоро умрем. К сожалению, я тоже.

— Да ладно?

— Побочный эффект. Мои маленькие друзья попали и в мой организм.

Лейтенант упал на землю. За спиной пленника раздался звук, который означал, что Борис только что попрощался со своим последним приёмом пищи. Его начальника начала трясти судорога. Виткевич почувствовал, как у него самого потекла кровь из носа.

— Вы мне понравились, лейтенант. Поэтому дам вам хороший совет. Лучше использовать этот пистолет. Будете меньше страдать. Быстрее всё кончится.

— Откуда мне знать, что ты не врёшь? Может, мне удастся выжить?

— Вы сами в это не верите.

— Зачем? Зачем ты это сделал?

— Уже говорил. Это ваша вина. Ваша нетерпимость, равнодушие и готовность нести страдания. Такова расплата.

— То есть всё, что ты сказал, было правдой?

— Ну, может, кроме одной мелкой детальки.

— Какой?

— Не могу сказать.

— Говори! И так все умрём.

— Прошу дать мне пистолет.

Лейтенант посмотрел на него с недоверием. У него не было, однако, больше сил спорить. Он знал, что скоро умрёт, и любопытство одержало верх над здравым смыслом.

— Я дам тебе его, если обещаешь меня убить.

— Обещаю.

Мужчина заглянул заключённому глубоко в глаза, желая увериться, что тот говорит правду. Наконец, после минутного колебания, протянул ему оружие.

— Спасибо.

— Теперь скажи правду.

— Я говорил, что на поверхности я был студентом биофака.

— Да, верно.

— Я солгал. В действительности, в течение пяти лет, до начала войны, я был в психушке.

— Как это? Почему?

— Потому что я делал эксперименты на своих родителях, что привело, к сожалению, к их смерти. Ну, не были они сильными людьми.

Кабинет огласил смех безумца. Дориан Виткевич выстрелил трижды. В начале убил великана. Он был неплохим стрелком, но с расстояния трёх метров итак трудно промахнуться. Ещё один выстрел предназначался для лейтенанта. Прямо между глаз. Затем мужчина, плача от смеха, засунул ствол пистолета в рот и нажал на спусковой крючок. Раздался грохот, и наступила тишина. Никто уже не смеялся безумно. Никто никого не бил и не выламывал пальцев. Только через некоторое время можно было услышать крики и плач из-за тяжёлых дверей, отрезающих комнату для допросов от платформы станции. Однако вскоре затихли и они.

ТОМАШ ПШИЛУЦКИЙ С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЁТА

Между торчащими пеньками деревьев, у обнажённого тела женщины, чьи рыжие волосы были примотаны к стволу дерева, сидело на снегу человеческое дитя. Останки растерзанного трупа, вероятно, мужчины, были разбросаны вокруг хижины. Ребёнок не обращал внимания на стынущий труп, а смотрел вверх, прикрывая ручками чувствительные к свету глаза. Он пытался притвориться ледяной неподвижной скульптурой, но облачко пара, вырвавшееся изо рта, выдало его с головой.

Совсем рядом зарычали собаки, шансов у малыша не было — через мгновение они уже рвали последнего живого свидетеля разыгравшейся здесь совсем недавно трагедии, и душа его с последним вздохом унеслась ввысь, на небеса, где сейчас парил странный шар красного цвета.

Дикие животные, удовлетворив голод, вытянули чересчур длинные шеи, не понимая, что за ними наблюдают. С заснеженных полей поднимался пар от пролитой крови прямо к тёмно-бордовым тучам, под которыми плыл на ветру воздушный шар.

И я был одним из пяти пассажиров на его борту.

* * *

Пусти серп твой и пожни, потому что пришло время жатвы, ибо жатва на земле созрела.¹

* * *

Пепельно-серый снег уже который месяц засыпал мазовецкие поля, леса и луга. Жадные небеса пожирали и изрыгали на землю сероватую пыль и снег, неустанно питаясь горящими садами и городами. Высохшие реки выглядели словно грубые почерневшие рубцы на теле земли, вода проложила себе новые пути, пробиваясь через каменную твердь. Невозможно сказать, сколько всё это длилось, прежде чем жар и лёд уравнили друг друга. В любом случае, достаточно долго, чтобы наступил голод, из-за чего мы решили уйти.

Не убили нас ракеты и бомбы, упавшие на столицу. Не погибли мы от радиации, эпидемий и бандитов. Моя семья уцелела вся.

Военный аэродром и оружейный завод оказались недостаточным поводом для врагов, чтобы уничтожить этот забытый Богом город. Недостаточным поводом или иронией судьбы.

Смерть, однако, никого не щадила, хотя, как казалось тогда, мы стояли в длинной очереди к ней на приём.

Землю сковал лёд, придя на смену кислотным дождям. Небо заслонили ядовитые, смертоносные облака. Запасы продуктов питания и лекарств таяли, как и наши надежды.

Мой отец построил воздушный шар. А мы с братом и сестрой вывели на его красной поверхности гигантскую надпись: NEVERMORE².

* * *

¹ Откр. 14:15.

² «БОЛЬШЕ НИКОГДА» (англ.).

Красный шар плыл на фоне песчаных облаков в пустыне неба. То ровно парил, то резко проваливался, направляясь по прихоти ветра в неизвестные страны. Приближался вечер, и наш аэростат и по совместительству дом всё ещё висел между смертью и смертью, между радиоактивными облаками и ужасом бесплодной, мёртвой почвы. Я прекрасно помню, как смотрели с братом на землю из-за стёкол в свинцово-резиновой обшивке гондолы. Пока летели, почти не отрывали взгляд от проносящихся под нами заснеженных полей. Этот день, вечер и сумерки — наши первые день, вечер и сумерки на пути в землю обетованную.

Мы бежали от нищеты и голода, зимы и холода, страха и бушующей смерти, что обнажила когти в Козеницкой пуши, отравленной человеком ещё до Абахи³. Мы летели на юг, к неизвестной Африке, откуда человечество зародилось и куда человечество, в лице моей семьи, возвращалось искать убежища для своих потомков.

В тот первый день, когда мы вылетели из руин Радома, прочь от пыли старых бетонных джунглей, когда наступили сумерки, мы увидели с братом такое, воспоминание о чём поражает по сей день.

Под нами, на земле, на протяжении нашего маршрута, тянулся след из чёрных цветов или кустарников — с высоты трудно было точно оценить и правильно назвать. Эти чёрные пятна, разбросанные по белым сугробам, напоминали неестественно вытянутую гигантскую шахматную доску. Вспоминаю этот пейзаж, и невольно всплывает на ум образ странствующего великана, оставляющего в снегу тёмные следы ног.

Следы великана вели на юг, то чёткие, то нечёткие. Когда наступила ночь, отец направил шар к земле. Отец осторожно уводил шар от опасных облаков, в которых он боялся затеряться. Гондола мягко села в снежном поле. Был уже поздний вечер.

Мы с братом, может, чересчур поспешно, выскочили из гондолы, ведомые любопытством. На затёкших негнущихся ногах мы заковыляли к ближайшему из чёрных пятен. Сегодня такие детские путешествия заканчиваются, в основном, благополучно, но тогда нас толкала вперёд не глупость, а лишь детская любознательность.

Мы приблизились к чёрному кусту, обмениваясь догадками относительно природы находки. Болтая, миновали и камни, и воронки от бомб, и карликовые деревья, и заброшенные дома, где мы могли бы найти большие сокровища. Брат первым оказался у цели. Он наклонился над чёрным цветком, пятном в снегу.

А затем посмотрел на меня, подавившись слезами. И спросил, сколько часов мы смотрели на снег в клеточку и трупы, сколько километров мы наблюдали следы Мрачного Жнеца, проложившего эту дорогу смерти.

* * *

Мы летели в сумерках. Ночные огни освещали разграбленные кладбища городов, и нам с трудом удавалось раздобыть хоть какую-то пищу, помогающую продержаться между жизнью и смертью ещё несколько дней. Это было тяжёлое время.

Пейзажи с высоты птичьего полёта всегда сопровождались одной и той же молитвой — выжить, дабы обрести крохи счастья.

На рассвете «снялись» с якоря и взмыли под облака. Пейзажи сменялись медленно, изредка мы видели языки пламени или слышали вой животных. Снег, пыль и грязь

³ Абаха — атомная, биологическая и химическая война; термин, используемый историком холокоста Отто фон Кулки в его книге «Пейзажи мегаполиса смерти» (Воловец, 2014).

украшали скелеты деревень и посёлков, кое-где асфальт на дорогах вспучился — видно, недавно пожар вёл там борьбу со льдом.

Мы часто приземлялись, ища в брошенных людских жилищах пропитание. Приземлялись в надежде, что уже нашли место для сносной жизни. Приземлялись, испуганные накрапывающим дождём или непутным ветром. Мы не знали, что поджидало нас на юге, в горах.

Живых почти не встречали. Казалось, что животные гораздо отважнее боролись за выживание, чем люди.

Каждая посадка была опасна, но только на твёрдой земле под ногами мы могли рассчитывать на защитные костюмы, тёплый ужин от мамы, какую-то добычу или просто укрытие от кислотного дождя.

Часто случалось так, что приходилось ночевать в защищённой гондоле впятером, потому что страшно было оставить шар на земле, когда рядом бродят мутанты, и летели тогда в нескольких сотнях метров от радиоактивных дыма и пара, но в тысячах мечтах и километров от луны, звёзд и восхода солнца.

* * *

И услышали трое друзей Иова о всех несчастьях, постигших его (...) и сошлись, чтобы идти вместе сетовать с ним и утешать его. И подняв глаза свои издали, они не узнали его; и возвысили голос свой и зарыдали; и разодрал каждый верхнюю одежду свою, и бросали пыль над головами своими к небу. И сидели с ним на земле семь дней и семь ночей; и никто не говорил ему ни слова, ибо видели, что страдание его весьма велико.⁴

* * *

Бывало, что мы приближались к отдельным искателям, путешественникам и бродягам. Иногда мы делились рассказами, пищей. Вели обмен.

Один из них, из этих снежных мародёров, однажды ночью похитил мою сестру. Притащил её в какой-то подвал. И прежде чем мой отец нашёл его и расколол топором его голову, несколько раз изнасиловал мою бедную сестру.

После этого она сильно заболела. Я не могу описать тот период, помню только адскую горечь. Через три недели моя сестра покинула этот мир. Душа её была отравлена. Она повесилась на верёвке рядом с мешками с балластом. Ей было двенадцать лет.

Мы также видели совсем-других-людей. Бредущих, скачущих, ползущих.

Мы считали раньше, что слова «БОЛЬШЕ НИКОГДА», написанные на поверхности шара, значат лишь, что больше нет ни зла, ни доверия к людям. А теперь решили, что «больше никогда» относилось к человеческому господству над миром. Я проклиная свою расу.

* * *

Мы похоронили сестру в соответствии с обычаем. Нашли ветвистое, сухое дерево. Уложили её спать меж ветвей и подожгли ствол. Никто больше тебя не тронет, не вырвет

⁴ Иов. 2:11—13.

глаза, не съест внутренности. Никто больше тебя не тронет, а я буду хранить память о тебе.

* * *

Леса из моих детских воспоминаний ржавые, покрытые сверху красным налётом. Верхний слой почвы потрескался на морозе. Туман стоит дни напролёт.

Горел какой-то небольшой городок, чьё название мы так и не смогли определить. Огонь был опасен нашему воздушному шару. Приземлились в нескольких километрах от пожара.

Отец, брат и я — трое искателей — вошли в руины. Шли через подвалы, скелеты домов и магазинов. Когда набили рюкзаки, я заметил, что в этом городе есть кое-что долгожданное. Цветы. Желтоватые, хилые, проклюнувшиеся под бежевой стеной. Но, тем не менее, живые. Я шёл вдоль стены, не отводя взгляд от этого чуда. Я миновал несколько замурованных отверстий, вероятно, когда-то бывшие окнами подвала. В какой-то момент наткнулся на незаложенное кирпичом окно, за ним были только паутина и тьма. И я увидел призрака. Его бледный череп уставился на меня, а я замер. Не могу сказать, был ли это человек. Хотя похож. Передвигался он на четырёх тоненьких конечностях. Его тощее тело покрывала сажа. Он повернул ко мне голову. На ней были бинты с пятнами крови на месте глаз. Подобные ему существа вдыхают жар горящих зданий. Я закричал, и все мы бросились наугад.

А стая погналась за нами.

На этот раз нам удалось сбежать.

* * *

Край белоголовых существ тянулся на многие километры. Горы тонули в туманах и выглядели, как большие курганы. Мир покрывала вездесущая ржавчина, так отличавшаяся от грязного снега Мазовии.

Каждую ночь меж этих каменных склонов горели костры, вокруг которых собиралось по четыре-пять белоголовых призраков. Пролетая над ними, мы слышали нечеловеческие крики. Тень воздушного шара вызывала волны стонов, уносящихся за горизонт и возвращающихся эхом с удвоенной силой.

В долинах, в руинах деревень, среди битого кирпича подобные волкам карикатуры на людей всё ещё скулили, выли, мурлыкали, рычали и пустыми глазницами провожали медленно летящий воздушный шар. Они были повсюду, визгом оглашая землю.

Много-много дней неслись мы над этим плачем, не имея возможности спокойно приземлиться. Голодали. Горы оказались чересчур суровыми.

* * *

Быть может, в моей истории есть пробелы, но поверьте мне, в течение недели нас сопровождали голод и бездействие, и я ничего не помню. Только мечты, мысли о том, что бы съесть, как съесть, когда...

* * *

Не определено ли человеку время на земле, и дни его не то же ли, что дни наёмника?
Как раб жаждет тени и как наёмник ждёт окончания работы своей,
так я получил в удел месяцы суетные, и ночи горестные отчислены мне.

Когда ложусь, то говорю: «когда-то встану?», а вечер длится, и я ворочаюсь досыта до самого рассвета.⁵

* * *

Мы должны находиться над Будапештом. По крайней мере, в окрестностях города. Однако единственная зацепка в здешнем пейзаже — высохшее русло широкой реки. Столицы бывшего государства уже нет, а то, что осталось, занесли пыль, песок, грязь и снег, образуя тут и там холмы.

Так же выглядели и другие места, что мы встретили на южной стороне Карпат.

Не было даже трупов, и руины деревни изобиловали всякой пищей, подпорченной временем. Здесь мы восстановили силы.

* * *

Казалось, мы попали на сухие просторы океана. Катастрофический праздник для археологов. Под нами простирались бескрайние пески, усеянные наполовину засыпанными трупами животных и всяким мусором. Туши птиц, фрагменты мебели, останки автомобилей и обглоданные кости лежали так часто, что родители заплакали над тем, что осталось от венгерского моря. Оно погрузилось в объятия солнечных воспоминаний, как и мы в своих рассказах.

Стояла ночь. Не совсем звёздная, потому что сверкающие созвездия то возникали, то скрывались в мареве облаков, что слегка пульсировало, отражая зарево пожаров. Облака окружали нас. Внизу простирались только песок и запустение.

Порыв ветра швырнул в свинцовые иллюминаторы горсть пыли. Внезапно свет сменился тысячей ревущих труб, а горизонт опасно накренился.

Воздушный шар бросало во все стороны. Мы словно очутились в горниле кузницы, кто-то невидимый всё подкидывал угли, а воздух раздирающе стонал. Многочисленный мусор кружился снаружи в безумном танце, который больше напоминал сумасшедший бой. Я слышал, как отец вопил, что никак не может выправить курс. Мы отдали свои судьбы молниям и ветру, а те низвергли нас прочь от облаков. Под нами маячило зеркало воды, отражая тысячи звёзд.

Так я оказался в центре этого жуткого края.

* * *

Мы похоронили родителей в соответствии с обычаем. Уложили их спать. Загнали корабль любви в глубины воспоминаний, хранящих воды озера Балатон. Послали горящую стрелу. Вас уже никто не тронет, не вырвет глаза, не съест внутренности. Вас уже никто не тронет, а я буду хранить память о вас.

* * *

⁵ Иов. 7:1—4.

Так, глупца убивает гневливость, и несмысленного губит раздражительность.⁶

* * *

Поход был невыносимым мучением. Несмотря на кажущуюся пустоту мира, он был полон жизни. Вместе с братом встречали страшных оборванцев, разбегавшихся, лишь заслышав наши шаги. Они прятались за автомобили, сливались с плющом и землёй. Они прятались в домах без окон, оплетённых вездесущими деревьями с голыми корнями. Они прятались среди костей мертвых. Мы ещё не понимали, чего они так боятся.

Мы прошли много километров, прежде чем осознали, что дальше идти без толку. Потому залезли в подвал огромного здания, возможно, в кафедральный собор, сверху донизу покрытый непроглядной паутиной. Здание казалось нетронутым ни Абахей, ни временем. Пыль покрывала пол, и единственным доказательством присутствия людей был удивительный алтарь, где восседала многометровая скульптура, сделанная, или, скорее, вырезанная из человеческих костей и черепов. Паутина оплетала провалы в своде. А через пару дней, проведённых в соборе, мы нашли камни в коконах, и, благодаря паукам, получили уверенность, что здесь уже давно нет никаких живых существ.

Однако те, кто создал костяного короля, возможно, не догадались, что здание дарует жизнь. Я думаю, что... Иногда интересно, наши предшественники ушли отсюда добровольно, или что-то их вынудило. И если да, то что?

В глубоких катакомбах, чьи лабиринты тянулись в такие дали, куда мы боялись заглянуть, мы наткнулись на каменный пруд, источник чистой воды. Благодаря высокой влажности высокие стены все поросли грибами — и мы научились готовить их сотнями способов.

Мы не были единственными, кто пил из подземного источника.

Приходили сюда мышинные семьи, разные виды. Из них получалось изумительное мясное ассорти к грибному соусу, на первое, второе и компот.

Здесь я впервые отведал вина. Подвал ломился от бутылок. Мы нашли его, когда во время сбора грибов неожиданно обвалилась часть стены. Пусть Бог благословит тех, кто жил здесь до катастрофы. Пусть дьявол проклянет нерасторопных.

Мы погрязли в пьянстве. Залили горе по сестре, родителям, солнцу и хлебу.

Пили много дней.

Однажды моего брата начало рвать желчью, и через несколько дней мучений он скончался. Я понял, что вино нужно пить в меру. Отче, не успел ты нас предупредить.

* * *

Я похоронил брата в соответствии с обычаем. Уложил его спать в высокой башне, облил комнату вином и замуровал лестницу, ведущую к нему. Перед закладкой последнего камня поджёг покои, чтобы огонь бушевал в закрытых стенах. Никто больше тебя не тронет, не вырвет глаза, не съест внутренности. Никто больше тебя не тронет, а я буду хранить память о тебе.

* * *

Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева?

Зачем приняли меня колени? зачем было мне сосать сосцы?

Теперь бы лежал я и почивал; спал бы, и мне было бы покойно

⁶ Иов. 5:2.

с царями и советниками земли, которые застраивали для себя пустыни, или с князьями, у которых было золото, и которые наполняли дома свои серебром; или, как выкидыш сокрытый, я не существовал бы, как младенцы, не увидевшие света.

Там незаконные перестают наводить страх, и там отдыхают истощившиеся в силах. Там узники вместе наслаждаются покоем и не слышат криков приставника. Малый и великий там равны, и раб свободен от господина своего.⁷

* * *

Время прекратило существование. Сидел в одиночестве, запершись в четырёх стенах, отвлекаясь лишь на обеды и сон. Я перестал выходить на улицу, потому что нечего уже искать в окрестных развалинах. Иногда за стеной слышался шум ветра и мимолётные обрывки искажённой речи с длинными, свистящими гласными. Но и они, в конце концов, стихли.

Моё одиночество скрашивали звёзды. Тусклый свет, проникающий через остатки окон, оплётённых паутиной, расходился по всему помещению, благодаря сотне зеркал, которые я нашёл в развалинах и тщательно очистил. Со стен я соскоблил пыль и нарисовал на них солнце, звёзды, луну. Всё, о чем мечтал. Всё, что я помнил до Абахи и что сегодня закрывают облака, пепел и снег.

Однажды утром я проснулся на полу, а надо мной склонились мои нынешние хозяева. У них были копыта, а всю их кожу, кроме век, покрывали волосы.

* * *

На что дан страдальцу свет, и жизнь огорченным душою,
которые ждут смерти, и нет её, которые вырыли бы её охотнее, нежели клад,
обрадовались бы до восторга, восхитились бы, что нашли гроб?
На что дан свет человеку, которого путь закрыт и которого Бог окружил мраком?
Вздохи мои предупреждают хлеб мой, и стоны мои льются, как вода,
ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне.

Нет мне мира, нет покоя, нет отрады: постигло несчастье.⁸

* * *

Я знаю, что вы не убили меня из-за неба, что смотрело на меня со стен вместе с первыми лучами солнца.

Меня вывели на улицу. Долгое время я стоял посреди города, бредил небом и ощущал одиночество как никогда остро, а перед собором, до самого горизонта, тянулись столбы с прикреплённой поперечной балкой. К ним были прибиты оборванцы, их женщины, дети. Иногда животные, в которых я с трудом узнавал собак. Большинство посерело от пыли, а из-под остатков кожи торчали кости.

И не ведал я, ловушка эмоций ли это или ложная память: разверзлись небеса.

⁷ Иов. 3:11—19.

⁸ Иов. 3:20—26.

В просвете между облаками я увидел светящееся лицо. Губы, глаза, небольшой лоб. И наступила тьма; небо заплакало над сынами человеческими и их верными спутниками.

Несмотря на то, что рядом со мной шло с десятков мохнатых, я слышал только свои шаги. Мои спутники плыли, как тени, их движения заглушал свист ветра.

* * *

О, когда бы сбылось желание моё и чаяние моё исполнил Бог!
О, если бы благоволил Бог сокрушить меня, простёр руку Свою и сразил меня!⁹

* * *

Мало что произошло с тех пор. Мне было позволено жить — в обмен на небо. Я украшал звёздами укрытия, подвалы, норы и ямы моих хозяев. Мне было позволено вернуться в собор, к брату.

Я живу в надежде на близкий конец. И я пишу на стенах эту историю. Потому что когда-то закончатся потолки для рисунков. И тогда волосатые вырвут мне глаза и съедят внутренности, и эти слова сохранят память обо мне и моих близких.

* * *

Вот радость пути его! а из земли вырастают другие.¹⁰

В тексте дано вольное толкование апокалипсиса, основанное на работах Здзислава Бексиньского (1976 — 1979 гг.).

Упомянутые рассказчиком оружейный завод и аэропорт существуют в действительности. Речь идёт о Радомском оружейном заводе «Лучник», а также аэропорту на Садковой (неоднократно принимающем участие в Air Show). В этом городе есть также атомные бомбоубежища, где могли выжить герои; например, на улицах Филтровой, Храброго, Спортивной, Молодёжной, Халубиньского и во многих зданиях, построенных в пятидесятых годах прошлого столетия. Несколько фотографий доступно по адресу: http://fotopolska.eu/Radom/b118976,Schron_nr_12.html.

⁹ Иов. 6:8—9.

¹⁰ Иов. 8:19.

МАРЕК «MALYNOSOROZEC» ВИТКОВСКИЙ СТАРЫЙ ЛЕС

Купленная жизнь

— А зачем вам вообще такой несчастный ребенок, пользы от него никакой, скоро зачахнет от болезни, как и его мать...

— Пересчитали?

— Всё хорошо, правильно. Так, как надо. Но зачем...

— До свидания. Идём, малыш, идём домой.

Закрытые двери

За закрытыми дверями Алексей Громов, звавший себя господином Бомбадиллом, начал ритуал. Имя, фамилия, прозвище, возраст. Иногда знал только что-то одно, иногда всё. Никогда, однако, не забывал лиц и без усилий выуживал из памяти каждую чёрточку. На столе стояла бутылка хренового самогона. Он не собирался пить больше. Просто был трудный день, и он не мог рисковать потерей самоконтроля. Рядом лежал пистолет. Старый, можно сказать, исторический.

Ещё осталось тринадцать имен. Когда он их произносил, тщательно проверял, что с оружием всё в порядке. Эти последние лица крепко врезались в память. Разложил пистолет. Собрал. Перезарядил. Снял с предохранителя. Он закончил свою молитву. Приставил оружие к виску.

Не сегодня...

Успешные сборы

Его заметили. Наводят на него пистолеты. Человек, звавший себя Бомбадиллом, улыбнулся в полутьме. Слишком далеко, слишком мало света, слишком плохие стрелки. Он поднял руки вверх, позволив им приблизиться на несколько метров. Так, как он и ожидал, когда они увидели два небольших тела у его ног, колебались недолго. Этого было достаточно. Раздались выстрелы.

Через минуту место кишело от солдат. Слишком близко к станции. На пограничном посту, несомненно, услышали. Они захотят узнать, что случилось. Быстро поднял с рельсов два легких, невесомых тела, оставляя трупы тех, кого только что убил.

Когда прибыл патруль, он нашёл только два трупа, но никаких следов убийцы. Не стали заморачиваться. Такое и раньше случалось, смертью никого уже не удивишь. Блокпост укреплен, несколько человек обобрало трупы. Никто на станции даже не подумал о судьбе двух больных сирот, что оказались в то утро в тёмном туннеле.

Тихий дом

— Вот и вы, господин Бомбадил. Мы уж начали беспокоиться.

— Я. Со мной два малыша. Были какие-то проблемы?

— Долго вас не было. Дольше, чем обычно, — в молодом голосе слышен укор. — Татьяне всё хуже и хуже, — прошептал парень. — Мы должны были дать ей больше лекарств.

— Я сейчас зайду к ней. Надеюсь, кто-то присматривает за ней.

— Да, конечно. С ней всё время кто-то сидит, как всегда.

— Прекрасно... Займёшься этими двумя?

Господин Бомбадил не ждал ответа, зная, что Володя обязательно займётся напуганными детьми, что медленно приходили в сознание. Он мог полагаться на этого юношу. Интересно, сколько еще времени ему отмерено?

Оделся и быстро обошёл весь дом, проверяя, всё ли в порядке, и только тогда отправился к Татьяне. Потом поест и примет душ. Он тепло улыбнулся детям,

окружившим постель больной. Алексей велел им пойти к Володе и, так как было уже поздно, пожелал всем спокойной ночи.

Он сидел у кровати Татьяны, пока не уверился, что все остальные уснули. Ждать пришлось долго, а он ведь сильно устал. Не важно. Не увидят. В большинстве своём это умные дети, они могут знать всё, но увидеть это своими глазами — нечто совершенно иное. Посмотрел в последний раз на истаявшее от болезни личико двенадцатилетней Татьяны Олих. Убил девочку во сне, не оставив следов, и отправился в свою комнату. Он осторожно запер дверь и начал ритуал.

Великий страх

Налил себе дрянного самогона, но не было сил опрокинуть в себя хоть один стакан. Перечислил имена. Когда занялся проверкой оружия, вспомнил четырнадцать лиц. О двух последних он ничего не знал. Разобрал пистолет. Собрал. Перезарядил. Снял с предохранителя. Он закончил свою молитву. Он приставил оружие к виску.

Ещё рано...

Улыбающиеся дети

На следующее утро человек, звавший себя Бомбадилом, обрадовался, когда увидел, что дети, которых он привёл с собой, робко ему улыбаются. Ровесники легко решают свои вопросы. Он сам мог бы объяснить происходящее, да ничего бы из этого не вышло. А так, по крайней мере, новенькие (Олег и Людмила — близнецы) приобрели уверенность, что их жизнь только что изменилась в лучшую сторону. Сколько бы им не было отведено. С господином Бомбадилом не придётся беспокоиться о внешнем мире. Попали в последнее место на земле, не тронутое злом, — по крайней мере, так говорили дети, нашедшие здесь приют.

В тот день Алексею Громову много делать не надо было. Некоторым подопечным придётся увеличить дозу обезболивающих препаратов, кроме того, рутинные действия: проверка журналов, приготовление пищи, уход за необходимыми для жизни приборами. Остаток дня он провёл с детьми, с радостью встречавшими его каждый раз, когда он приходил. Было весело, пели, ну и, конечно, вечером, в обязательном порядке, сказка для вновь прибывших. Как правило, дети, пробывшие здесь дольше, робко просили:

— Господин Бомбадил... А может, расскажете нашим новым друзьям сказку? — сказала Луна, маленькая восьмилетняя девочка.

— Да, господин Бомбадил, давно не рассказывали, — вторили остальные, а Олег и Людмила уставились на него большими глазами.

Старая сказка

Неизвестно, в который раз Алексей Громов рассказывал свою версию известной когда-то истории. Конечно, давным-давно, в другом мире, он читал книги, откуда взял себе прозвище. Он не помнил всех подробностей (если бы только он мог достать эти книги теперь!), но для детей это не имело ни малейшего значения. Все слушали как зачарованные. И, кроме того, он главный герой: Том Бомбадил, вокруг кого должна сохраниться часть мира, в то время как всё остальное поглотит мрак. Конечно, в конце концов, тьма должна восторжествовать и здесь, но пока что Тома Бомбадила это не волновало.

Вначале пытался объяснить, что в сказке удалось победить зло и мир стал безопасным. После этого Тому не пришлось больше в одиночку сталкиваться с окружающей его тьмой. Однако быстро убедился, что дети смотрят на реальный мир по-своему и нарекли его господином Бомбадилом, что последним поддастся злу. Он ведь так много для них сделал. Он спас их всех, дав приют на закате дней. Дети были умны. Они

знали, что рано или поздно умрут. Они знали, что каждый из них болен и что в этом тёмном мире нет для них лекарства. И были благодарны ему за последние минуты счастья.

Большая ноша

В конце дня, когда все уснули, человек, звавший себя господином Бомбадиллом, тщательно запер дверь своей комнаты. Сегодня выпил целых два стакана ужасного самогона, прежде чем обнаружил, что с него довольно.

Имя, фамилия, прозвище, возраст. Разобрал пистолет. Собрал. Перезарядил. Снял с предохранителя. Он закончил свою молитву. Приставил оружие к виску.

Ещё рано...

Искренняя молитва

Это были в основном умные ребята, и он всем обещал молитву для бога, в которого верили. Он молился, вспоминая каждого человека, с кем пришлось распрощаться здесь. Не нужно больше ничего. Дети видели всегда улыбающегося человека, который предоставил им убежище в мире после конца света. Он не хотел, чтобы они знали, ни в чём заключались его молитвы, ни как закончить последнюю из них.

Расстроенный господин

— Долго вас не будет, господин Бомбадилл? — спросил Олег. — Берегите себя.

— А вы будьте осторожны и держитесь вместе. Меня не будет более двух дней. Следи за сестрой.

Людмиле было всё хуже и хуже. Громов считал, ей осталось не больше недели. Но самое главное, она счастлива в последние дни. Их было тринадцать. На прошлой неделе пришлось похоронить троих. С последнего визита в метро прошло девять дней. Привёл тогда с собой малыша пяти-шести лет, найденного в одном из туннелей. Крысы уже начали к нему приставать, а у него не было сил их отгонять. Другие дети возились с ним, но малыш не произнёс ни слова с тех пор, как попал сюда. Лучевая болезнь выжигала его и, наверное, поэтому его бросили в туннелях. Громов надеялся, что малыш хоть немного придёт в себя, станет чуточку счастливее, пока не наступит его время.

— Не беспокойтесь о нас.

— Я всегда буду о вас беспокоиться...

Адекватные меры

Каждый раз он старался выходить в другой части метро. Наизусть знал сеть туннелей и переходов. Тайна о местоположении приюта оберегала детей от страшного мира метро, уж Громов об этом позаботился. Нужно было проверить некоторые переходы. Иногда убить кого-то, кто оказался в опасной близости. Дети часто спрашивали его, много ли он убивает во время поисков. Всегда вмешивались другие, говоря, что он убивает только плохих людей, а он добавлял, что не встречал ещё в метро хороших. Большинство малышей помнило родителей, бабушек и дедушек или друзей, оставшихся в метро. Но не скучали по старой жизни. Громов собирал детей, для которых не было надежды. Иногда он вырывал их из рук выродков, иногда спасал от мутантов. Случалось даже, что посещал станции и заботился о больных детях, которыми никто не собирался заниматься. Тогда платил за ребёнка кому надо, родителям или директору. Его всегда провожали презрительными взглядами. Он не любил многолюдных станций. Предпочитал работать в туннелях, где мог свободно убивать.

Кровавые туннели

На этот раз человек, звавший себя господином Бомбадиллом, в одном из боковых переходов наткнулся на ритуал, где приносили в жертву ребёнку. Кровавую жертву.

Прежде чем кто-то понял, пятеро дикарей лежало мертвыми. Остальные в панике бросились наутёк. Громов сразил ещё троих, остальные убежали.

Ребёнок, которого собирались принести в жертву, казался нормальным, не больным и облучённым. Вообще-то не о таких Громов заботился. С другой стороны, чем этот хуже? Мужчина спас его от неминуемой, мучительной смерти, продлив ещё одну жизнь, как и остальным.

Человек, звавший себя господином Бомбадиллом, взял свёрток с младенцем и отправился обратно домой.

Люди, что его атаковали, не имели больших шансов в борьбе с опытным Громовым. Дикари, всё племя. Но они всё равно бросились на него. Все жаждут крови.

Домой не попасть. Нельзя бежать в сторону ближайших станций, ибо дозорные сначала стреляют, а потом задают вопросы. На поверхность лучше не соваться. Оставалось бежать по запутанной сети боковых служебных туннелей, где таится чёрт-те что. У Громова не было, однако, выбора.

Дикари упорно пытались вернуть намеченную жертву. Группы многих из них стали в этот день закуской для падальщиков. Племя было, однако, очень многочисленное. Алексей бежал, пока не нашёл места, где смог спрятаться. Это было очень хорошее укрытие. Точно не найдут... если ребёнок не заплачет.

Мёртвый внутри

Человек, звавший себя господином Бомбадиллом, сделал свой выбор. Ребёнок не заплакал... Сидя в укрытии, прижимая к себе мёртвое дитя, Алексей Громов вслушивался во тьму. Наконец осторожно опустил свёрток на землю. Что-то сломалось в человеке, звавшем себя господином Бомбадиллом. Он подождал, пока дикари не сдадутся и не перестанут его искать. А потом Алексей Громов, прячась в тени, последовал за ними.

Пустой взгляд

Отстучал код, что знал только он. Если бы не вернулся, дети не могли уйти с этого места. Всё равно. Там есть всё необходимое. Хватило бы ещё на десяток лет. Это чудо, что много лет назад ему удалось найти это место. Столь прекрасно оснащенное, отлично спрятанное.

Чудовищно измождённый, на границе сознания, Алексей Громов, человек, звавший себя господином Бомбадиллом, вернулся домой. Весь в запекшейся крови (частично в своей), хромящий на одну ногу, глядел перед собой налитыми кровью глазами. У него тряслись руки, когда он снимал с себя снаряжение. Дети мирно спали в своих кроватках. Подойти к ним так и не решился. Может, достаточно взглянуть одним глазком на тихо спящих воспитанников, чтобы обрести покой, смысл, прощение.

Открытые двери

Через открытую дверь уносились слова. Имена, фамилии...

На столе стояли пустые бутылки противного самогона. Рядом лежал пистолет. Разложил его. Собрал. Перезарядил. Снял с предохранителя. Конец молитвы. Приставил оружие к виску.

ПЁТР ЕДЛИНСКИЙ ПИЛИГРИМ

Собор дышит, вытягивает в мою сторону чёрные пуповины. Разрастается. Тянется к астероидам. Они приближаются тихими волнами. (...) Собор окутывает нас, мы — это Собор, фрагменты единой глыбы, единого произведения искусства.¹¹

Яцек Дукай «Собор»

(дневник отмечен грифом секретности; включает в себя содержание, потенциально угрожающее моральному духу граждан Республики)

* * *

(дописано цензором):

«Ксилема» — древесная часть растительной ткани: «гр. ksylon — дерево».

* * *

/День третий/

Во славу Республики Ясных Лугов и во имя Народа Выживших, Наследников Человечества.

Уже почти на границе.

Идём на север, пересечём её на рассвете. Перед нами пригород; укрываемся в торговом центре. Замёрзли, проголодались, но боевой дух всё ещё крепок, и любопытство больше не дремлет. А нетерпения почти нет.

Майоран нашёл лестницу наверх, так что засели на крыше, потому что так безопаснее. Увы, нет облаков — прячемся в надстройке, чтобы не ослепнуть от солнца. Внизу стоянка завалена сгоревшими обломками, а неподалёку ошиваются чёртовы собаки, так и алчущие нас, истощённых, сожрать; покойтесь с миром, Томек и Крепыш.

Можно помолчать, поесть и пописать дневник. Мы не говорим, потому что разговоры приводят к ссоре. Не рискуем ругаться сейчас, на пороге Неизвестного. Еда — Майоран и Грехор обыскали отдел с коробками и нашли нетронутые консервы. Гадость, от одного только запаха хочется блевать, но я ем, мы все едим. А дневник... Не было веских причин нарушать прямой приказ. Докладываю: каюсь. Докладываю: то не полностью моя вина. У нас был тяжёлый переход.

Несчастья не отпускали ни на шаг, а шагов было много, слишком много, сколько бы мы не прошли. Маршрут: из больницы на юге, дальше церковь / ворота, улица Коперника заблокирована, под грудями щебня всюду кости. Словно прорастают сквозь мусор. Так что свернули на восток. Нас преследовали до вокзала, под чьей крышей удалось скрыться. Я думал, что как-нибудь выкручусь. Сам я рассматривал дезертирство как грех перед Республикой, и признаюсь, готов принять последствия. Если мы вернёмся, конечно, а этот дневник не потеряется в дебрях, среди руин.

От железной дороги с дополнительным конвоем на юг, вдоль Одры, и снова на запад. Поморжаны, относительно безопасно. Несколько лет назад здесь разбушевался пожар. Огонь не пощадил ни высоток, ни чудовищную живность. Новая ещё не успела

¹¹ Перевод В. Б. Марченко.

завестись, мёртвые дома на самом деле мёртвые, пустые окна и почерневшие стены пугают, земля покрыта пеплом.

На кладбище эскорт развернулся, наши просьбы встретил смехом, так же как и оказанные доверенности. Слишком далеко от Центра, чтобы держать в строгости. Я прошу о дисциплинарном наказании всей команды или изгнании из рядов Народа Выживших.

Почти двое суток мы отвоёвывали кладбище. У привидений. Не то чтобы я боюсь мёртвых. В вымершем мире отсутствие мёртвых требует быть начеку. Доверились проводнику, а он нас завёл сюда. Не со зла, из-за тумана. Лабиринт плит, бульваров, аллей. Площади с памятниками, ряды крестов, раскопанные могилы, туннели тянутся под некрополем, а в них неведомые мутанты, которых я, эксперт по мутировавшим организмам, не могу определить. А вот Франк, наш ботаник, классифицировал деревья, список составил в своём дневнике. Существа запутанные, причудливой формы, сиамские близнецы и взрослые, дикие. Не как на архивных фотографиях.

Мы петляли двое суток.

* * *

От ведения дневника меня отвлек сигнал. Шмульна вернулась с обхода. Напарница Майорана, как по мне, на профессиональных условиях, не более. В залах супермаркета заметила следы наших предшественников. Заброшенный лагерь. На осмотр пошли Грехор, ведущий стрелок, Майоран и я. Необходимо было определить скрученный мутацией труп. Мы только что вернулись.

Прилагаю протокол и заключение на отдельной странице. Здесь вкратце. Предыдущие путники на въезде в город прятались в одном из магазинов, за самодельной баррикадой из стеллажей и мусора (конструкция стабильная, если разбивать лагерь ненадолго). Ушли месяц назад. Плюс-минус неделя. Не больше, потому что везде следы боя и трупы. Человеческих, к счастью, нет, зато есть три напичканных пулями мутанта.

Вроде, гниют как надо. Только неравномерно. Твари даже не разлагаются, как подобает природным организмам. Но поставил диагноз — около месяца от смерти. Мерзкие, чудовищные существа, ткань странная, крови нет, что противоречит всем моим знаниям. Новый вид, без сомнения. Мутации преодолевают очередные ограничения. Прошло двадцать лет, и законы биологии попораны. Куда приведёт этот безумный, подстёгнутый радиацией прогресс, этот каскад изменений? Не знаю. Я боюсь даже высказать гипотезу. Я боюсь проверить её.

Иногда я задаюсь вопросом, кто в этом конченом мире злодей. Ведь не мы, хотелось бы сказать. Или?.. Или всё-таки мы? Может, мы как сталкеры и мародёры, что упорно не хотят покидать банкет прошлой жизни, а на подходе уже новая волна посетителей. И они должны нас выгнать. Нас, гнилых реликтов.

На сегодня хватит. Ночной переход, следующая остановка в многоэтажном доме, формально за чертой города. Потом — окраины. Неизвестные.

* * *

/День четвёртый/

Микрорайон формально сразу за границей города, в соответствии с планом. Начался с парковки (пришлось стрелять, собирались в спешке; потери: Франк потянул лодыжку).

Переждали день в квартире на чердаке. Заложили лестницы, поставили на окна снайперов — Шмульну и Грехора. А в соседнем блоке ещё следы предшественников; думали аналогично, тоже караулили подходы. Схожесть их и нашего выбора не пугает меня, я не суеверный (в конце концов, я учёный).

То, что до нас кто-то был, поменяло настроение команды. Я сижу в стороне, пишу, до меня доносятся обрывки разговора. Отмечу наиболее интересные высказывания.

Грехор (винтовкой опёрся о подоконник):

— ... сволочь этот Франк, ему хватает наглости подходить ко мне и жаловаться, что, мол, нога распухла, по лестнице тяжело взбираться. И что там будет, дверь охранять, типа. Тьфу, сукин сын. С ногой ничего серьёзного.

Майоран (тон серьёзный, всегда отстранённо, обучался у лучших военных в Убежище под Лугами):

— Что он тогда там делает? Забавляется? Его всё достало?

Смех. Опять Грехор:

— Где там. Из магазина вынес запас консервов, спрятав в рюкзак. Теперь сидит и ест. А как на пороге появится, сразу вернёт, что сожрал. С обеих сторон.

Снова смех, обеспокоенный Майоран на всякий случай покидает квартиру, идёт проверить, что с подчинённым. Двоих мы уже потеряли. Ещё один — и нам кранты.

Там, на крыше торгового центра, спал я. Первый раз с?.. С последней вылазки. В бункере, под Лугами, на территории Республики (слава ей и Наследникам Человечества), не до снов. Только явь, и долг, и жизнь, и вечная работа на благо Выживших.

Мне снились образы, звуки, впечатления. Но я запомнил сон фразами, потоком слов, скоплением витиеватых и курьёзных оборотов. Не цитирую, потому что быстро выветрились из головы, а никакие ассоциации на ум не приходят. Вихрь странных слов. Что-то о дереве / древесине / огромном / стволах? Право, не помню. И, как исследователь, от кого ожидают трезвости ума и подходов, прагматичности, я начинаю бояться.

Что думали они? Те, кто пришли сюда месяц назад? Почему вдруг сбежали, покинули пост на Калины и двинулись на запад, за город, в Неизвестность?

Вы также мечтали?

Вспомнил кое-что ещё. Вспомнил из того инцидента со странником, с безумным богомольцем. Слово навязчивое и повторяющееся. Не знаю к какому, так сказать, замку. Слово-ключ.

«Ксилема».

* * *

/День пятый/

Нападение. Мы еле ноги унесли, чудо, что все. Переплетение трагических событий и несчастных случаев, даже немыслимо. Вероятность, колеблющаяся ниже нескольких процентов, как говаривал кто-то из моих наставников. Цитируя же лаконичного Майорана: «чёртово невезение и чёртово поручение».

Пригороды разливаются за городом редкой застройкой. Изначально мы шли по плану и карте. Главная дорога, забитая развалюхами, в основном сгорела. Земля вспахана и вспучена, легко ногу сломать (Франк, что якобы растянул лодыжку, теперь повредил её по-настоящему, кроме того, при падении значительно проредил себе зубы). Нужно освещать дорогу, но мы берегли батарейки, чтобы не притянуть нежелательную

компанию. Над нами кружит стая ширококрылых и короткоклювых монстров. Те, что на берегу реки. Портовый город, так что может, это чайки?.. Теперь не важно.

Мы прошли три характерные точки. Сперва два грузовика поперёк дороги. Полураздавленные, выпотрошенные, кругом валяется товар — нерабочее электронное оборудование. Далее автозаправка, магазин, полицейский участок. Активности мародёров ни следа, мы бы сунулись внутрь в поисках оружия, но у Майорана «предчувствие». А проводнику либо полностью доверяют, либо целиком.

Последняя точка: перекрёсток. Авария и куча металлолома, бетонная плита площадки, разрушенная школа / офис, где мы скрывались днём. Представляю.

* * *

Нет времени на длинные описания и отступления. У Шмульны кровь. Майоран зол (наверное, что-то большее, чем просто профессиональное партнёрство).

Что касается нападения: когда мы перебежали по двое к передней двери, лавируя между остовами машин (тротуар тоже заставлен), оживились жители сгоревшего кузова. Пассажиры родом из радиоактивного ада. Человекоподобные силуэты, поведение, однако, как у животных. Целая волчья стая. Франк хромал впереди. Мне приказал Майоран то же самое. В нашей миссии на запад нам надо следовать не только и не столько по следам без вести пропавших, сколько исследовать по пути формы жизни, нежити, псевдожизни, а значит, и ботаник, и мутовед должны уцелеть. Вломились в здание наобум, к счастью, оно оказалось пустым. На улице бойня. Шмульна укушена, Грехорово чудо оружейной мысли, самопал на базе АК, развалилось в руках (порезав палец), и остался наш снайпер с пистолетами.

Мы ждём. На улице вой. Их всё больше. Не можем выйти. Может, уйдут в сумерках. А может, и нет. Приближение чисто человеческое: пятьдесят на пятьдесят. Да или нет.

* * *

Сумерки. Выходим, существа попрятались. Теперь на юг, полями, по пятнам бурой пшеницы, примятой предшественниками. Таким образом, мы прошли могилы. Знаки на столбах, военные символы и стандартные пиктограммы. Дерево, колонна, башня. Почему? Почему сбежали, почему зашли сюда, что ими двигало? Что бы это ни было — думаю, мы недалеко от источника. Опять мне снится сон, а во сне плеяда образов и воспоминаний странника.

Потом. Сейчас переход.

* * *

/День шестой/

Неизмеримы светлость Республики и слава нашего Народа. Однако есть вещи, что заставляют подвергать веру сомнению. Например — «это». «Оно»?

Я вижу их издалека. Все видим.

Оно стоит на холме, в километре от нас. Мы на крыше второго этажа крошечного домика. В безопасности, хотя рана Шмульны не заживает. Скоро снова пойдёт кровь. Мы смотрим на холм, рискуя ослепнуть от солнечного света. Стоит там, возвышаясь далеко-далеко за домами, на фоне седых полос облаков. Далекое, а словно на расстоянии

вытянутой руки. «Оно» — потому что как назвать этот массив, широкий обелиск, непоколебимое скопление форм и размеров? Без окулярных фильтров глаза режет солнечная сепия, пробивающаяся сквозь щели между облаками.

И так пытаюсь определить и назвать Неизвестных (безуспешно), мы начинаем обсуждение (да, заговариваем). Я не могу описать их. И по фотографии понять невозможно. Предложения, предположения, Франк красноречиво молчит, тоже не знает. Может, подозревает. Тихий омут.

Остальные — прагматики. Быстро переходят на тему не Того, а людей, по чьим следам движемся. Что заставило команду закалённых в боях солдат уйти с караула и покинуть охраняемые границы? Откуда идея, откуда мужество, откуда уверенность, что есть смысл искушать судьбу?

— Из-за легенд, каких полно, — высказалась Шмульна. Бледная, осунувшаяся, Майоран меняет ей повязку. — Наслушались других разведчиков. Годится для карты до Великого Пожара. Выдумали себе клад и двинулись в путь. Бредят этим и молодые, недоросли и переростки, вот и слетают с катушек, срываются с места.

Грехор то сосёт порезанный палец, то упорно чинит развалившуюся винтовку. Фыркает, провозглашает:

— В основном молодёжь, да. А офицеры — тоже те ещё горячие головы. Что, в Республике сомневаемся? В нашем любимом, так как единственном, режиме? Под контролем держим молодняк, ну, поначалу. Чтобы трюки расхотелось выкидывать. Ушли с офицером, целый отряд.

Пишу слова, близкие к оскорблениям. Я не осуждаю Грехора. Напряжённая атмосфера. В закрытой тесной комнате на чердаке сидим друг с другом. Ссора висит в воздухе, а ссора между сталкерами равна мордобоем.

— Или убили офицера, — предлагаю я. — От тела легко избавиться.

На что Майоран:

— Убили или нет, откуда-то, чёрт возьми, они получили цинк. Не шли вслепую.

Согласен. На окраине города случаются чудеса, в сущности, и прекрасные, и жестокие. Откуда-то знали конкретно об этом. Они подошли к Тому, чем бы то ни было. По чьим советам?.. И вдруг Франк. Засел в углу и стал растирать лодыжку.

— Ксилема, — говорит он. С ним то же, что и со мной. Не с ними. Молчат, ждут объяснений. Вместо признаний — молчание. Всё внимание на меня. Я ж учёный! И так, я заговариваю. Выдаю секреты Республики, да будет мне прощение. Позже пишу в дневнике.

* * *

(раздел зашифрован)

О бродяге / страннике / чужаке / Пилигриме:

Два месяца назад? Чуть более, думаю. Сталкеры слухов не слышали, потому что слухов не было. Соглашение о конфиденциальности. Пилигрим прибыл прямо под ворота Убежища. Не у основных, парадных, где проходная, а у чёрного хода — там скрытый путь отхода для руководителей Лугов. Под памятником Орлам, влитым в бетон. Откуда он узнал о его существовании? — один из вопросов без ответа.

Часовые посадили чужака в тюрьму. Отвели на допрос. Он ничего не говорил, кроме одного слова: «ксилема». Подозревали, что маньяк. Но предполагалось также разоблачение и заговор против вождей Наследников Человечества. Посеял в рядах

силовиков заблуждение, заключённого взял на себя комиссар Б. Шульц, в то время мой наставник.

«Ксилемой» отвечал Пилигрим на вопросы о личности, о цели. «Ксилема!», — кричал он дознавателю на каждое слово в допросе. Кричал громко, до конца (пока не устал и не потерял сознание; просчёт со стороны следователей). Прежде чем он умер, созвали специалистов из различных областей. Устроили комитет. В составе, между прочим, были мы с Франком. Фиаско потерпели и мозговой штурм, и исследование организма и реакций Пилигрима. В организме остатки неизвестного вещества, следы облужения по всему телу. На все попытки общения.

После непредвиденной смерти комитет распорядился сделать вскрытие. Оказалось, что часть нервной ткани мозга была «размягчена» и поражена микроскопическими элементами, как будто напоминающими зёрна, или...

* * *

Мы отправились раньше. Шмульна на ногах, хотя и слабая. Нет времени заканчивать описание. Итог: Пилигрим умер. Усилия комитета успехом не увенчались. Труп сожгли. В документах зафиксирован был случай «ксилемы», ботаники говорят, что зёрна в мозгу — специфическое проявление неизвестного доселе растения, без сомнения, мутировавшего. Дело закрыто.

Почему мы соотнесли Пилигрима и ксилему с дезертирами, по чьим следам мы шли? Оба события странные. Но, наверное, не поэтому. Причина — представление о том, что сидит на холме. «Оно», как я написал ранее. Я боялся поспешных суждений. Нужно полностью отражать суть рационализма. На мне лежит ответственность за отчёт об экспедиции, надо стремиться к относительной объективности.

Написал «Оно». Среднего рода, однако, когда я увидел издалека это гротескное, потрясающее творение, нарёк «Древом». И покрыто оно чем-то деревянным. Как раз «ксилемой».

Суждение, наверное, преждевременное. Однако, что если?.. Отсюда мог быть Пилигрим. Мы идём в противоположном направлении, но как ни посмотришь, — такие же пилигримы. К Неизвестной земле.

* * *

/День седьмой/

Шмульна теряет силы, слишком большая потеря крови. Майоран сходит с ума. Палец Грехора нарываёт. Франк пропал. Хотя какое это исчезновение! Все мы знаем, куда он делся.

Сначала о том, что вокруг. Лагерь мы разбили на развалинах завода, у подножия холма, в бывшей мясной лавке. Пейзаж серый; пни деревьев, столбы маяков, разбитые машины, остатки заборов и домов умерших сливаются, сплавляются в одно целое, серое. Сперва решили, что нашли их прах. Ошиблись, вблизи это оказался мох, нечто растительного происхождения. Франк промолчал, не сказал ничего. Уже тогда вперил взгляд на «Ксилему» (так я буду называть Это).

Холмы тянутся до самого горизонта. Из-под псевдомохового ковра кое-где виднеется бурая земля. Там, рядом, на западе, снова дома, другие города. Мы взбираемся на заводскую трубу посмотреть на восток, на город. Мы не видим его, однако. В воздухе

клубятся пары. Туман не густой, но окружает Ксилему плотным кольцом (поэтому из города его и не видно, хотя она гигантских размеров).

От мясной лавки до подножия Ксилемы склон холма. Дорога прерывистая, из-под асфальта пробиваются лучи змеистых корней. Ближайшие к Этому дома и дворы погружены в землю (взрытая почва?), из-под слоя синеватого мха можно увидеть угловатые, но отлично вылепленные очертания зданий. Кучи мусора. Металлические скелеты, остатки автомобильных кузовов (неужели Оно переваривает металл?). Прямо перед «стволом» дорожный знак, потёртый, но узнаваемый. Восьмиугольник. «СТОП».

За ним — Ксилема.

Наводит на мысль множество ассоциаций. Особенно меня, знакомого с архивными материалами до Великого Пожара. Гора, я думаю. Отрывистые скалы. Окаменевший атомный гриб. Опухоль, вырожденная ткань, причудливый эффект лучевой болезни, что поразила планету. Но больше всего взоры притягивает асимметричное творение: Древо.

Оно огромно. Напирает на зрителя. На первый взгляд, неподвижно. Однако если присмотреться — дышит. Отростками, веточками, древоподобными ветвями. У основания корни соединяются в ствол, добрых пятьдесят метров в объёме, весь в наростах, с отливающими металлом длинными ветками. Чем выше, тем шире Ксилема, и где-то на двадцатом метре она расправляет величественную крону. В ней рассыпаны мириады мелких веточек, на каждой растут гигантские листья (на глаз: с ладонь, все разные). Гораздо больше любого здания в городе. Глаз ищет закономерности, терпит поражение и довольствуется соотношением с нормальными, довоенными деревьями.

Для чего Оно? Зачем выросло здесь, на периферии? Зачем стремились к нему дезертиры? Оно ли отравило Пилигрима (нет, всё-таки...)?

«Зачем?». Может, стоит изменить вопрос? Мы задаёмся вопросом «зачем?» и ищем цель. Мы игнорируем способ. «Как?» Как возникла Ксилема? Всё, что противоречит знаниям до Великого Пожара, мы списываем на радиацию, мутации. Каждое порождение. Что если Оно не более чем признак болезни?..

Франк, несмотря на грубоватость, оказался умён. Придется тоже думать, шевелить мозгами. И он пошёл, будь он проклят. Он пошёл туда.

* * *

Ещё не вернулся. Не думаю, что вернётся.

* * *

У Шмультны открылись раны. Майоран хочет вернуться. Я против. Чуть мне не врезал. Франка нет. Мох под воздействием солнца испускает пар, отсюда и туманная завеса. Грехор починил оружие. Я видел, как он направляет его на Древо, смотрит через прицел, едва дав себя оторвать от наблюдения. Отвечает односложно. Вечно склонный к ссоре, теперь чаще отмалчивается.

Аргументы и представленные предложения:

Майоран:

— Оставим этот кошмар, чёрт знает, что это за растение-мутант, или, кто знает, какое-то биологическое оружие. Мне плевать на ботаника, я серьёзно. Мне плевать на пропавших без вести. Следов поблизости мы не обнаружили. Будь у них мозги, тут же бы повернули при виде этой хероборы.

Грехор (принудительно):

— Понаблюдаем. Наш спец составит описание в дневнике. Дабы с пустыми руками не возвращаться.

Шмульна (кашляя кровью):

— Проведите разведку, как разведчикам и подобает. Я ещё потерплю.

Я:

— Подойдём ближе, соберём образцы. Мы не знаем, в сущности, ничего. Только вблизи надо быть осторожнее.

* * *

Майоран согласился, наконец. Приказал лечь спать. Грехор на страже, сам вызвался; залёг на крыше, возле дымовой трубы, чтобы восхищаться сложением Ксилемы. Сам Майоран отправился на склад, в барак рядом с пустой цистерной. Что-то готовит.

Я приглядываю за Шмульной, не могу уснуть. Зато она спит. Бормочет, бредит. Неужели влияние близости?.. Подозрения. Я срываю пласт мха с наружной стены. Мягкий, но стоило его оторвать, быстро высох и рассыпался синим прахом. Не испарился облаком, а именно рассыпался на кусочки.

Кусочки. Растения. Дерево. Сны? В Пилигриме тоже...

Зёрна, мириады зёрен.

* * *

/День восьмой/

Один. Только я. Они уже в Том, стали частью организма, деревом (ксилемой), одним целым с Древом.

Я слышал их крики; отголоски ещё долго носились в округе. Теперь звонкая тишина, Ксилема раскинулась на фоне звёзд, назло мне и окрестностям. Я жив. Ранен, но жив. Остальные — их как будто и не было вовсе.

Возвращаюсь на задний двор завода. Майоран ожидал худшего, приготовил тележку, на ней баллоны с газом, часть с бензином. Утащил с заброшенного склада, не разграбленного мародёрами.

Оставлю здесь дневник. Закончу запись, если Ксилема раньше не доберётся.

* * *

Удалось. Хотя опять вытащили (выпустили?) свои когти. Втянул груз в эту дыру, дупло, вход, ведущий в новоявленный лабиринт. Взорвал гранату Грехора (едва не вместе с собой — неосторожно с пояса снял). Взрыв мощный, диагноз: выбитые зубы, подпаленный на спине костюм, три продольных шрама на груди (это Шмульна, в первый раз). Не исключаю сотрясения мозга.

Оценка психики: только сейчас понимаю серьёзность ситуации. Упорядочение записей упорядочивает мысли.

* * *

Теперь хроникой. Есть время. Пока Ксилема горит.

Всё началось с Франка.

Не было ни голосования, ни ярых споров. Мы двинулись, потому что услышали крик. Из-за дремлющих холмов и вымершего региона. Мотивация. Нельзя отказываться от жизни ни в дебрях, ни когда нет видимой опасности (хотя никто и не сомневался в опасности со стороны Ксилемы; и опасность была, другая, неожиданная, — нечто другое и более опасное).

Мы пошли все вчетвером. Грехор даже с энтузиазмом. Шмульна прикрикнула на Майорана, сделала повязку вторым слоем. Бледная, такая бледная, и тогда, и после смерти (после слияния?). Мох пружинил шаги. Чем ближе к стволу, тем толще он становился. Под ним мусорные баки, контейнер, сиденье, выпавшее из кабины грузовика. Мы тихо крались. Когда Ксилема заслонила небо, решили остановиться. Покой среди теней и запутанных ветвей. Кое-где просвечивало небо. Наконец яма. Оттуда, с глубины, знакомый голос. Уже не кричал. Он говорил на незнакомом языке (наречии из сна).

Мы окликнули — нет ответа; монолог продолжался.

— Сукин сын, — сказал Майоран. Я помню каждого. Прекрасно помню. — Он сошёл с ума. Коль сам не выбрался, пусть там и сидит.

— Я пойду, — предложил Грехор. Лицо меловое, почти как у Шмульны. — Оставайтесь. Я вытащу его.

— Не пойдёшь!

— Пойду. Что мне делается.

— Ну и катись! План у вас, да? Богатство предвосхищаешь, с Франком сраным сговорились? В глаза мне смотри! В глаза, ты!..

Тогда Шмульна забила тревогу, и гибель была предрешена.

Прекрасно помню.

Из тьмы возник Франк. Высунулся из тени буквально на секунду, и спрятался обратно. Франк снова захромал вглубь полости. Его кто-то позвал, Грехор вскочил и побежал. За ним Майоран, с оружием наготове, и Шмульна тоже, а с ними и я. Сквозь проём внутрь «ствола». А вещи там знакомые, Ксилема их поглощает, переваривает. Стена дома. Изогнутые фонари, обёрнутые вокруг столба высокого напряжения. Мозаика шин, досок, тротуарной плитки, тут и там вспышки (включённые фонарики). Псевдогрот расширяется, стены исчезают в темноте, потолок где-то высоко над головами, счётчик Гейгера эхом предупреждает о невидимой смерти. Но нас настигла смерть, сами знаете.

Хвала Небесам, шарканье Франка затихло, снова монолог. С тенью. Кислый запах, почти вонь, духота. Мы остановились возле груды всего подряд — шедевр архитектуры 2033 года. Фонарик с трудом разгонял мрак. Ни следа Франка, но я не вижу другого выхода. Может, за одной из колонн, — я заглянул: никого. Я коснулся голой ладонью колонны из спрессованных отходов, кирпича и металла. Обросла мхом и чем-то наподобие коры. Я проверил — на ощупь не как кора, скорее, как кожа.

Снова тревога. Нашли Франка. Столько, сколько осталось от него на поверхности. Мох уже оплёл ботаника синими щупальцами, гирляндами отклеился от «стен» и втянул в себя. Только голова и плечи снаружи. Учёный весь дрожал, он пребывал в шоке. И что-то бормотал.

Никто не дёрнулся его спасти. Все поняли, что ему конец. Смотрели в молчании, пока вдруг Шмульна не упала, теряя сознание. Потеря крови в сочетании с духотой. Головой ударилась о какую-то неровность (могу поклясться, до этого никаких неровностей не было). Шум из ниоткуда, всё громче и громче. Майоран, наверное, не услышал, упал подле Шмульны, не желая её покидать; его оставили инстинкты stalkера.

Я закричал. Впустую. Грехор сел напротив изъеденного мхом Франка, прислонил винтовку к стене. Я закричал, дёргая его. Без толку. Задумался. (Наверное, наглотался зёрен ещё на крыше...)

Ксилема задрожала. И мы вместе с ней. Упали внутрь «дупла» (если Оно дерево, то дыра — дупло) мелкие листья. Только тогда очнулся Майоран. Я помню его ожесточённое лицо. Шмульна мучилась, он пытался помочь; напрасно. Застрял во мху. Опустил её на синее покрывало. Оно тут же обтянуло тело. Я побежал на помощь (рефлекс). Майоран кричал, я, думаю, тоже. От страха и отчаяния; и от боли, когда Шмульна, опутанная одеялом мха-убийцы, ударила с нечеловеческой силой (там всё нечеловеческое: эстетика, сила, события). Майоран пал от удара в висок. Оглушён. Меня она оцарапала ногтями (когтями?) грудь, даже костюм не спас.

Шмульна затягивалась постепенно в пол, ей уже не до меня. Майоран, прежде чем пришёл в себя, тоже попал в объятия мха. Обернули, завернули. Он взывал о помощи, умолял. И вдруг из открытых полостей, из-за столбов выскочили Они. Я помню, как мчался, а вместе со мной металась мысль. Но я также помню, что я услышал... — нет, что я получил. Я получил сообщение. Голос раздался прямо в голове.

«Останься. Усни. Примкни. К нам».

Они ползли по земле, были её частью, продолжением, отростками. Силуэты едва человеческие, но знал, кто они (кем были). Дезертиры тянулись ко мне когтями.

Убежал.

* * *

Потом безумный скоростной спуск. Из круговорота мыслей одна выделяется: уничтожить. Баллоны, подготовленные запасливым Майораном. Он не учёный, но он знал, как и остальные: пламя уничтожает всё. Большой Пожар, уничтоживший этот мир, — лучшее тому подтверждение. Поджёт Ксилему. Взрыв и огонь. И снова ад разверзся руками человека.

Горит. Освещает окрестности, светло, как днём. А я — пишу. Уточняю будущее Республики, будущее Народа. Огонь очищает, выжигает сомнения. Поднимаются языки пламени по стволу, переносятся на ветви, мерцают, переваривают организм гигамутанта.

Пилигрим, вернёмся к нему. Приманка? Наверное. Заражён — да-да. Носитель чумы Ксилемы? Скорее всего, нет. Но информатор (буквально далеко идущие глаза, уши)?.. Я тоже заражён? Не чувствую. Не проверю. Не знаю.

Не для нас это место. Ксилема — доказательство. Казалось, поглощает, охотится на нас. Только наелась ли? Изучала, анализировала? Если ещё зависима и несамостоятельна, это ненадолго. В конце концов, она получит преимущество. Может, и подвижность. Не для нас этот мир, если возникают такие могущественные формы жизни. Такие чуждые. Лучше приспособиться, потому что выросли на останках погибшего мира. Тем хуже, если сознательно (этот голос: преобразается ли Ксилема?..). Кандидат в приемники человека: прожорливый древесный организм, моховой монстр.

Жду конца экзекуции. Горит в пекле несостоявшийся соперник человечества. Дрожит воздух, меня обдаёт волна жара; беру свои слова назад, брови опалены. Я защищаю записки. Дым периодически заслоняет небо, и пламя то ослабевает, то освещает окрестности.

Тёмные мысли палача, мои мысли. Переношу их на бумагу. Я пишу в свете костра. Зачем? Во славу Республики? Для Выживших — да. На свой страх и риск пронесу

подтверждение. Через долину теней, бульвары, кладбища, свалки и пепелища. Мой личный, одинокий исход.

Выбираюсь из-под Ксилемы. Я, последний Пилигрим.

ПЁТР ЕДЛИНСКИЙ ДЕМИУРГ

...за семью сыпучими горами, за семью спалёнными лесами, в убежище, под грудями земли, жил-был Мальчик. Родители, соседи и домочадцы звали его не одним именем, а многими. Сам себя называл просто Мальчик. А его называли по-разному. Каждый день по-разному, но никогда не приятным для слуха и души именем. Иногда становился Лысаком, Лысухой или Тыквоголовым (спрашивал тихо родителей, что за тыква; они печалились и ничего не объяснили). Когда-то ещё был Жабой, Щепой, Мутом, Шкетом, Уродом. Этими именами обращались к нему взрослые. Дети не давали ему прозвищ, потому что детей он видел редко, издалека и мимоходом, и не был уверен, что они вообще умеют говорить. Родители же называли мальчика «Он» или «Ты».

Вы знаете его имя, верно, хотя раскрытое позднее, в краю, далёком от дома. Не бойтесь. Не трепещите. Сегодня вы можете произносить его вслух. Не поминайте имени Демиурга понапрасну, ибо идёт ночь почитания и памяти.

Демиург, да. Он, Мальчик, что потерялся и нашёлся.

...ближе, ближе. Пролейте немного света на жизнь слепого и хромого. Посмотрю на вас сквозь линзы... Лучезарно выглядите, дети. А у молодых горят глаза. Любопытно, не правда ли? Что скажете? Что, не слышали ещё этой истории? Вы знаете её конец, а не начало? Старшие братья и сёстры не рассказывали? Некрасиво с их стороны. Тогда узнайте судьбу своего благодетеля. Творца Чистилища.

Пусть будет. Я расскажу вам о похождениях Демиурга. О его изгнании, скитаниях по бесплодным землям и владениях Зверя. О встрече верных последователей. Он, как вы знаете, сделал великое открытие и построил Чистилище.

* * *

Всё началось с прогулки. Однажды Отец взял Мальчика в Шахту. Там жители убежища, когда было необходимо, спускались под землю. Отец, однако, не сообщил Мальчику ни о какой необходимости. Молчал, но очень шумно — сопел, дышал, хрипел. Брёл по бетонной трубе на поверхность, и долгим было это восхождение. Ещё дольше Мальчик привыкал к яркому, ужасному белому свету, ниспадавшему с потолка.

— Папа! — воскликнул он, когда привык к освещению, и на него снизошло озарение. — Это не потолок! Это небо!

Папа что-то пробурчал, медля с ответом.

— Папа! — оживился Мальчик. — А я не могу такую маску достать?

На этот раз Отец ответил, хотя не сразу.

— Не нужно.

Пошли по коричневой равнине. Пустота внешнего мира сначала давила на Мальчика. Всё время не хватало привычных стен, но странное чувство быстро прошло. Мальчик шёл за сгорбленным, шурящимся Отцом и радовался окружающему миру. Округа только на первый взгляд казалась одичалой. Тут и там поля злаков уступали островкам пожелтевших растений. Кое-где стояли склёпанные из листового металла сараи. Там, вдалеке, кто-то пробежал по развалинам, махнул Отцу. Мальчик помахал в ответ. Тот замер и вернулся вглубь пепелища.

— Куда мы идём? — спросил Мальчик. — Пап? Куда?

Папа указал на далёкие, угловатые тени.

— Так далеко!.. — изумился Мальчик.

— Ты рад? Не хотел бы ближе?

— Нет! Как можно больше, как можно дальше!

— ... ладно. Так и сделаем. Пройдём столько, сколько захочешь, и домой.

— Я не захочу! — возразил Мальчик со всей детской решительностью. — Никогда!

Отец промолчал. Отвернулся от Мальчика, поднёс к глазам бинокль и стал вглядываться в угловатые сооружения. Мальчик сделал то же самое. Серые блоки росли и росли. Должны достигать светящегося неба и даже протыкать его. Он мог разглядеть мелкие детали, и Мальчик восхищался ими, сердце радостно колотилось. Он узнавал кое-что — из подслушанных разговоров и альбома Отца. Так, это дома, думал он. А это окна. А это качели, а рядом автомобили, скелеты, скамейки, фонари, ещё дома, и...

— Пап? Там, над крышами... Тёмное такое, огромное...

Забеспокоился, потому что успел отвергнуть мрак убежища. Полюбил свет. Папа бросил только:

— Буря.

Они прибыли на окраину посёлка. Ставни и выбитые стёкла радовали взгляд Мальчика. Улыбками встречали его голые черепа. Мальчик чувствовал, что весь этот только что открытый мир радовался его прибытию, радовался ему. Не то что Отцу. Потому что сам Отец, сняв со спины ружьё, смотрел с тревогой и ругался себе под нос. Поразмыслив, повёл ребёнка к ближайшему блоку.

— Поглядим, — сказал он, — на город. Сверху. Хочешь?

— Хочу!

Стоящая в темноте потёртая, липнущая лестница вывела Отца и Мальчика на крышу, в лес антенн. Мальчик подбежал к краю, ограниченному низеньким барьером. Он видел теперь больше, так много, что в голове возникла настоящая каша. Сколько фигур (что с того, что большинство угловатых) и цветов (мириады оттенков серого)! Мальчик смотрел замороженно. Отец стоял рядом. Ребёнок не видел, что тот делает. А Отец никак не мог решиться. Он выставил вперёд руки — недоставало метра до спины Мальчика; родитель отпрянул. Потянулся ещё раз и снова застыл. Наконец он повернул ружьё прикладом вперёд.

Мальчик смотрел на башни, наклонные и плоские крыши, каньоны улиц. Всё ещё боролся с круговертью мыслей и впечатлений. И когда почувствовал движение, услышал свист, на миг потерял сознание. Успел подумать, что, наверное, эту битву он проиграл.

* * *

Так произошла измена. Не первая — Мальчик с рождения жил в постоянной лжи, лицемерии. Не первая, но решающая. Эта измена освободила Мальчика. Вырвала из оков привязанности. Ещё не знал об этом — предчувствовал, — но после одинокого пробуждения он уже ступил на путь будущего Демиурга. Вашего опекуна и отца.

Черноватая муть выплюнула Мальчика в терзаемый бурей мир. Не было слепящей белизны неба. Её полностью съели тучи. Над крышами, что восхищали Мальчика совсем недавно, плыли серые облака. Подул сильный ветер. А в лесу антенн и дымовых труб Мальчик был один.

Позвал Папу. Порыв ветра запихал крик отчаяния обратно в рот.

Мальчик нащупал шестью пальцами заметные опухоли на лысой голове. Заметил отсутствие Отца, и закрытую заднюю дверь, что вела на лестничную клетку. Откуда-то пришло к нему понимание, хотя он не хотел принимать случившееся. Паника, боль,

неверие временно утонули в раскатах грома. Грохнуло, и завеса дождя опустилась на серый город. Мальчик не ведал, что это необычный дождь, его, как вы догадываетесь, трудно пережить без помощи Демиурга. Небо исходило кислотой.

Капли невинно стекали по безволосой голове Мальчика, по шрамам и пятнам. Ему хотелось скрыться от рёва стихии. Дверь оставалась закрытой (их запер Отец, но об этом Мальчик не желал думать). Обошёл крышу вокруг. Нашёлся другой путь вниз — встроенные в стену ступени из искорёженных стержней. У этой своеобразной лестницы не хватало нескольких ступенек. Но в сердце Мальчика не было страха ни перед высотой, ни перед риском. Он боялся лишь ненастья, её шума и суеты.

Мальчик укрылся в прихожей ближайшей квартиры, но не наслаждался спокойствием. В нём росло негодование. Праведное, как ни посмотри. И всё-таки неприемлемое и болезненное. Когда-то он упомянул слово, чьё значение он так никогда полностью и не понял. «Измена, измена». Папа ушёл. До убежища, до Мамы рукой подать. И одновременно безмерно далеко. Мальчик не мог вернуться, он точно это знал. Мог бы уйти? (Решай, решай.) Разумеется, нет. Так считали существа, жившие в грязных комнатах и подвалах.

Я вижу их иногда на границе нашего приюта. Когда-то зловещие, теперь, чем больше вы набираетесь от Демиурга знаний, тем больше они лебезят перед вами. Но тогда Демиург не имел такой власти.

Преследовали его. Стая радиожоров, как называют их сталкеры в своём обычном невежестве и высокомерии по отношению к любым проявлениям мутаций. Клацали челюстями, гортанно выли, стучали клыкастыми лапами. По четыре, по шесть, по восемь — здесь собрались разные виды. Собрал их невидимый хозяин руин — голод.

Мальчик бежал по заросшим дорожкам, через изрытый бороздами сквер, по городским артериям, навеки забитым уличными пробками. Звери не отставали. Руководил ими Вожак, старый, заросший шерстью, с когтистыми копытами, саблевидными клыками. Рычал и пыхтел, идя впереди нескольких волколаков, своих охранников-телохранителей. Он мог схватить Мальчика там, на прямой дороге, под проливным дождём. Но ребёнку повезло. В первый и последний раз. Потом Мальчик спасал сам себя — и до сих пор спасает своих последователей.

По воле случая, ливень поддержал шквал пуль. Растревожил всю округу. Улицу засыпал град свинцовой смерти. Мальчик уткнулся носом в асфальт, заполз под ржавый каркас автомобиля. Гром, скулёж, шум, выстрелы — всё слилось в единую оглушающую какофонию. Звери плясали вокруг остова, потеряв ориентацию. Часть совала вспененные морды под машину в надежде на добычу. Мальчик пинал их по носам. Остальные скакали, ища нападавшего. Стрелки убивали псов одного за другим. Наконец визг утих. Вожак хрипло прорычал, призывая к отступлению, и побежал первым.

Блаженная тишина длилась недолго. Мальчик увидел пары тяжёлых ботинок, перемещающиеся между трупами, услышал и громкие голоса. Не страх (потому что заставил себя отбросить его), но догадка и здравый смысл приказали оставаться на месте. Выглянул осторожно. Их было несколько, и все потрёпанные, в изношенных масках и костюмах. Вооружены и волосаты. Эти бороды и шевелюры напугали Мальчика.

Ходили по недавнему полю боя, спорили.

— Возьму себе шкуру... Будет чем жилет подбить...

— Зубищи мои!.. Отвянь!

— Этому хвост отрубим, пойдёт на торг. На дикарей с Улицы не нарваться бы...

— Пошевеливайтесь давайте, а то сбегутся сюда звери, застолье с вас начнут!

— Ты, Тихий! Давай патроны! Ты не стрелял, я же видел! Вы тоже видели, а, мужики? Не стрелял! Вытаскивай уже, наличка будет!

— Тихий, это правда?

— Тихий! Вот же нахал!

Не знаю, чего они докопались до этого Тихого. Он отнекивался, да без толку. Подельники разозлились — закричали, стали ругаться, Мальчик снова заткнул уши, чтобы не слышать оскорблений, от которых эти самые уши вяли. Самому захотелось крикнуть. Может, и крикнул, да те не услышали, потому что одновременно раздался выстрел, двойной, близко, а за ним рёв. Кто-то упал на дорогу, в кислотную лужу, закрытое противогазом лицо оказалось рядом с Мальчиком.

— Лежи, лежи, — сказал кто-то из стоящих. — Не загнёшься от дождей, радиоеды найдут.

Тот, кому прострелили оба колена, смотрел на Мальчика. Пробормотал:

— ... за что?

— Во имя принципов. Принцип первый: разделяй и властвуй. Принцип второй: старшие нападают на младших. Вот правда о послевоенном мире. И о довоенном, впрочем, тоже.

И они ушли, посмеиваясь, потому что это были злые сталкеры. Брошенная жертва некоторое время лежала без движения. Затем этот Тихий посмотрел на колени. Он попробовал подняться. Застонал, выругался, упал на спину, а ядовитые капли текли по запотевшим окулярам. Мальчик высунул нос из-под машины. Но не стал приближаться к незнакомцу. Тот уставился на него. Через минуту, наконец, произнёс:

— Я тебя не помню.

— Потому что мы не встречались, — сказал ему Мальчик.

— Э? Значит, ты не предсмертный глюк? Не от боли и этого дерьма, что вдыхаю?

— Нет-нет.

— ...ага. Конечно. И маски нет, и бегаешь голый по центру.

— Я сбежал, — сказал Мальчик взволнованно.

— Ну, да. Все бежим.

Молчание было неловким. И, к счастью-несчастью, коротким. Послышался вой. Визг охотников, что напали на след дичи, и, будьте уверены, они удачно поохотились. Сталкер по прозвищу Тихий затрясся и перед лицом опасности и отсутствия других вариантов выбрал доверие.

— Как тебя зовут, мальчик? — спросил он, поднимаясь на локтях.

Для Мальчика такой вопрос был в новинку.

— Как вам удобнее, — ответил он.

С выбором пришлось повременить. Возвращалась стая Вожака, с визгом и скулежом, а её приход ознаменовал гром барабанов. Молния на миг разорвала завесу дождя, осветила улицы. Из подъездов домов и подворотен выскочили орды чудовищ. Облезлые коты-молоты с толстокожими мордами. Шипящие дворняги, больше похожие на обтянутые кожей скелеты. Крысолаки и пауки. Разношёрстная компания обступила своего Вожака, повелителя зверей и наизлейшее исчадие нового мира.

— Помоги, — прошептал Тихий.

Мальчик не заставил себя ждать и помог.

* * *

— Знаю, — выдохнул Тихий, когда они забаррикадировались в банковском зале. — Я знаю, как тебя назвать. Друг.

— Ну?

— Я только что сказал. Друг.

— Я не знаю, что это значит.

— ...когда-то, до Пожара: вроде и много, и мало. Здесь, сейчас: всё.

* * *

Встреча Мальчика, наречённого Другом, и Тихого, бывшего сталкера, ознаменовала первый день одиссеи Демиурга.

Они выжили в тот день. И в последующие. Своё прозвище Тихий заслужил: он спрашивал мало; редко, но метко. Мальчик отвечал без стеснения и сам заваливал спутника вопросами. Из взаимных расспросов составили картину своего прошлого, отвергнутого безвозвратно. Но Тихий становился Тихим, когда Мальчик касался темы лохматой шайки предателей и общих судеб. Он говорил, что это неважно, что было, то прошло, ну ополчились, ну завидовали — сердитые завистливые люди. А Мальчик рассказывал о родном убежище и его хозяине. О ежедневном ритуале именованья. Робко спросил, умеют ли другие дети говорить. Тихий ответил, что да. «Не говорили с тобой, — убеждал он, — потому что они такие же, как их родители. А они — как сталкерский отряд. Каждый завидует, злится, ревнует. Даже на слова другому человеку скупятся. Злые, злые, злые». Мальчик повторял за ним: «злые, злые, злые». Он всё больше утверждался в этой вере. Так вначале думал — что это вера. Но, путешествуя с Тихим по районам каннибалов, избегая постов и патрулей, военных и бандитов, да и вообще людей — почти всегда людей, — со временем понял, что нет никакой «веры» во зло. Потому как оно было довольно ощутимым. Нет смысла верить. Он знал и видел.

Мальчик рос во время путешествия, и набирался житейских знаний. Учился. Тихий говорил о почти забытом мире до Пожара. Он описал общество, в котором довелось ему жить. Небольшое, поделённое на фракции и подфракции, грызшиеся меж собой.

— А у вас были, — осмелился спросить Мальчик, — такие, как я? Мут...

— Были, — ответил негромко Тихий. — Были. Потом перестали.

Неловкое молчание зависло в воздухе.

— Снова будут, — добавил тогда Тихий. — Мы позаботимся об этом.

* * *

...о помощниках, пепельниках, вспоминать не надо. Ведь вы, дети, от них ушли. Выросли вы у бандитов в неволе, Демиург же освободил вас.

...что сказать? Что красиво просите? Ну, хорошо, хорошо. Скажу. Потому что я уже не Мальчик, но ещё не Демиург. Он посетил край ваших предков, когда вы были слишком молоды, чтобы запомнить Его.

Это случилось в конце зимы.

Мальчик и Тихий за короткие дни и круглосуточные сумерки на границе пригородов, строили укреплённые добротные убежища. Проводили время в библиотеке. Мальчик, наученный искусству чтения, в скуку, частую болезнь среди бездомных, не впал. Следил за судьбой прежнего мира, неведомого для него. Иного и всё-таки узнаваемого. На фотографиях тот мир казался совсем другим. И на цветных, и на чёрно-

белых. Мальчик сравнивал картинки с тем, что ему рассказывали. Во время чтения он пользовался книгами, которые Тихий называл учебниками. Из них Мальчик понял, что — и тогда, и сейчас, когда бы то ни было, где присутствует человек, происходило, происходит и будет происходить одно и то же.

Во время долгих, вялых вечеров, когда затихал район (вопреки расхожему мнению, каждый день оживляли завывания ветра, подземные сквозняки, эхо шагов, игра света и тени), Мальчик тренировал Силу. Методом многих проб и многих ошибок. Сила, Сила — у вас её пока нет, юные адепты, но вы уже чувствуете её запах и видите её сияние; скоро, обученные и одарённые сокровищем Демиурга, вы пересечёте порог и ступите на финишную прямую.

...но вернусь к пепельникам и концу памятной зимы.

Отвергнутые, изгнанные, презираемые. Таковы были пепельники. Бездельники, как говорили люди, что погрязли в отвержении, гонении и презрении. Мальчик и Тихий попали к ним случайно. Отправились к одному из узлов Силы (Тихий, конечно, остался на улице; Мальчик вошёл в источник без страха). В тот день Мальчик обуздал Свет. Да. Тот же, что дарован и вам. Ему суждено было дойти до Света в одиночку, без проводника, через извилистые пути невежества.

Когда они возвращались вдвоём в убежище, на них напали... Кто, как не злые?.. Устроили облаву. Оголодали после долгой засухи и готовы были наброситься и на человечину. Наплевав на скрытность, они стали рабами могущественного правителя, имя которому — голод. Голод подгонял и направлял их. Голод заставлял преследовать, бить, топтать, есть, есть, есть.

Шли с добычей. Выкуривали ненавистных пепельников из логов, уводили целые семьи, не пропускали никого. Мальчик и Тихий встретили работорговцев, когда их вели колонной заключённых. Некоторых пленников обирали; бесстопые хромали, беспальные дрожали, безрукие криво шатались.

Были и дети — вы. Или ваши будущие родители.

Над караваном кружили тощие дырогрифы и гловуби с округлыми башками. Ловцы остановили шествие.

— Эй, вы! — крикнули. — Стоять!

— Туда, — посоветовал Тихий. — Сбежим в наш район. Там, где огни Силы... Засядем и...

— Нет, — решил тогда Мальчик. — Пора, пусть Сила идёт с нами, а не мы к ней.

Тихий, хотя и отрицал, когда его прямо спрашивали, не верил. Усомнился и кто знает, не струсь он и не сбеги, не сомкнулся бы круг врага. Поэтому, волей-неволей, он положился на Друга. А тот доказал, что словами не разбрасывается, как его спутник, и не бросает их на ветер. В своей милости и благоразумии он подарил недостойным последний шанс.

— Освободите этих бедняг! — потребовал Друг. Над ним посмеялись.

— Только, — ответил один, — на ужин!

— Куда их везут?

— Пойдёшь с нами, парень, увидишь. Там тебе будет лучше, чем здесь, на границе.

Тихий предупредил взглядом. Но Мальчик уже вырос и хорошо усвоил науку.

«Злодеи», — подумал он, призвав Силу. Он черпал её из воздуха, из седой земли, из живописно раскинутых остовов машин. Холодную хмарь разогнал дневной свет. Пленные падали на колени. Ловцы кляли юношу, нестройно снимая оружие с предохранителя. Направляли на свет. Хотели убить. Злодеи!

На зов Мальчика из-под изборождённого грунта вырвалось пламя. Ярко-алый его язык лизнул злого работорговца: вспыхнула кожа, вскипел жир. По желанию Мальчика огонь стал ярче. Иглы золотистых искр устремились в тёмные, злые глазёнки жестоких угнетателей. По сигналу Мальчика с неба упала живая туча, где копошились когти и клювы. Гловуби яростно клевали. Бах, бах, бах — раскалывались черепушки. Люди кричали. Зажужжало, загудело, птицы-кровопийцы набросились на дурную кровь. Люди падали. Тощевраны, хлопая кожистыми крыльями, с громким карканьем призывали собратьев. И начался пир костлявых стервятников. Жадные ловцы не стали дожидаться, пока присоединятся к столу в качестве новых блюд.

Мальчик ещё долго стоял посреди поломанных костей и кровавых ошметков. Тихий выпустил пленных, а те смотрели то на немногочисленные остатки работорговцев, то на своего спасителя. Хоть не падали ниц.

Привлечённый шумом и запахом смерти, из Переулка вынырнул Вожак. За ним следовали верные телохранители, из чьих пастей стекала слюна. Рёбра выпирали, а худющие лапы свидетельствовали о том, что и на них зима поставила своё клеймо.

Только когда ум животного почуял скрытую в Мальчике силу, когда понял этот самопровозглашённый король зверей, что у него возник соперник, ушёл вместе со стаей, проявив уважение, а уставшие, грустные глаза пепельников узрели, кто находился под плащом оборванца и прикидывался подобным им изгоем.

* * *

...пригласили к себе, конечно. Оказали скромное гостеприимство, но, так или иначе, гостеприимство. В негостеприимном мире не стоит отвергать подобные предложения. Они делились с Мальчиком и Тихим своим скарбом. Ничего не жалели. И я тоже там был, уминал похлёбку, дождевую воду пил.

...и увидел Мальчик, как живут они, и надолго предался молчанию. Стал тише, чем Тихий. Поглядывал украдкой на потомство пепельных... Вас, вас. Тогда ещё много было младенцев, только из утробы вышедших. Маленькие такие, я бы сказал: забавные, но мало было в них забавного. Ибо помнили ваши родители, что случился великий Пожар. Не одобряли различия и преимущества... не одобряли — что значит?

Отречение. Стыд. Изгнание. Бессмысленное. Они не были плохими людьми, плохими, как остальные; плохими, как злой Отец, ловцы, сталкеры, бандиты. Они были тусклыми. От них, однако, Мальчик узнал о Великом Западном Свете. Но это уже совсем другая история, и я рассказывал её много раз...

* * *

...правильно догадываетесь. Возьму и повторю.

Отправился Мальчик вместе с Тихим на запад. Через пригороды, выжженные земли, цепь сыпучих гор и рощи голых почерневших пней, что когда-то были стволами. Шли к восходу. Нельзя его пропустить. Он разливался по всему горизонту. Выше городских небоскрёбов. И медленно пульсировал.

...посмотрите на небо, дети. Поднимите глазки. Мигает, да.

После утомительной прогулки Тихий и Мальчик прибыли сюда, на край пустыни. Тихий не пошёл дальше. Он чуял Силу. Мальчик тоже чуял и поступил наоборот, двинулся вперёд, в объятия света, чтобы отыскать его источник.

...вернулся через четыре дня и четыре ночи, столь же яркие, как и дни. Тихий был вне себя от радости. А Мальчик, совершенно отвергший это имя, сказал:

— Покорил её.

— Кого? — спросил Тихий.

— Раньше, — ответил молодой Демииург, — натыкались на её лужи. Там, там оазис Силы. И скважина. Я отпил из неё.

— Теперь, — глаза Тихого вспыхнули холодными огоньками, — мы... теперь мы можем вернуться и исполнить, осущес...

— Вернуться... Да. Ради мести?.. Нет. Я поделюсь сокровищами с другими. Мы приведём их к водопою. Пусть им будет дано то же, что и мне.

Это было благородно, несмотря на недостатки, преследовавшие его с рождения.

* * *

Он вернулся за теми, кто лелеял надежду. Они заслужили взять Силу в свои руки. Вывел из унижения к Кратеру, в Чистилище. Старейшины отказались добровольно. Не пошли; печальное существование, трагическая их судьба быть одной ногой в старом мире, второй же на пороге нового. Есть о чём рассказать, не правда ли? Ведь вы помните, хотя прошли годы. По крайней мере, кое-что; не блёкнут воспоминания о первом походе, первом исходе из знакомых мест. Шок, который несёт в себе открытие, что за холмом не заканчивается мир, а поджидает новый холм, и тянутся они далеко-далеко — это открытие совершается один раз в жизни. И в отличие от других одноразовых открытий, рождения и смерти, этот шок навсегда врезается в память...

...не обращайтесь внимания, не допытывайтесь. Глупости это. Я снова растёкся мыслью по дереву. Простите человека, что, как пепельники, был отвержен, и даже умею летать, не преодолел бы пути, не прыгнул бы в ту пропасть...

* * *

Демииург нашёл источник, привёл к нему свой народ. Не увидел, однако, добра, что он проповедовал.

Оставив кандидатов на краю пустыни, чтобы те привыкли к сиянию, ступил меж застойных песков. Тихий, соответствующим образом снаряжённый и защищённый, последовал за ним. До самого «колодца».

В сущности, это и был колодец. Столь же широкий, как и глубокий. «Тик, тик», — заверещал предупреждающе датчик Силы. Тихий не спускался со склона. Демииург улыбнулся ему, обнажив несколько зубов.

— Я ухожу, — объявил он. — Я должен.

— Друг! — позвал Тихий, чрезвычайно громко, потому что выплеснул долго подавляемые эмоции. — Не делай этого! Кто им путь укажет, кто...

— Не нужно советов. Береги их. Расскажи им о Силе. Обо мне.

— А что с плохими людьми? Что с...

— Неважно, что они плохие. Эти дети станут новыми людьми. Хорошими.

— Неважно?! Как это неважно, если обеща...

— Прощай, друг.

— Нет, подожди, подожди!..

Демииург спускался уже по склону, в сторону эпицентра. А когда остановился на дне колодца, посмотрел на Тихого, скованного бессилием, — Демииург отдал себя Силе. Чтобы подкрепить её, разжечь её пламя. И навсегда пропасть.

* * *

Говорили завистники, враги Демииурга, что убил его Тихий. Бросались обвинениями. А подойти трусили, только слухи распускали. Что Тихий, кому нет пути назад, мол, задумал найти нового Демииурга среди детей с откло... с даром. «Ложь», кричите? Да. Да. Но я повторяю её, чтоб вы были готовы. К обвинениям и лжи. Ведь Тихий не обидел бы Мальчика. Он не предавал Друга. Не верьте. Не делал... Не делал этого. Он восхищался Демииургом во всех проявлениях. Помогал, а он в ответ. У них была цель.

Однако ошибался Демииург. Не его это вина, что сердце его склонно к прощению. Ибо «неважные» плохие люди, хотя и далёкие, прознали о здешней обители. А обитель не будет обителью, пока не искоренит зло.

Помните, помните Мальчика. Он привёл молодое поколение, поколение, не до конца испорченное Пожаром, к тому оазису. Мимо стеклянных дюн, вглубь пустыни.

Но вам уже пора ложиться. Я этого недостоин. Я не играю с Силой. Я могу только советовать и заботиться. И ждать, пока избранные из вас получают власть Демииурга и пойдут по его стопам. К плохим, злым людям. Не подведите меня, вашего друга. Тихого товарища Друга.

* * *

...лучезарно выглядите, лапочки. Или я это уже говорил?.. Не важно, повторю. Не повредит.

И даже печаль истории не затмевает вашего сияния. Внутреннего, горящего благодарностью и восхищением в сердце. Не внешнего. Освещённого знаниями и сокровищами Демииурга, день за днём, светлой ночью за ночью, в конце концов, учитесь вы по его образу и подобию. И вновь заселите всю землю.

Вытрите слёзы, детки. Улыбнитесь беззубо. Не трогайте незаживших ран. Это не болезнь. Это догорает ваша слабость. Это символы развития. Ваше поколение вершит будущее. Вы будете править народом, ибо не ведомо ему сокровище Демииурга. И однажды явитесь к тем варварам, тем недоумкам, что прогнали Мальчика, поведаете им правду и потребуете расплаты. Предрекаю вам светлое будущее. Светлое и сияющее, как ваши тела.

Поэтому вы живёте тут, в центре стеклянной равнины, в Чистилище, в кратере обетованном, на нулевом уровне. Тут, где на могиле Демииурга тиканье счётчика Гейгера отсчитывает мгновения до вашего спасения. Таков мой совет; ваше спасение будет радостным и радикальным. Радоновым и радиоактивным.

Разожгите пламя души. Вбери́те мощь Сокровища, что упало когда-то с неба и яркими вспышками залило эту местность атомной Силой.

Спите сном праведника, дети эпицентра. Пусть атом уложит вас и закалит.

Спокойной ночи.

ПАВЕЛ НАСКРЕНТ
ЧЕТВЁРТЫЙ ТУННЕЛЬ

Он снова перепроверил расчёты. Вроде всё правильно. Неужели ему удалось после стольких лет, наконец, вычислить точные параметры? Неужто у остатков человечества, запертых в тёмных, сырых туннелях и станциях московского метро, появился шанс всё изменить? Может, недавние господа Земли, отброшенные на несколько позиций в пищевой цепи и засунутые в подземные коридоры, всё-таки получают второй шанс? И смогут ли они им воспользоваться?

Мужчина потёр рукой синие от татуировок виски. Потянулся на стуле, задев рукой кружку, где несколько часов назад заварил себе крепкий настой из грибов. Этот «чай» родом с ВДНХ заменил ему любимый кофе.

Керосин в лампе заканчивался, и в палатке стало настолько темно, что уже с трудом можно было разобрать выдавленные на корешках названия книг и имена авторов. Альберт Эйнштейн, Брайан Грин, Хью Эверетт III, Мичио Каку... Великолепная коллекция!

Многие смельчаки отдали жизни, чтобы вынести эти книги из Великой Библиотеки и чтобы он, Джабраил Базиев, смог сделать свое поразительное открытие.

Теперь оставалось самое простое — доложить о нём Совету Полиса.

Джабраил собрал со стола все заметки, выглянул из палатки. Тишина. Приглушённый свет на Боровицкой. Ночь. Все, кроме часовых, спят. Никто не станет разговаривать с ним в такое в такое время.

— Станут! — Базиев решительно вышел из палатки. — Никуда не денутся. Станут!

Гордый своим открытием, окрылённый успехом, брамин двигался быстро, не глядя по сторонам. Он предвкушал триумф и напрочь забыл об осторожности.

Услышав позади хлопок, почувствовал сильный толчок в спину. Попробовал обернуться. Не смог. Попытался добраться до ближайшей колонны, чтобы на неё опереться, но упал. Почувствовал, как чьи-то сильные руки вырывают у него записки. А потом увидел у самого лица раскачивающийся ствол пистолета с глушителем. Хлоп! Прежде чем умереть, Джабраил вспомнил, как всё это называется. Контрольный выстрел...

* * *

Володя Волков стоял уже четверть часа в тёмном туннеле между Фрунзенской и Парком Культуры, вздрагивая от каждого шороха.

Несмотря на двадцать лет, проведённых в туннелях, он так и не смог до конца привыкнуть к новому месту. Поначалу, когда людей в метро было гораздо больше, не всем хватало места на станциях. Часть жила в туннелях. Отрезанные от света и открытого пространства, сходили с ума, видели призраков и слышали странные звуки. Для большинства тьма была пыткой. Именно с того времени появилось большинство легенд о паранормальных явлениях в подземке.

Волков различил шаги, которые становились всё громче и громче. Явно стук нескольких пар военных ботинок. Вспыхнул и быстро погас фонарь. И так три раза. Условный знак. Вова ответил своим фонарём. Он нервничал, поскольку раньше они никогда не встречались. До сих пор общались с помощью писем. Волков оставлял в условленных местах короткие записки, принимал оплату и новые инструкции. О чём писал? Ему казалось, что ни о чём особенном. Просто перечислял слухи, циркулирующие

среди жителей и знакомых сотрудников различных служб, с кем общался по работе, описывал состояние инфраструктуры...

Никакими особенными сведениями член ремонтной бригады похвастать не мог. Он разъезжал по туннелям Красной Линии для ремонта неисправных фильтров, насосов и трансформаторов. Никаких особых привилегий, если не считать относительной свободы перемещения.

В ходе войны с Ганзой власти ввели внутренние паспорта, и без пропуска нельзя было уйти со станции. После завершения боевых действий всё осталось по-прежнему, — видимо, в качестве превентивной меры против шпионов и контрабандистов. Семьи партийных имели, конечно, привилегии в этом отношении. Избранные могли даже свободно передвигаться по всему метро благодаря дипломатическим паспортам. Несколько раз бригада Волкова подвозила странствующего музыканта с таким пропуском. В обмен на проезд он улаживал слух попутчиков игрой на флейте. Откуда у него такой документ, не признался...

Из темноты выступил незнакомец в защитном респираторе, в костюме химзащиты. В таком, наверное, радиация не страшна.

— Здравствуйте, Владимир Ярославович! Прежде всего, хочу поблагодарить вас от имени организации за наше плодотворное сотрудничество. Дело очень срочное, а времени мало, и поэтому решил встретиться с вами лично. У нас есть сведения, что завтра ваша ремонтная бригада уезжает на Партизанскую. Ваша задача — присоединиться к ней и выслушать подробный отчёт об этой поездке. Оплата будет двойной.

Володя кивнул.

— Сделаем.

Незнакомец кивнул в ответ, повернулся и быстрым шагом двинулся в сторону Кольцевой линии.

По дороге к Фрунзенской Волков задумался. Он брякнул «сделаем», не оценив сложности поставленной задачи. На Партизанской обосновались троцкисты, которые считали всех жителей Красной Линии предателями, отказавшимися от идеи всестанционной революции и перешедшими на примиренческие позиции. Ходили, однако, слухи, что товарищ Москвин тайно поддерживает их.

Володя не понимал тонкостей политики и жалел только о том, что не попросил тройной оплаты. Он не был идеалистом. Не верил в эту ерунду о классовой борьбе. Перестал верить во всё, кроме денег, после того, как остался один.

Двадцать лет назад, когда всё началось, а вернее, кончилось, когда завывали сирены и состав, на котором он ехал, остановился на Красносельской, где, как полагается, сошёл с поезда, да и остался там. Не смог подобраться ближе к дому. Дому, где, уходя на работу, оставил жену и полугодовалую дочь. Владимир лишь надеялся, что последнее, что им довелось увидеть, была вспышка, и они не страдали.

Долгое время его мучили кошмары. Снилось жена, засыпанная обломками на улице с текущими из глаз кровавыми слезами. В руках она держала скулящий свёрток. Протягивала его мужу, крича: «Спаси дочку!» и... рассыпалась в пепел.

Постепенно воспоминания притупились, а сны стали не такими яркими и пугающими. Волков начал свыкаться с новой жизнью. Выпивал, хотя вкус местного самогона на дух не переносил. А однажды, под большой стакан, сыграл в кости и пристрастился к ним. Жажда утопить ощущение безысходности в азарте сыграла с ним злую шутку.

Вова, наконец, доигрался. Во время какого-то выезда продул на Китай-городе серьёзную сумму. Пришлось занять. Проценты росли, а долг надо было отдавать. Кредиторы нашли его даже в Полисе. Тогда к нему подошла элегантно одетая, очень красивая женщина и предложила простую сделку: несколько десятков патронов за краткую записку о состоянии железнодорожных путей на Красной Линии. Предложение было заманчивым, он согласился, и пошло-поехало...

Когда Волков вернулся на Фрунзенскую, ремонтная бригада уже собиралась в обратный путь. Ребята паковали ящики, укладывали инструменты и запасные части на ручную дрезину — автомотрисы закреплены за воинскими подразделениями.

— Ты где шляешься?! — крикнул ему начальник, товарищ Ковпак. — Шевели поршнями, помоги ребятам с погрузкой! Уезжать пора!

На Охотный ряд приехали через час. Разгрузили спешно дрезину, подписали накладные и пошли отдыхать. Володя отказался отпраздновать конец смены за стаканчиком или двумя самогонки вместе с коллегами. Вместо этого подождал немного и подошёл к толстому, вечно потному Ковпаку.

— Товарищ начальник...

— Тамбовский волк тебе товарищ! Не видишь, я занят?

— Я по поводу завтрашнего отъезда на Партизанскую.

— А откуда ты, чёрт возьми, знаешь об этом?! — подозрительно нахмурился Ковпак. — В графике об этом ни слова!

— Так ребята говорят, — нашёлся Владимир. — У меня там друг, ещё со времен комсомола...

— Болтуны! Вот только узнаю, у кого словесное недержание, мокрого места от него не оставлю! — прорычал Ковпак.

Володя почувствовал, что выполнить задание становится всё труднее.

— Лады. Может, и доведётся тебе свидеться с дружкой, — добавил начальник после минутного раздумья. — Мишка опять попёрся за выпивкой и, скорее всего, завтра будет не в том состоянии, чтобы куда-то ехать. Заменишь его, но предупреждаю: работы много — трансформатор установить надо...

Проснувшись утром, Володя выполнил ежедневный ритуал: умыл лицо и шею водой из миски, взял химзу и куртку, в карман сунул спрятал шапку-ушанку и пошёл завтракать в станционной столовой.

Первым Волкова приветствовал Яков Серебрянский. Для коллег просто Яша. Вечно улыбающийся и растрёпанный, подросток ещё, он работал с ними только неделю, но уже был душой компании, а над его шутками смеялись все.

— Садись с нами, — пригласил Яша. — Я слышал, ты едешь на Партизанскую вместо Мишки-алкаша. Классно! Только такой крепкий мужик, как ты, сможет поднять этот трансформатор. С тем задохликом, которого тошнит по три дня после стакана самогона, много не наработаешь!

Володя уходил последним, так и не доев миску бурды, которую громко называли овсянкой. Взгляд его упал на то место, где сидел Серебрянский. На столе была вырезана надпись: «Партия борется с народом за лучшее завтра!». Ох, Яша, дошутишься когда-нибудь...

— Поедем через Лубянку, — объявил Ковпак. — Заберём там дополнительный груз.

Настроение Володи после этих слов резко ухудшилось: дрезина загружена под завязку, а он первый должен стоять на рычаге вместе с Иваном, ужасно худым стариком, не умевшим дня прожить без новой метрострашилки.

— А вы слышали историю об Арбатско-Покровской линии? — начал Иван сразу после того, как дрезина покатила по рельсам. — Мне рассказал об этом мой знакомый, Александр, ещё до войны. Это было около сорока лет назад. Так вот, Александр возвращался на метро домой. Поезд выехал из туннеля и оказался на мосту, пролегающему через парк. Светило солнце. Вдруг за окнами стемнело, и вагон затрясло. Пассажиры испугались, но через минуту снова увидели солнце. Однако картина за окном разительно изменилась. Парк перестал быть парком, там шёл бой. Взрывались снаряды. Гремели выстрелы. Вдоль поезда металась солдаты в форме времён Гражданской войны. Александр подумал, что умирает и бредит. Решил, что поезд сошёл с рельсов. Но другие пассажиры видели то же самое — все они бросились к окнам.

Поезд остановился, двери открылись, и какой-то мужчина, мирно до этого дремавший, вдруг вскочил, выскочил из вагона, и через мгновение исчез, словно растворился в воздухе. В динамиках раздалось: «Следующая станция — Первомайская», а затем в вагон заскочил конь без всадника. Поезд тронулся, но двери не могли закрыться. Животное было в ужасе. Ржало и стучало копытами, успокоилось только тогда, когда поезд въехал в туннель...

— Хватит трепаться, Крылов. Мы же не дети, чтоб верить в такую ахинею! — буркнул Ковпак.

— Это не ахинея, товарищ начальник, а чистая правда, — обиженно возразил старик. — Всё дело в параллельном измерении...

Доехали до Лубянки. Остановились у платформы и с кислыми минами ждали приёма дополнительного груза. Станция унаследовала своё назначение от находящейся над ней бывшей штаб-квартиры ФСБ, а ранее КГБ и НКВД, поэтому и была запружена сотрудниками спецслужб всех уровней и обычными шпионами.

Вспомнив о шпионах, Волков похолодел. Здешний суд был к ним беспощаден. Смертную казнь отменили какое-то время назад, так что высшей и наиболее распространённой мерой стало пожизненное назначение в уголовную роту сталкеров-штрафников, забрасываемых в самые горячие точки на поверхности. Конечно, без должной защиты, не говоря уж об оружии. Смертность, само собой, была стопроцентная. Если осужденного не убивала мутировавшая флора или фауна, то в скором времени он загибался от лучевой. Сбежать наверх — не лучшая затея, ибо куда дальше?

К дрезине подошла женщина в форме чекиста, с погонами майора.

— Здравствуйте, товарищ Ковпак! Я Зоя Космодемьянская. Поеду с вами на Партизанскую.

Все четверо пассажиров дрезины потеряли дар речи. Такого «дополнительного груза» они явно не ожидали.

— Конечно, товарищ Зоя! Добро пожаловать на борт, — Ковпак попытался помочь даме подняться, но она, не обращая внимания на его жест, сама ловко запрыгнула в кузов дрезины.

— Волков! Крылов! На вёсла! — раздосадованный начальник поморщился. — Сколько еще прохлаждаться будете?

Остальная часть поездки прошла в полной тишине. Никто не сказал ни слова, потому что каждое неудачное высказывание в присутствии офицера могло иметь плачевные последствия. Володя мог поклясться, что его друзья перестали даже думать, чтобы не согрешить мыслью против народной власти.

Майор была молода и довольно привлекательна. Трудно было поверить, что такой ангел мог быть членом самой страшной организации во всём метро. У Володи от вида

Космодемьянской подскочило давление, и он так засмотрелся, что даже не заметил, как Яша сменил Ивана с другой стороны рычага.

В какой-то момент взгляды Зои и Волкова встретились. Володя быстро опустил глаза. Неужели она заметила, что он смотрит на неё, как школьник? А если дамочка, не приведи Господи, прибыла с Улицы Подбельского?

Володя слышал, что на Улице Подбельского жили только женщины. И называли они себя феминистками. Они презирали мужчин, считая, впрочем, вполне обоснованно, что это мужская агрессия и стремление к доминированию привели к ядерной катастрофе.

На одном из обязательных политических собраний тамошний политрук якобы заявила, что, в соответствии с марксистско-ленинским учением, патриархальная система — пережиток далёкого прошлого. Мол, мы выступаем за возвращение к исходному состоянию матриархата. Мужчины же с Красной Линии утверждали, что у себя на станции феминистки ходят топлес...

Оставшуюся часть пути преодолели без происшествий. Безотказно работал специальный пропуск. Он действовал как на Красной Линии, так и на недавно открытой после карантина, вызванного эпидемией чумы на Курской, территории Бауманского альянса.

Чтобы попасть на Партизанскую, миновали целую кучу блокпостов. Володя насчитал, по крайней мере, пять.

Ремонтники остановились перед последним постом. Начали разгрузку. Майор Космодемьянская куда-то ушла, а её спутники занялись своими генераторами-трансформаторами.

Разной электрической хрени было здесь столько, что она закрывала барельефы. Вся станция выглядела как один большой генератор.

Прибор, привезённый группой Волкова, был больше всех, размером со шкаф. К месту установки везти его пришлось на специальной тележке.

Когда всё подключили, присели между двумя статуями, вытащили сухпаёк.

— Я понимаю, электрификация линий и всё такое, но то, что здесь происходит, наверное, уже перебор, — заметил Иван.

— Лучше оставь такие замечания при себе, потому что, как говорят: «У стен есть уши», — предостерёг Яша.

— Интересно, куда эти провода ведут... На поверхность или в какие-то боковые туннели? — Володя встал. — Зад болит от сидения на бетоне. Пойду-ка пройдуся.

— Вернись! Нам ведь нельзя! — попытался остановить его Серебрянский.

— Ерунда. Я быстро.

Двигаясь вдоль кабеля, как по нити Ариадны, Волков не мог сбиться с дороги. Метрах в ста от платформы он заметил большой железный обруч. Слабый свет фонарика не мог охватить его целиком. Круг занимал всё пространство между стенами, полом и потолком. К нему-то и вели все провода.

Это было последним, что увидел Володя. Потом был удар по голове и темнота.

* * *

Последние приготовления. Всё уже подключено. Дизельные агрегаты гудели, сотрясая и нагревая воздух. Ощущался сладковатый запах выхлопных газов. Вокруг стояла толпа военных, вперемишку с людьми в белых халатах.

— Где там Попов? — нетерпеливо спросил генерал Чеслав Корбут. — Когда можем начать?

— Я здесь, товарищ генерал! Всё готово! Через пять минут мы входим в фазу солнцестояния, и можно будет включить усилитель поля, — ответил низенький учёный, очки которого напоминали крышки от бутылок, едва держащиеся в оправе, подклеенной в нескольких местах изолентой.

— Майор Морозов, начать операцию! — приказал генерал.

— Все по местам! Через пять минут начинаем! — раздался голос майора, усиленный сводами туннеля. — Отряду ЗВ-1 подготовиться к выходу!

Генераторы увеличили обороты. Светодиоды, расположенные на большом ободе, замигали красным, после чего один за другим, начиная с первого часа и по часовой стрелке, поменяли цвет на зелёный. При каждом скачке кольца усиливалась вибрация.

Вдруг загрохотали винтовочные выстрелы. Им ответили автоматы. Туннель моментально заволочло пороховыми газами. Огрызнулись автоматы, а потом взорвалось сразу несколько гранат.

Нападавшие исчезли так же быстро, как и появились, оставив ошеломленного генерала рядом с искореженными остатками самого большого генератора.

— Это шпионы! Диверсанты! — вопил Корбут, вытирая платком рассечённый осколком лоб. — Всех перестреляю, сволочи!

* * *

Кто-то брызнул Володе водой в лицо. Тот открыл глаза и увидел перед собой выплывшее из тумана лицо Яшки.

— Наконец-то проснулась наша спящая красавица, — съехидничал парень, ставя на стол пустой граненый стакан. — Дел за гланды, а ты всё отдыхаешь.

Первым, что понял Володя, когда окончательно пришёл в себя, было то, что руки его связаны за спиной и закреплены за спинкой стула. В голове пульсировала неприятная боль. А Яшка выглядел как-то странно. Волосы у него были зализаны, а поношенную химзу сменил на сшитый по мерке мундир, похожий на тот, что носила майор Космодемьянская. Левая его рука была забинтована.

— Яша, что случилось?

— Был Яша, да весь вышел! — Майор Павел Морозов, к вашим услугам! Запрещённых прогулок по туннелям захотелось? Диверсию, твари, организовали?! Саботировать хотели самый большой научно-исследовательский проект всех времён и народов! Родной Красной Линии, в благодарность за заботу, еду и мытьё рук?! Говори, сука, на кого работаешь!

Морозов врезал пленнику кулаком в челюсть.

— Ты ж меня знаешь, знаешь, что я свой, — вяло оправдывался Володя. — Спроси Ковпака или Крылова.

— Об этом, товарищ, не волнуйтесь. Кому положено уже задаёт им нужные вопросы. Конечно, вы в сговоре. А если ты свой, то почему не сообщил соответствующим службам о контрреволюционной клевете, вырезанной на столе в столовой?

— Значит, ты с самого начала был провокатором?!

Володя сплюнул кровью на пол. Понял всю безнадёжность своего положения. Но решил, что не будет просить о пощаде. Всё ж чувствовал себя виноватым. Из-за его тёмных делишек в беду попали два товарища. Возможно, их уже нет в живых...

— Таких, как вы, ребята, всегда нужно держать на карандаше, — задумчиво и уже успокоившись, продолжал майор. — Особенно в такие исторические моменты. Охотнее всего я бы вас оставил в одних трусах на поверхности в километре от Метро. К сожалению, в отношении вас у нас другие планы, но я предоставлю тебе и твоим подельникам шанс возместить ущерб, нанесённый Красной Линии. Будете реализовывать запасной вариант.

Володя поднял голову.

— Они живы?!

— Живы. Пока. Готов, падла, к труду и обороне?

Владимира развязали, заковали в наручники и вывели в коридор. Там он увидел Ковпака и Крылова. Оба были прикованы друг к другу, а их лица носили следы бесед со следователями. Они молчали и поглядывала на Володю не особо дружелюбно.

Охранники повели пленников по туннелю. Вскоре они оказались на какой-то станции. Судя по количеству деловито снующих людей в форме, это опять была Лубянка.

На путях громоздилась большая, сплошь отделанная свинцовыми плитками дрезина. Для наблюдения и ведения огня конструкторы оставили длинные и узкие щели, закрываемые изнутри на задвижки. Судя по всему, чудо-машина служила для проезда по радиоактивной части метро.

— Серия восемьдесят один! — с восторгом воскликнул Иван. — «Русич»...

— Заткнись! — рявкнул охранник. — Быстро внутрь!

Взорам пленников открылся салон вагона, откуда вынесли все сиденья. Разместиться пришлось на полу. Дверь с лязгом захлопнулась, и «бронепоезд» тронулся.

Володя решил, что настало подходящее время для того, чтоб извиниться перед товарищами.

— Ребята... Я один во всём виноват... Если бы не попёрся в тот туннель...

— Ерунда, проехали, — вздохнул Иван. — Я уже старый. А так, по крайней мере, смерть будет интересной. Жаль только, некому будет рассказать...

— Спокойно, без паники, — добавил Ковпак. — Сразу не расстреляли, значит, мы им на какой-то хрен ещё сдались. Если бы я знал про Яшку-provокатора, сам бы тебе тогда врезал, и не сидели б сейчас в наручниках...

Дверь открылась, и вошёл один из конвоиров, в сопровождении низкорослого, лысого очкарика.

— Одевайтесь! Почти на месте! — конвоир швырнул на пол увесистый рюкзак. — У профессора ключи от наручников.

В рюкзаке оказались латаные-перелатанные костюмы химзащиты и выдавшие виды противогазы.

— Мы попали в отряд сталкеров-смертников! — обрадовался Иван. — Ну, хоть снова увижу небо перед смертью!

— Неба вам не видать, — сказал тот, кого конвоир назвал профессором. — Нас везут не на поверхность, а на Кантемировскую,

— А вы кто такой? — осторожно поинтересовался Ковпак.

Коротышка ответить не успел. Распахнулись двери вагона. Вошли вооружённые винтовками, одетые в новенькие защитные костюмы солдаты.

Удивляла режущая глаз чистота станции. По сравнению с другими нежилыми станциями, заросшими мхом, плесенью и грязью, Кантемировская казалась новой, словно только что была сдана в эксплуатацию. Парадное впечатление портила большая дыра в своде, откуда торчала, упираясь о пол, белая, высотой в несколько метров, ракета.

— Работаем быстро! — приказал солдат. — Выполняем все указания профессора. Да шевелите ногами, здесь жарит!

Через полчаса, слушаясь коротышку, который знал своё дело, пленникам удалось снять сердечник ракеты с надписью «MaRV Mk. 500 Evader».

Сердечник аккуратно уложили в специальный футляр и отнесли к бронированной дрезине.

— Молодцом, шпионские морды! — весело объявил конвоир. — А теперь лицом к стене! Финита ля комедия!

Заключённые безропотно выполнили команду. Володе было интересно: в апатию они впали из-за радиации, которая тут явно зашкаливала или просто дала о себе знать усталость? Щёлкнули затворы винтовок. Волков закрыл глаза. Попытался вспомнить лица жены и дочери, но не смог.

Грохнули выстрелы и... Ничего не произошло. Володя открыл глаза. Он всё ещё был цел и невредим. Как и его изумлённые товарищи. Из ступора их вывела новая череда выстрелов и взрыв гранаты. Волков оглянулся. У ног его лежали два мёртвых солдата. Остальные, отстреливаясь, бежали к бронированной дрезине. На станцию, поливая её пулемётным огнём, въехала ещё одна дрезина.

Ковпак начал действовать первым. Схватил винтовку одного из убитых и выстрелил по бронированной дрезине.

— Я вас прикрою! Отходим в туннель!

Пользуясь перестрелкой между дрезинами, беглецы побежали в туннель. Когда шум выстрелов начал затихать, остановились, чтобы передохнуть. Сели прямо на рельсы. Ни у кого не было сил разбираться, что именно произошло. Володя почувствовал, как загудели рельсы.

— Чёрт... Нас догоняют!

Он ошибся. Вместо бронированной дрезины красных подъехала та, неожиданное появление которой спасло им жизнь.

Сидевший на ней человек, с ног до головы затянутый в чёрное, нетерпеливо махнул рукой.

— Влезайте! Времени совсем не осталось! — голос был женским и очень знакомым. — Виктор! Давай на Смоленскую!

Володя увидел лежащего на дрезине Ковпака. Тот был без сознания, с испачканными в крови, скрещёнными на животе руками.

На Смоленской появились санитары, которые сняли раненого Ковпака с дрезины и унесли куда-то на носилках. Спасительница сняла защитную маску и улыбнулась. Володя с изумлением понял, что перед ним — майор Космодемьянская.

— Мы уже знакомы, но позвольте ещё раз представиться. Меня зовут Анна. Под прикрытием я поехала с вами на Партизанскую, чтобы определить, что замышляют красные, и по возможности устроить диверсию. Простите, друзья. Это из-за меня вас задержали. Нам пришлось отправить вас на задание, заведомо в один конец. Надо же было как-то отвлечь внимание стражи... Благодаря этому я смогла пробраться в нужную точку незамеченной и произвести осмотр.

— Так это вы уничтожили генератор? — спросил очкарик.

— Да. А вы...

— Профессор физики Александр Попов. Работал над секретной программой Красной Линии под условным названием «Четвёртый туннель», чья реализация была так бесцеремонно и своевременно вами прервана.

— Я не смогла определить, что именно там происходит, но всё-таки решила это прекратить. Всё, за чем стоит Корбут, дурно пахнет и не может быть безопасным для Метро. Считаю, что ваш «Четвертый туннель» напрямую связан с убийством одного брамина из Полиса и кражей его работ.

— Я так и думал, что у этих записок кровавое прошлое, — покачал головой профессор. — И слышал об этом брамине.

— Что же всё-таки творят коммуняки на Партизанской?

— Этот убитый брамин был великим гением. Он разработал модель стабилизации туннеля Морриса-Торна, а также просчитал время и место ближайшего солнцестояния. Корбут хочет открыть червоточину в параллельную реальность и получить оттуда оружие, с помощью которого подчинит себе всё Метро.

— Параллельная реальность? — не выдержал Вова. — Черво-что? Видимо, радиация сказала на вас сильнее, чем можно было ожидать. Я привык к байкам Ивана, но вы даёте ему сто очков форы...

— Боюсь, профессор прав, — вздохнула Анна. — В Полисе ходил слух, что один из браминов работает над возможностью перевода жителей метро в другой мир, которого не коснулась ядерная война. Я правильно излагаю суть дела, господин Попов?

— Да, насколько это под силу дилетанту. Мы живём в одной из множества параллельных вселенных. В любой момент времени наша вселенная расщепляется на параллельные миры, где происходят те события, каких не было в нашем измерении. Есть вселенные, где мы проиграли битву на Курской дуге, но есть и такие, где мы всё ещё можем наслаждаться жизнью на поверхности. По крайней мере, один из этих других миров находится вплотную к нашему. К сожалению, мы не можем его видеть, потому что он существует в другом четырёхмерном пространстве. Убитый брамин работал над так называемой теорией суперструн или теорией «М». Её цель — найти уравнения, которые позволят, определённым образом управляя гравитацией, открыть дверь в другие измерения.

— В таком случае, почему Партизанская? Почему не смогли создать такой туннель где-нибудь на своей линии? И зачем им то металлическое кольцо? — допытывалась Анна.

— Есть места, испускающие удивительную энергию. Больной организм быстрее там выздоравливает, а ум легче устанавливает контакт с высшим измерением реальности. Это «узлы силы», известные на протяжении тысячелетий энергетические точки Земли, связанные между собой энергетическими линиями. Именно такой поток энергии находится между Партизанской и Измайловской. Вы слышали легенду о поезде, что вдруг оказался посреди боя времён Гражданской войны?

— Ещё бы! — Иван даже замахал руками от радости. — Я всегда говорил, что это чистейшая правда!

— Да. Тогда, вероятно, наш мир смог проникнуть в другой, — кивнул Попов. — Всё правда. Как я понял, такая ситуация случается раз в сорок четыре года. Мы в конце такого цикла.

— А кольцо?

— Кольцо усиливает силу этих энергетических потоков и позволяет открыть дверь, то есть стабильный туннель между нашим миром и каким-то другим. Вопреки расхожему мнению, это довольно простая конструкция, строящаяся из подручных материалов. Для работы нужно, однако, очень много энергии. Анна уничтожила крупнейший электрогенератор, имеющийся в распоряжении Красной Линии. Но у красных имелся и запасной вариант — сердечник ядерной ракеты. Он успешно может заменить утраченный

источник питания. Вот так... А параллельных реальностей бесконечное множество, поэтому есть хороший шанс, что мы попадём в мир, где люди живут в мире и гармонии с природой. Так считал покойный брамин...

— А теперь Корбут хочет использовать открытие брамина для захвата метро! — воскликнула Анна. — Вот урод!

Волков опять вспомнил жену и дочь. Что если они сейчас живут где-то в нетронutom войной измерении, а Корбут сможет туда пролезть?

— Его нужно остановить! — твёрдо сказал Владимир. — Госпожа Анна, вы должны собрать своих людей и немедленно уничтожить этот дьявольский аппарат!

— К сожалению, это невозможно. Нереально пробиться через заслоны красных... Друзья мои, мы не сможем захватить проход и добраться до обода, если только... Кто-нибудь из вас работал до Катаклизма на железной дороге или в самом метро?

— Я! — энергично закивал головой Иван. — Перед вами потомственный машинист, чёрт побери!

— Есть у нас в резерве один паравозец, старик. Только не каждый сможет им управлять.

— Смогу! Показывай, где он!

— Ладно, — Анна кивнула своему помощнику. — Виктор, отведи Ивана к... Да не морщись ты. Пока будем бегать по инстанциям, красные успеют смонтировать реактор. В общем, всю ответственность беру на себя!

Через двадцать минут, стоя на краю платформы, они увидели в глубине тоннеля мерцающий свет. Причём источник свечения находился неестественно высоко. Раздался протяжный свист и из темноты выплыл настоящий стальной монстр. Бронированный локомотив с чёрной надписью «М62» тянул за собой вагон-платформу, где установили пушку С-60. В открывшемся окне машиниста увидели улыбающегося Ивана. На голову он нахлобучил старую шапку железнодорожника, а изо рта торчала внушительных размеров самокрутка. Старый путеец, казалось, помолодел лет на двадцать.

— Как вам нравится мой «Гагарин»? — воскликнул он сверху. — Прощу на борт!

Они мчались с головокружительной для метро скоростью почти в пятьдесят километров в час. Никакие стоящие по дороге посты не стали преградой для стремительно несущейся машины.

Позже жители станций, через которые они проезжали, рассказывали ещё долгое время о том, что видели. Одни говорили, что были свидетелями легендарного поезда-призрака. Другие, — что это жители Изумрудного Города, бегут из Москвы в сторону Урала.

На Курской, благодаря опыту Крылова, совершили ловкий манёвр и развернули состав пушками вперёд, после чего погнали дальше. Остановились за Семёновской, еще вне поля зрения первых постов. Тоннель здесь был прямой как стрела — оставалось только молотить из орудия. Виктор встал у пушки. Выстрел! Взрыв в конце туннеля. Прямое попадание! Ещё один выстрел, и ещё один.

Володя с Анной едва успевали подносить новые снаряды до тех пор, пока боеприпасы не закончились. В воздухе зависло густое облако пыли, а уши заложило от грохота взрывов. Каким-то чудом Партизанская не рухнула, несмотря на огневой натиск.

Когда пыль рассеялась, Виктор, Анна и Володя удивлённо переглянулись. Произошло невероятное! Всего минуту назад они были у пушки, а теперь стояли на платформе станции, перенесённые туда какой-то неведомой силой. Из глубины туннеля послышался уже знакомый свист локомотива. Крылов давал сигнал в честь победы? Нет.

Это стало очевидно, когда локомотив выкатился из туннеля. Лицо Ивана, высунувшегося из окна машиниста, было сосредоточенным и одухотворённым. Взгляд устремлён вперёд.

Старый путеец уже не видел товарищей, поскольку находился в мире, им недоступном.

— ВНИМАНИЕ! — с гордой улыбкой крикнул Иван. — ОТПРАВЛЕНИЕ!

Поезд тронулся. Набрал обороты и скрылся во мраке туннеля.

— Там есть выезд на поверхность, — произнёс Виктор. — Интересно, почему Иван?

Почему не мы?

— Старик всегда верил в существование параллельного измерения, — тихо ответила Анна. — И оказался более подготовленным к переходу туда, чем мы...

Володя кивнул:

— Он верил в измерение, а оно верило в него. Потому и впустило. Другого объяснения не вижу.

**МАРЕК ПЕТРУШЕВИЧ
ГЕРОЙ**

— С кем идёте? — Стёпа рылся ржавым прутом в костре. В новой одежде, напоминающей военную, он казался ещё худее, чем обычно. Хоть при входе на станцию ставь, как знак для воров: «Еды у нас нет».

Я не ответил. Пусть Мишка скажет. Видно было, что ему надо. На месте не мог усидеть, вертел кружку в руках, смотрел на неё под разными углами глазками-бусинками.

— Со Смурным, — ответил он.

Стёпа заметил, что со Смурным идти безопасно; как заботливая мать, приведёт за руку, и, если будет в настроении, даст постоять и увидеть всё со стороны. Меня это как-то особо не волновало. Для начала такой хранитель в самый раз, потому что у нас на станции есть принцип, что начинающие сталкеры первые десять вылазок должны совершить с сопровождающим. Наставники бывают разные — одни хотят научить, другие, в основном молодые, рисуются перед желторотиками. А некоторые вообще принимают неопытных за пушечное мясо — лишь бы работа была сделана, неважно, какой ценой. Хорошо, что к такому не попал.

Что уж тут говорить — я боялся. Мишка тоже как будто забеспокоился, но, скорее, от сказанного Стёпой. Быть безвольным наблюдателем он бы ни за что не согласился.

— Откуда ты знаешь? — спросил он. Руки вертели кружку всё быстрее и быстрее, грозя пролить ценный самогон. — Ты встречался с ним?

— А если и так?

— Говоришь, будто выходил с молокососом. Наверное, раз или два и...

— Мы все ещё молокососы, — перебил Стёпа. — Я выходил пять раз, три из которых со Смурным. А ты дёргаешься и орёшь, как будто в первый раз... идёшь.

— Я иду второй раз, но первый — в микрорайон. Говорю тебе, чувак, в западную часть! Недалеко от коттеджей!

— И что с того?!

— Коттеджи! — закричал Мишка.

— А что с ними не так? — спросил я, пересаживаясь ближе к костру.

— Видишь ли, Максим... — Стёпа опустил прут. Металл звякнул о бетонный пол. — Мишка любит истории о призраках, пришельцах, бесконечных бутылках спирта и домах с привидениями.

— Ну и что? — возразил Мишка. — Смурной сам говорил о том доме! Это не чушь!

— И что говорил? — спросил Стёпа.

— Ну, чтобы держались подальше, а то...

— Именно так.

— Так что с коттеджами-то? — я повторил вопрос.

— Слушай, — начал Мишка. Глаза его загорелись, словно индикаторы в дезактивационной камере. — С запада с микрорайоном граничит коттеджный посёлок. Там стоит такой большой дом. Все боятся к нему подойти. Никто уже не помнит, что это было. Школа, а может, почта, поликлиника. Но есть и другие предположения, — выдержав театральную паузу, продолжил: — Видимо, кто-то видел там людей. Без противогозов, химзы, нормально себе живущих. Родителей с детьми. Некоторые говорят, что кто туда входит, подвергается чему-то, что как будто нейтрализует ионизирующее излучение, и потом можно уже ходить по поверхности без какой-либо защиты. Там якобы был какой-то научный центр, держали какие-то материалы, которые в результате облучения начали выделять что-то странное. Но есть и такие, кто утверждает, что там

проводились некие эксперименты... Сразу после войны, той, предыдущей. Брали собаку, отрезали ей голову, и подсоединяли к аппарату, поддерживающему жизненные функции мозга. Надевали броню, искусственные лапы, которыми эта собака могла двигать, как своими собственными. Такой костюм супер-питомца, дарящий неуязвимость и сверхъестественную силу при минимальных естественных потребностях. Видимо, эксперимент удался и даже... — Мишка понизил голос, — там есть костюм, рассчитанный на человека. И подробные медицинские инструкции, что и где укоротить, пришить...

Стёпа только махнул рукой.

— И почему туда никто не ходит?

— Говорят, что рядом находится гнездо какого-то мута. Типа видели там чёрную мохнатую страхолюдину о четырёх лапах. Из пасти так разит, что не подойти.

— Да-а... — Стёпа погладил светлые волосы. — Наверное, кто-то вышел с Карбоненко, а тот так напился, что снял противогаз и забегал на четвереньках. Чего тебе ещё наговорили? Наверное, что там живёт легендарный Псуйцев, что иногда надевает солнцезащитные очки наоборот и у кого встали солнечные часы. Или несчастный жираф, генетически зависящий от алкоголя, а шея настолько длинная, что прежде чем что-нибудь долетит до желудка, весь процент успеет испариться. И ещё Шармазыоглыкуканбенбеков, называемый Пьяный с Немыми. Ругается на всех, кто ошибётся в его фамилии. А будешь хорошо работать, встретишься даже с трезвым Карбоненко.

Мишка задумался ненадолго, почесал затылок и, наконец, спросил:

— Что такое солнечные часы?

Стёпа с сожалением покачал головой.

— Лучше берегите себя, — посоветовал он и пошёл к себе в палатку.

Я смотрел с завистью, как легко он ладит с Мишкой, у кого, как все знали, имелись знания, и его ждала карьера в штабе. Сам, как правило, старался следить за словами. Но Стёпа — это Стёпа.

Его подбадривал только двоюродный брат Гена, местный руководитель поставок продовольствия. Учитывая это и то, что он был таким же тощим, как Стёпа, его прозвали Геной Прожорливым. Мы встретились в тот день парой часов ранее.

— Куда так летишь, Максим? — спросил он. — Погодь чуток, поговорим.

— У меня совещание.

— Совещание у него... Тянет наверх, к приключениям? Я тебе скажу, куда ты на самом деле торопишься: на стену памяти.

Я хотел возразить, но, как обычно, у меня не было идей, и я просто пожал плечами.

— Ты б вернулся на завод, — добавил он. — Работа спокойная, безопасная, и до конца жизни никуда не денется. А всё туда же...

— Завод находится в хороших руках.

— Иван — хороший малый, умный, но не догоняет. Вечно спрашивает то, сё... А хозяйство теперь искусство. Учебников нет, специалистов днём с огнём не сыщешь. Я мог бы поменять его, но рабочих рук не хватает. Пройдут столетия, прежде чем кого-то мне смогут выделить. А ты работал с тем молокососом, и никто тебя не заменит.

— А-а-а, там... — помахал рукой. — Не сердись, но я должен отойти на время.

— В случае чего, помни: двери всегда открыты.

Гена Прожорливый пожал мне руку, и мы двинулись каждый в свою сторону.

А теперь я сидел, слушая Мишкину болтовню о невероятных подвигах выдающихся сталкеров. Откуда он эти байки брал — не знаю, но послушать было интересно. Сначала

он рассказал об особенно талантливой команде космонавтов. Раньше так называли людей, что покидали матушку-Землю и летали к звёздам. Выбирали для этого самых умных, самых здоровых, самых выносливых — короче говоря, таких, кто отвечает всем требованиям, что предъявляются к кандидатам среди сынов и дочерей коменданта станции. Легенда гласит, что пара таких ловкачей живёт где-то там, на орбите, по сей день, видя всё, что происходит внизу. Наши космонавты — такие же выдающиеся личности. Только не лётчики, а сталкеры. Они получают самые сложные задания, ходят в районы, откуда редко кто возвращается, и все смотрят на них телячьими глазами. На них, либо — гораздо чаще — на таблички с их именами на стене памяти.

Позже я услышал истории об Андрее Выгине — маленьком мальчике, у кого очень рано выявилась особая предрасположенность к сталкерскому ремеслу, и его обучили так, что в возрасте двенадцати лет он спас свою станцию от нашествия ужасно злобных червей. Однажды у меня возникло ощущение, что где-то уже об этом слышал, только того парня звали не Андрей Выгин, но как-то похоже, и страшно напоминало мне историю с библиотекой дяди Олега, которой часто пользовался в детстве.

Наконец Мишка дал себя уговорить, что в ночь перед вылазкой надо выспаться, и я вернулся к себе.

Я знал, что мне приснится отец. Так было перед первыми двумя выходами, то же должно быть и сейчас. Он сидел и собирал грибы на этом своём заводе (громкое название для барака без крыши, стоящего на краю станции, где едва помещались эбонитовый столик, пластиковые стулья и несколько полок с цветочными горшками). Занимался посевом, уборкой урожая, следил, чтобы почва была необходимого качества. Но собирать ненавидел больше всего.

Все мои приятели были старше, и комендатура время от времени назначала им обязанности. Когда я остался один, читал книги, которые пока что плохо понимал, а когда глаза уставали, что, видимо, было вызвано атавистичной адаптацией к солнечному свету, я бежал смотреть на работу отца. Всегда приходил на его занятия. Удивляюсь, как забота о грибах мне, ребёнку, казалась таким захватывающим приключением.

— Можешь меня не понять, Максим, — однажды сказал мой старик, — но для меня это кошмар. Посещал экзотические страны... Видел пальмы, какаду и туканов... — наверху он работал аниматором в туристическом офисе. — Для вас обычные сосны были бы интересны, а я уставал от нашей страны, нашего климата, а вокруг... Грустно, серо, везде полно грязного снега. Всегда от этого бежал. А теперь... Настоящая тюрьма.

Тогда ему пришлось объяснять мне, что такое тюрьма. Из его описания следовало, что она сродни нашей станции, только находилась на поверхности, и еда там была намного лучше.

— Помни, сынок, — повторял он. — Будь смелее, тренируй руки и береги зрение. Можешь стать сталкером и повидать немного мир. Увидишь такое, о чём другим и не снилось. И люди будут уважать тебя. Никогда, запомни, никогда не показывай, что ты трус. В противном случае тебя отправят в такую вот дыру, и ты до конца жизни будешь обивать эти проклятые грибы.

— А ты, папа? — спросил я однажды. — Как ты показал, что ты трус?

В глазах отца появились слёзы. Он молчал, пока я их не вытер.

— Я не трус. Я... я слишком стар. Но перед тобой всё, — отец сильно сжал мои плечи. — Твоя жизнь никогда не будет такой.

Он умер, когда мне было тринадцать, и я навеки ему благодарен, что он успел мне всё рассказать. Ну, я и решил, чем займусь в жизни. В своём решении я укрепился

особенно после того, что произошло с Колькой и Катей. Чудной девушкой была эта Катя. Без прыщей, ноги бритые (в юбке ходила), волосы здоровые, длинные — почти до плеч, зубы все на месте. И недостижимой. Ну а что тут хотеть — у нас мужики какие были, а её требованиям, похоже, ни один не отвечал.

А потом появился Колька. Не помню, откуда он взялся, я даже не спрашивал. Просто новенький на станции. Быстро мы его полюбили. Но Катя даже внимания на него не обратила. Странно немного, потому что парень он был красивый, подтянутый и работающий. Ну сколько можно принца ждать? Но ладно, её дело. В любом случае Колька ей на глаза попадался. Колька, как нормальный мужик, одним местом думал, это было известно. Но что он окажется таким сентиментальным, никто не ожидал. Стал ходить задумчивый, не слушал, что ему говорили. Приходилось всё время повторять, а он тут же забывал, сжигал крыс (он был поваром). Просто влюбился. И вскоре пошёл в наступление. Ходил за Катей, болтал с ней, с нами уже почти вообще перестал общаться, только если о торговле: то книгу ей подавай, то заколку для волос, то вообще шоколад. Откуда брали этот шоколад и где Колька таких барыг нашёл, понятия не имею, но он был умён, ловок, имел хорошую реакцию, и мёртвого из могилы достал бы, если было бы нужно. Один раз даже устроил набег на личный склад коменданта. Он принёс коробку мыла и зубную пасту. И начал умываться. Ходил ароматный, аж в носу свербело. Ребята поглядывали на него косо, тянули носом, покашливали демонстративно при нём, а он и ухом не вёл.

Шутки кончились, когда однажды заметили, как Колька с Катей гуляют по платформе, держась за руки. Многие упыри желчью изошли от зависти, но никто не сомневался, что эту улыбку судьбы Колька заслужил, как никто другой. Длилось это две недели. Потом однажды иду, смотрю, а у костра сидит Колька. Рожа чёрная от сажи, одежда грязная, от запаха мыла ни следа, только самогоном разит, что аж нос забивает. Я удивился, потому что из-за Кати он отказался от алкоголя. Ну и оказалось, что она его бросила. Ради сталкера. Кретина, пьяницы, да ещё и низкого, но сталкера.

— Ну, так и ты стань сталкером, — сказал я. — Ты молодой, здоровый, шансы большие. Ещё вернёшь её. Выйдешь на поверхность, наберёшься опыта. А она со временем поймет, какую ошибку совершила.

— Что-то не тянет меня вверх. Я бы хотел... дом, детей, нормальную работу...

Дебильная логика. Для постоянства баба нужна. А бабе нужен авантюрист, герой. Ну, ничего, буду и я героем.

С Катей закончилось всё так: в конце концов, её начало ужасно тянуть вверх. Интересно стало, как там всё выглядит, как восходит солнце, светят звёзды, поют птички. Ну, и этот её сталкер как-то там запрет обошёл, и они вышли вместе. И ни слуху ни духу. Некоторые говорят, что устроились на поверхности и жили они долго и счастливо. Но в этом столько же правды, сколько в байках, в которые верит Мишка. А Колька с тех пор так и не протрезвел.

А я, трезвый, выпавшийся и даже не очень испугавшийся, рванул с утра на склад со снаряжением для вылазок. Смурной был уже на месте, в химзе, с автоматом Калашникова на плече, но ещё с открытым лицом. Завидев меня, небрежно кивнул. Прежде чем я успел подойти к раздатчику, из-за рядов металлических шкафов вышла маленькая фигура Мишки. Парень подошёл к нашему проводнику и вытянулся по струнке, бросив вопрошающий взгляд из-за круглых стёкол.

Смурной неодобрительно поморщился. Мужчина сделал шаг вперёд и начал поправлять элементы экипировки своего ученика. Тем временем кто-то похлопал меня по плечу, а когда я обернулся, увидел тощего мужчину, протягивающего мне кучу зелёных

прорезиненных тряпок. Вскоре Смурной и до моих замков и ремней добрался. Не обошёл вниманием и содержимое сумок (фонарик, бинокль, медикаменты), плотно навешанных вокруг бёдер. Истинная мать.

Он схватил меня, когда мы стояли перед огромными металлическими гермодверями, соединёнными толстыми заклёпками. Вход в ад. Вернее, выход. Ноги стали тоненькие, как две тростинки, зато резина маски толстая, на три пальца. Мир за гермозатвором открылся на многие километры. Мне хотелось сорвать с себя всю амуницию и побежать назад. Бежать как можно дальше от неизвестного, полного монстров мира без потолка, влететь в палатку и быстро застегнуть вход, а потом закутаться в спальный мешок и уже никогда из него не вылезать.

— Максим, всё хорошо? — Голос Смурного немного меня отрезвил. Безусловно, я так побледнел, что можно было заметить, несмотря на противогаз.

— Всё хорошо, — ответил я медленно. Я старался взять себя в руки. Представил себе Катю, уходящую в коротком платье в синюю даль смотреть на закат со сталкером (в этой роли, конечно же, я), а когда это не помогло, я представил ведро с собранными грибами. Этот образ оказался эффективнее. — Даже очень хорошо, — добавил я немного увереннее.

Ну, и мы двинулись.

На улице только начинало светать. Большие стены жилых домов приобрели загадочный розоватый оттенок. Ветер катил пластиковый пакет по растрескавшемуся асфальту. Перевернутый автомобиль с лязгом покачивался на выпуклой крыше. Смурной огляделся, после чего дал сигнал к переходу в центр улицы. Что-то маленькое пересекло дорогу. Сердце забило чаще. Мишка быстрым движением проводил исчезающую тень стволом винтовки. Наставник, видя это, погрозил парню пальцем.

Через две, может, три минуты мы добрались до перекрёстка. За ним панельный микрорайон заканчивался, уступая место рядам одноэтажных зданий, в большинстве покрытых сизым плющом с огромными листьями. Я понял, что уже достаточно опытный, чтобы понять, что растения имеют «правильные» размеры. Я почувствовал гордость.

Смурной остановился на дороге, ведущей в гараж рядом с одним из домов, и жестами велел нам построиться по обе стороны от металлических ворот. То есть мы должны быть на страже, а сам он исполнит трюк.

Всё будет хорошо.

Едва высокий силуэт нашего опекуна исчез за скрипящими дверьми пристройки, Мишка вскочил, указывая пальцем в сторону алеющей крыши, возвышающейся над окружающими зданиями, в каких-то двух дворах от нас. Я понял, что это конец. Мой спутник постучал по часам, затем поднял руку, выпрямив пальцы. Пять минут.

— Нет, — сказал я громко, но он уже бежал по узкому тротуару в направлении своего дома-призрака. Вскоре он свернул в пролом в изгороди, и я потерял его из виду.

Тогда я понял, что первый раз в жизни остался один. На десятки метров вокруг ни д. Капля пота упала с брови и потекла по щеке, и я почувствовал панику при мысли, что тогда я был беспомощен против такой хитрости.

Секунду спустя моё внимание привлекло кое-что другое. В окне небольшого домика на другой стороне улицы я заметил движение. Тёмный окрас. Что-то небольшое, но больше, чем крыса. Сердце забухало. Не хватало только, чтобы я в штаны наложил. Пятно опять зашевелилось. Я вспомнил о бинокле на поясе. Стараясь не выдать волнения, вытаскивал его и поднял к глазам. Это что-то пятнистое. Дикий кот. Смурной учил, что в

этом районе их полно. Неизвестно, почему. Немного крупнее кошки, зато агрессивные, как собаки.

Однако настоящий сюрприз меня ждал впереди. Когда я опустил бинокль, увидел, как со стороны, куда убежал Мишка, ко мне скользит большая улитка. Она выглядела как обычная виноградная улитка (видел такую в атласе животных), с тем отличием, что её раковина была более чем полметра в диаметре. С хлопаньем двинулась к проезжей части, оставляя за собой толстый слой слизи, который время от времени, казалось, светился.

На этот раз меня чуть не стошнило.

Вскоре из-за живой изгороди появилась ещё одна особь, ещё больше, ещё более мерзкая. В панике я оглянулся в поисках моих товарищей. Кричать? Не кричать? Меня вообще услышат? А что это за дикий кот?

Мишка, видимо, не забивал себе голову подобными мыслями. Услышав его крик, я инстинктивно бросился в сторону дома-призрака, устроив сумасшедший слалом в обход улитки. Странно, всё убежать хотел, а тут такой героический бросок. В мгновение ока добрался до двора, расположенного перед большим зданием. Мой друг всюду кричал, но стоял, как парализованный. Его окружало с десятков пухлых улиток, спокойно ползших к нему. Мои мысли понеслись как угорелые. Противник же, по счастью, скоростью похвастать не мог.

— Ко мне! Быстрее! — крикнул я.

Мишка не шевельнулся.

— Успеешь!

По-прежнему ничего. Я посмотрел на плющ, растущий прямо за спиной парня.

— Балкон!

Мишка подскочил, оглянулся, прыгнул ловко, схватился за лиану и без труда взобрался на невысокую балюстраду. Мне нужно было пройти всего несколько шагов, чтобы догнать его. Когда мы оба оказались наверху, я, не раздумывая, включил фонарик, направив луч света в окно напротив гаража.

— Что ты делаешь?! — заорал Мишка.

— Приманиваю котяру.

— Кого?

Хищник объявился в мгновение ока и с жутким рыком набросился на одного из моллюсков. Совершенно не заметил, когда остальные успели забраться в раковины.

Я вытащил ПМ. Попытался прицелиться, но животина, резвясь с желатиновыми кусками своей жертвы, носилась с невероятной скоростью. Оставалось найти запасной выход из здания, и надеяться, что с другой стороны нас никто не ждёт. Плохой план.

— Внутрь! — бросил я, но в тот же миг раздался выстрел. Дикий кот застыл в луже крови, медленно смешивающейся с зеленоватой слизью. По ту сторону забора стоял Смурной с винтовкой в руках.

— Шевелитесь! — буркнул он.

Не помню, как оказались снова в микрорайоне. Мы следовали за Смурным до спуска, за которым нас ждал люк. Воспоминания дальнейших событий обрывисты. Шлюз, дезактивация; беглый осмотр, проводимый каким-то парнем в пожелтевшем халате, и тощий на складе, принявший наше снаряжение. А затем смачная пощёчина Мишке от Смурного. Она и меня в чувство привела. Опекун исторг из себя поток оскорблений, какой напрасно искать даже в библиотеке дяди Олега. Не кричал. Цедил слова сквозь зубы, почти шёпотом.

— Что ты там искал?

— Я...

— Заткнись! Никогда не слышал про улиток? Не знаешь, на что они способны? Ещё немного, и ты б сдох! — Мишка отступил на шаг, желая укрыться от бешеного взгляда. — Наслушался историй? Интересные, да? Такими и должны они быть. Штаб распространяет эту чушь, чтобы искушать таких идиотов, как ты. Никто в здравом уме не пошёл бы туда по собственной воле. Только одно неискоренимо. Глупая детская любознательность. Всегда на вас срабатывает, вы, конченные козлы. Хочешь правду? Тебе ещё не сказали? Я скажу. Там проводили эксперименты по нейтрализации ионизирующего излучения. Радиация после взрывов сделала то, чего никто не ожидал. Она создала сильный источник волн, что повреждает мозг. Каждый, кто туда войдёт и сможет выжить, выходит оттуда овощем с запёкшимися мозгами, и чувство страха у него основательно нарушено. Поэтому штаб и посылает туда здоровых придурков. Но не тебя, потому что ты получил приказ: держаться подальше! Догоняешь?

— Космонавты... — прошептал парень.

— Да, космонавты, бесстрашные, они пойдут хоть в огонь, хоть в пасть самого коменданта, потому что не помнят, что такое опасность, от чего надо улепётывать. А ты вообще не должен был стать сталкером. Если бы не твой отец...

Смурной повернулся и посмотрел на меня. В его глазах я увидел что-то, что можно назвать тенью ужаса. Как будто только сейчас вспомнил о моём присутствии. Он подошёл ближе.

— Ты ничего не слышал, — прошипел он, ткнув указательным пальцем мне в грудь, а потом развернулся и, рывком заставив Мишку идти за ним, двинулся по узкому коридору. А я остался один, радуясь, что пронесло. Хотя боялся, что мне потом аукнется. Приказ есть приказ. Я должен был стоять, куда меня поставили, а между тем, я бросил пост и побежал спасать этого идиота. Но не оставлять же было его на съедение улиткам?

Весь следующий день я ходил из угла в угол. Желудок, казалось, делал то же самое в моём нутре. Наконец, под вечер, я наткнулся на Смурного. Мы встретились на платформе, остановились, посмотрели друг другу в глаза, а потом он хлопнул меня по плечу.

— Привет, — сказал он.

В данной ситуации это прозвучало даже ласково.

— И что? — спросил я.

— Послезавтра идём.

Какое облегчение!

Короче, он мне всё объяснил. Территория не очень хорошо изучена, идти далеко, к чёрту на кулички, товар громоздкий, а нас только двое.

— С каждым разом у тебя всё лучше получается, — закончил Смурной, видя мой удивлённый взгляд. — Планку нужно высоко ставить.

Этого я не ожидал. Ни один из опекунов до сих пор меня не хвалил. Но и не ругал.

— Я не должен тебе этого говорить, — добавил он через мгновение, — но у тебя есть кое-какие задатки командира. Мгновенно придумал выход из дерьмового положения. Не лучший, но хоть что-то. Если над тобой поработать, кто знает...

Ну и началось. Мы выходили в худшие районы. В общей сложности мы принесли сверху, наверное, с полтонны хабара. Мы потеряли три «калаша» и один прибор ночного видения. Разок наделал в химзу. Два раза нас вызывал комендант. Похвалить. Гена Прожорливый получил приказ предоставить нам право лучше кушать. Смурной перестал быть матерью. Мы спасали друг другу шкуру так часто, что не только перестали за это

благодарить, но случалось даже забывать об этом почти сразу, и через несколько минут мы могли уже спорить о мелочах. Словом, как в браке, только мы спали отдельно.

Длилось это два месяца. И вдруг, однажды, узнав об очередном заказе, я пришёл, как обычно, в дежурку. Находилась она в подземном переходе, в бывшем магазине одежды. В середине стояла большая деревянная коробка, выступающая как рабочий стол, за которым сидел дежурный Зайцев. Седой, морщинистый человек в очках, подклеенных изолентой. Не знаю почему, никто так и не вынес из довольно тесного помещения несколько манекенов. Некоторым не хватало рук или ног. Может быть, предостережение? Подумайте хорошенько, прежде чем лезть наружу. Да, очень похоже на то. На мне всегда работало. Всегда колебался. Присутствие наставника, как правило, придавало уверенности. Но на этот раз мой ангел-хранитель не появился.

Поздоровался со стариком, который, по обыкновению, ответил кивком, вглядываясь в заметки на желтоватой бумаге. Я огляделся неуверенно.

— А Смурной? — спросил я.

— Игры кончились, Максим. Идешь один.

Наступило. Наслаждаться? Петь? И это только начало.

— Воспринимай это как экзамен, — услышал я. Зайцев отдал мне заказ. Взглянул, и ноги подкосились. Казармы. Боеприпасы и перевязочные материалы. Дорога вела через парк Павших. Следует добавить, что название это он получил всего несколько лет назад. Записка задрожала у меня в руках.

— Комендант сказал, что если у тебя получится, станешь командиром в обход медкомиссии. Лично занялся укомплектованием твоего взвода.

— Так уверен, что я вернусь?

Дежурный пожал плечами.

— Подпишешь?

Если я получу взвод, получу и заказы поотвратительнее. С другой стороны, группа — это группа. И это реальные сталкеры, может быть, даже космонавты, а не какие-то салаги. О боже, до вчерашнего дня я сам был новичком. Но теперь — и только теперь — у меня есть возможность стать командиром. Альфа-самцом, отдающим приказы, покрикивающим на более хороших бойцов. При условии, что сам не буду удирать.

Подумал об отце. Для него выбора не было. Когда он попал сюда, был уже в годах. Никаких шансов на карьеру. А мне повезло. Пришло время принять решение. Если и портить себе жизнь, то прямо сейчас, в этой дежурке, с Зайцевым в роли свидетеля.

Быстрее, чем я успел передумать, я взял ручку, написал своё имя и, кинув бумагу на стол, выбежал из помещения.

Три дня спустя я снова стоял перед опущенными гермоворотами. За время последних вылазок привык к весу винтовки и патронов, плотно прилегающей резиновой маске и мутной реальности, наблюдаемой через стекло. Но теперь всё снова было так, как в первый раз. Неудобно, громоздко, тяжело, страшно. И нигде не видно матери, которая подошла бы поправить уверенной рукой ремни, проверить содержимое сумок, покачать неодобрительно головой или высмеять недостатки.

Я почувствовал, как меня наполняет паника, будто кто-то накачивает меня ей, и с минуты на минуту голова лопнет, как гигантский мыльный пузырь. Лишь бы только двинуться в сторону выхода, лишь бы только не признаться в страхе.

Двери начали медленно открываться. Видимое за ними пространство расширялось, разя острым светом. Рука невольно припала к глазам, чтобы их защитить. Некоторые утверждают, что такое видят сразу после смерти. Откуда они это знают? Ведь мы все ещё

живы. А может, нет? Может, уже давно умерли и бродим по аду? Только где все эти черти и котлы с кипящей смолой? Неужто остались только руины? Может, мы и ад разрушили? Не было хорошей идеей пускать туда человека.

Светлая щель стала, наконец, достаточно широкой, чтобы я мог в неё протиснуться. Может быть, в последний раз. Вдруг дорога передо мной ведёт прямо на стену памяти. Я отогнал эти мысли, чтобы, ради всего святого, сделать ещё пару шагов, и по инерции двинуться дальше.

Ну, ладно, слушай, Максим: лучше смерть героя, чем жизнь в тюрьме, среди горшков и черепков, мучиться от зловония дерьма. Та же смерть, просто ещё некоторое время дышишь, ешь и гадишь.

Пошёл.

Сам не знаю, как оказался на перекрёстке. Приостановился. Дорога влево вела к коттеджам. Впереди развилка, а впереди то ли стадион, то ли рынок, то ли пара других незначительных зданий, которые успели прошерстить со Смурным. Парк Павших был справа. Менее чем в километре.

Что-то зашумело. Резким движением я приложил «калаш» к щеке и, прицелившись, сам не знаю во что, повернулся быстро кругом в поисках движения. Грязный пакет из фольги катался на ветру. Я чуть не выстрелил. Глубоко вздохнул, опустил автомат.

Постоял ещё чуть-чуть, а потом, медленно, как по висящему высоко над землёй канату, направился к парку. Со временем, воодушевлённый господствующим вокруг спокойствием, я пошёл быстрее. Прошёл мимо нескольких зданий. Кое-где из-под облупившейся штукатурки виднелась кирпичная кладка. Чёрные оконные проёмы напоминали пустые глазницы. Мёртвые деревья, словно в последнем жесте отчаяния протянувшие культы ветвей к небу, подёрнуты дымкой. Здесь уже никто не живёт. Бояться нечего.

Вдруг из боковой улочки, как из пращи, вылетела чёрная фигура. Она остановилась посередине проезжей части и горящими зелёными глазами посмотрела прямо на меня. Тело как у человека, только на четвереньках, как будто ногами служили ему также и руки. Видимо, так выглядят обезьяны.

Я насторожился. Горло сдавило, будто воротник стал меньше. Я чувствовал, что не смогу поднять оружие. Урод заорал, обнажая пасть, полную острых белых зубов. Спину внезапно пронзило десятками длинных шипов.

В мгновение ока я повернулся и, как безумный, бросился бежать. Меня не интересовало, что соперник наверняка окажется быстрее. Необузданная, первобытная сила передвигала ноги в буквально нечеловеческом темпе. Прошла, наверное, минута, прежде чем я понял, что громко ору, впрочем, как и существо.

Перед перекрёстком я споткнулся и упал. Закреплённая на поясе лопата звякнула об асфальт. Только тогда я осмелился оглянуться. Пусто. Я попытался подняться. Удалось только со второй попытки. Сердце стучало набатом.

Когда пришёл в себя, до меня дошло, что я подвёл. Себя? Штаб? Отца? Всё равно кого. Я проявил себя трусом. Тоже мне открытие. Я посмотрел в направлении дороги, по которой мы шли в тот день с Мишкой. Ублюдох ничего не боялся. У него был чёткий приказ, и ничто не могло остановить его. Если бы я мог, как он... И вдруг снизошло озарение.

Голос разума как-то подозрительно легко дал себя загнать в самый тёмный угол сознания. Зато другая мысль была, как колокол церкви, который однажды слышали со

Смурным. Мой самый большой враг — страх. Смогу победить его, смогу победить и остальных.

Я разобрался с улитками. Поборол кучу других ужасов. Я лучше многих, может, даже лучше всех. Только страх стоит на пути. И я двинулся к злосчастному дому.

Сгнившее тело дикого кота по-прежнему лежало среди кусков толстой раковины, хотя от слизи не осталось и следа. Гигантский плющ местами начал увядать.

Дверь дома с привидениями открылась в полной тишине. Странно, я был уверен, что скрип разнесётся по всей округе. Я очутился в небольшой прихожей. В полутьме увидел обрывки ковра и опрокинутые горшки, откуда росли пучки синих веток. Напротив меня маячил вход в другую комнату, завешанный бордовой портьерой.

Я подошёл ближе. Страх никуда не делся. А если Смурной соврал? Если этот проклятый дом вовсе не лечит от страха? Ещё один шаг. Толстая ткань оказалась выложена сотнями металлических пластин. Я поднял её и увидел очередную дверь.

Что-то начинало происходить, я это чувствовал.

Я нажал на ручку. На этот раз раздался протяжный скрип. Я заглянул внутрь, и меня передёрнуло. Четыре огромных щупальца медленно тянулись в мою сторону. Грязная плоть моллюска была покрыта мелкими крючками. Не раздумывая, я схватил сапёрку и ударил ей по мерзкой башке. Тело за доли секунды со шлепком исчезло в унитазе.

Помещение светилось зелёным. Стеклянные полки заваленные металлическими контейнерами, опираются на огромный стол. И они светилась!

Тогда я понял. Я не боялся. Ничего. Лёгкую, аки гонимый ветром пакет из фольги, уронил лопату. В контейнерах забулькало. Ничего, меня это не остановило. Чувствуя подступающие слёзы облегчения (только сейчас я понял, как сильно напрягся), я повернулся и вышел, оставив за собой открытые двери, об которые ещё некоторое время постукивали пластины портьеры.

Проходя мимо обросшего плющом домика, я наслаждался спокойствием, о котором даже не подозревал. Всё произошло просто. Почему я не мог так с самого начала?

Перейдя перекрёсток, я направился к входу на станцию. Отстучал сигнал. За гермоворотами меня встретил удивлённый взгляд часового.

— Так быстро? А где хабар?

— К чёрту хабар, — ответил я с детской улыбкой. — Я потерял лопату. Остальное можете взять себе.

Я не боялся.

— Подожди! — услышал я, когда сдал снарягу и направился прямо к платформе. — А отчёт? Куда ты пошёл?

— К Гене Прожорливому.

Я не боялся. Того, что никогда не смогу добраться до этого проклятого парка Павших. Того, что никогда больше не услышу похвалы. Того, что никогда не посмотрит на меня прекрасная и заносчивая Катя. И не только она. Того, что я не видел тропических островов — даже обычного посёлка уже не увижу. Я не боялся замкнутой жизни и полок, забитых цветочными горшками. Ни ведра с грибами, ни того, что отец будет в ярости, если каким-то чудом где-то сверху, со станции Вечная, Небесная или как там её, увидит меня, губящего свою жизнь. Я не боялся уже ничего.

Я стал героем.

МАЦЕЙ «КОМОДО» МАРКЕВКА ТО, ЧТО УМИРАЕТ ПОСЛЕДНИМ

— Посулам Сатаны нельзя доверять! — прогремел с самодельной трибуны тучный седой мужчина в мантии. Низко на груди висел гигантских размеров стальной крест. — Нам кажется, что мы знаем об этом прекрасно, но всё же так часто забываем, что, в отличие от нас, Зло не дремлет и никогда не теряет бдительности. Оно постоянно за нами наблюдает и анализирует наши действия, ожидая только подходящего случая для повторного нападения. Ждёт сомнения во всём, во что мы верим и том, что на протяжении стольких лет даёт нам убежище от ужасов, таящихся прямо над нашими головами. И именно поэтому прошлой ночью мы потеряли не одного, а целых четырёх членов нашего сообщества. Трое из них под тлетворным влиянием дьявола нарушили данную Рыцарскому Ордену присягу и без согласия покинули безопасную территорию святого монастыря! Прямо в объятия Сатаны, на верную смерть! — оратор воззвал к толпе слушателей, набившихся в каменной комнате с ржавыми кирпичными стенами.

Поп лгал. Яцек подозревал это давно, но теперь обрёл уверенность. Но он не мог сказать этого вслух. Не сейчас.

— Томаш, что вчера занимал караул у ворот, подверг смертельной опасности не только себя и двух своих коллег, Патрика и Норберта, но и всех нас! — воодушевлённо продолжал священник. Он прекрасно знал, как манипулировать людьми, как пробудить в них чувство вины, стыд, наконец, страх и, как следствие, послушание. — Пресвятая Дева, однако, приглядывает за нами и послала Януша Ковалика на смену Томашу раньше времени. Он застал врата настезь открытыми, и, несмотря на отсутствие защитной одежды, решил её закрыть — он сделал паузу, нагнетая обстановку. — Он сознательно решил принять на себя смертельную дозу радиации, потому что до самого конца остался верен нашему общему делу! И за его мученическую смерть сегодня мы будем молиться. Братья и сестры! Попросим прощения!

Собравшиеся в зале люди в ответ послушно опустили на колени и погрузились в тихую молитву, перемежающуюся лишь скорбным рыданием матери покойного Януша. Все, кроме Яцека. Он один из немногих людей, населяющих подземелья Ясной Горы, знавший правду о событиях минувшей ночи. По крайней мере, большую часть истины, что так нагло переврал в патетическом выступлении отец Стефан. Этого лжеца, манипулятора и самопровозглашенного короля кротовьего сообщества, двадцать лет прозябающего в известняковых недрах холма почти в самом центре Ченстоховы. Истину открыл Яцеку Станислав — сталкер с многолетним стажем, его непосредственный начальник в рядах Рыцарского Ордена. Человек, что был для Яцека образцом для подражания. Станислав точно знал, что Томек, Патрик и Норберт не могли выйти за пределы ясногорских туннелей. Он сам их покинул, отправившись в историческую ратушу на площади Владислава Беганьского. И когда выходил, поставил тяжёлое древнее копьё, зачем-то взятое прямо из арсенала Ясногорской Гвардии. Положил его снаружи гермоворот так, чтобы они не смогли закрыться. И когда затаивший дыхание, но целый и невредимый, вернулся перед рассветом, копьё все ещё было на месте, где он его оставил. Если бы после него кто-то ещё вышел, он бы задел копьё. И, конечно, убегая, не стал бы тратить время, чтобы поставить его, как было. Ну, и, в первую очередь, зачем им бежать? Без защитных костюмов и противогазов они не смогли бы выжить в отравленном мире больше, чем несколько часов. Дело, однако, было в том, что эти трое действительно исчезли, а до этого при невыясненных обстоятельствах Януш попрощался с жизнью. Яцек

знал, что может найти разгадку и разоблачить Стефана и его приспешников. И не собирался упускать такую возможность.

* * *

— Здесь творится что-то странное, малыш, — сказал Станислав, развалившись в кресле в комнате Яцека. — Я не уверен, что стоит сейчас вникать в эту ситуацию.

— Ты ведь знаешь, что мы больше не можем ждать, — возразил Яцек. — Время поджимает. Мы должны, наконец, заявить, что, может быть, ещё есть для всех нас шанс на лучшую жизнь.

— Забудь. Ты видел их рожи, когда говорил этот псих? — Станислав вернул его на землю. — Они верят каждому его слову и смотрят, как на идола. Неважно, доверяют, верят или боятся. Это тупой, упрямый народ. Окрестит нас еретиками и не уйдёт отсюда никогда, даже если указать ему выход пальцем. Кстати, я думаю, что Патрик, Томаш и Норберт действительно его нашли.

— Ты говоришь о выходе? Хотелось бы в это верить... — нахмурился Яцек.

— А как иначе это назвать? От парней не осталось ни следа, а от истории этого попа несёт за километр, сам прекрасно знаешь. Нужно подождать, пока улягутся волнения, и самому проверить. Мы должны быть уверены.

— Я согласен, хотя и не задержался бы дольше, — Яцек стоял на своём. — Если ребята на самом деле нашли туннель, Стефан и его быки уже начали шнырять, задавать вопросы. В вас я уверен даже больше, чем в самом себе; и в Януше тоже был. За Павла, однако, не стал бы ручаться головой.

Станислав нахмурился, по-видимому, несколько обиженный словами подчинённого.

— Павел — хороший парень. Сам знаешь, сколько раз он рисковал жизнью. Ничего не рассказывал, я в него верю, по крайней мере, так же сильно, как в Януша.

— Ты думаешь, они могли допрашивать Янека? — Яцек невольно сжал кулаки. — Что его смерть — дело рук этих ублюдков?

— Может быть. Ну, я же не закрыл открытый шлюз, хотя всё время он был закрыт. Нет, радиация не могла его убить, это точно. Попробую проверить завтра-послезавтра, когда соберусь на поверхность. А ты пока что держись от этого подальше, — с этими словами Станислав встал, и старое кресло скрипнуло с явным облегчением.

— Ты знаешь, что я не могу тебе этого обещать, — сказал Яцек, когда начальник почти вышел из комнаты.

Станислав не пытался с ним спорить. Вместо этого он усмехнулся, как будто с самого начала ожидал именно такой ответ.

— Береги себя, парень, — бросил он на прощание, тем самым давая Яцеку согласие принять меры.

* * *

Одетый в жёлтый костюм химзащиты, Яцек шёл по западному коридору, прямо к воротам. Шаги тяжёлых военных ботинок отдавались эхом и, конечно, разбудили прикорнувшего часового. На этот раз ворота охранял Павел. Яцек знал его хорошо, не только по Рыцарскому Ордену, где вместе с остальными парнями учился на сталкера, но и по беззаботным годам детства. Их было шестеро — он сам, Януш, Томек, Павел, Норберт и Патрик. Каждый день вместе преодолевали дорогу до школы и обратно, в классе

занимали три соседние парты, а на переменах чаще всего держались рядом. Вместе же поехали на автобусе в Ченстохову, и, как вскоре выяснилось, — вместе залезли в общую могилу глубоко под поверхностью земли. В отличие от других воспоминаний из детства, день экскурсии на Ясную Гору Яцек помнил отчётливо, словно это было вчера, а не двадцать лет назад. Часто задавался вопросом, не потому ли, что это был последний день его жизни на поверхности, или потому, что тогда в последний раз видел маму. В семь лет её присутствие не казалось чем-то необычным, напротив, чем-то привычным, родным, а ныне многое бы отдал, чтобы ещё раз увидеть её лицо. Времена были очень тревожные, а когда родительский комитет принял решение организовать экскурсию для класса, мама наверняка забеспокоилась. Чрезвычайно напряжённая международная обстановка и страшные новости крутили круглосуточно, призывая родителей держать своих детей как можно ближе. В конечном счёте, однако, дети должны были проехать всего пятьдесят километров, тем более, под руководством надёжного учителя Станислава Петржака. Все думали, что проведут приятный денёк вне дома и вернуться к ужину. Родителям не могла прийти даже мысль в голову, что всего несколько часов спустя весь известный им мир сдует атомный ураган, а поездка невольно позволит спасти детей от гибели.

— Яцек, а когда ты? У меня нет тебя в расписании, — сильно удивился Павел, лихорадочно листая страницы помятой тетради в клетку.

В ответ Яцек вытащил одну руку с тремя сигаретами без фильтра. В здешних условиях это равносильно недельной выручке часового.

— Э, не, чувак, я знаю, чего ты хочешь! Нет, я не выпущу тебя вне графика, особенно после того, что случилось ночью! — Павел не сразу понял, что коллега как раз пытается купить его молчание, и не скрывал ужаса.

— Павел, не притворяйся глупее, чем ты есть. Ты должен понять. Ни одного побега за пределы туннелей не было, по крайней мере, не через шлюз, — ответил раздражённо Яцек, небрежно стукнув коллегу по затылку.

— Ну, если не через шлюз, то куда они делись? Не растворились же в воздухе! Ну а Януш! Он погиб, потому что закрыл открытые ворота!

Яцек постучал себя по лбу. Павел — хороший парень, но недалёкий. Из тех, кто на стрелке чаще всего стоит на стрёме, а во время футбольного матча греет скамью. Однако ещё один подзатыльник наконец-то заставил разум Павла заработать.

— Не-э-эт... Не хочешь ли ты сказать, что они нашли ТОТ туннель?! — выкрикнул он почти в полный голос.

Яцек ещё раз стукнул его по голове, на этот раз, однако, безусловно сильнее.

— Заткнись, идиот, а то услышат! — обругал его шёпотом. — Ты не понимаешь, какие ставки на кону? Поп и его псы, наверное, уже им занимаются, и я почти уверен, что это именно они избавились от Януша. Могли заподозрить, что тот что-то знает, потому что должен был сменить Томека на воротах.

На лице Павла стояло недоумение.

— Вот блин, ты прав. Они могли убить его и придумали эту байку. Могли убить его, но не других парней! У них бы не вышло незаметно вынести отсюда трупы всей четвёрки. Унесли только Януша, сам видел, я на смене с утра! Но... — помолчал, — ...если подозревали Януша, это значит, что и мы можем быть на мушке! Мы двое и Стасек! О боже, и что теперь? А если за мной придут? — ойкнул нервно, оглядываясь по сторонам.

— Успокойся, — Яцек потормошил коллегу. — Сам видишь, не можем медлить. Бери сигареты, открывай дверь и не смей говорить об этом кому-либо. Я иду в зал Кордецкого проверить тело Януша. Мы должны быть уверены.

— Ладно, ладно! Только умоляю тебя, возвращайся скорее... — прошептал в искреннем ужасе Павел, натягивая под самую шею расстёгнутый резиновый костюм с капюшоном и закрывая рот респиратором. Затем схватился за огромный штурвал на дверях и с трудом начал прокручивать его против часовой стрелки. Вскоре замок раскрылся, и мощные стальные двери с жалким стоном приоткрылась настолько, чтобы Яцек мог протиснуться в возникшую щель. Переступив порог, повернулся к Павлу.

— Я твой должник, — заверил он.

* * *

Яцек поднимался на поверхность, освещая себе путь фонариком. Сначала по довольно крутой каменной дорожке, затем по жёсткой металлической лестнице в шахте, потом снова по туннелю. Каждый раз, когда он после вспоминал этот путь, его бил озноб. Он бы ни за что на свете не назвал эти воспоминания приятными, хотя, в конечном счёте, именно они спасли ему жизнь. Он прекрасно помнил, как вместе с классом, учителем и сотнями других людей спускался в катакомбы Ясной Горы. В небольшую сеть подземных туннелей, выкопанных в известняке еще в XVII веке, когда по приказу короля Сигизмунда III Вазы Паулинский монастырь превратили в крепость, способную пережить затяжную осаду. Огромная работа не пошла насмарку, ибо монументальные стены монастыря пережили не только много исторических сражений, но и атомную гибель. Внизу, правда, царило всеобщее убеждение, что люди пережили Судный день исключительно благодаря благодати Божьей Матери Ченстоховской, но на самом деле это не какая-то мистическая сила или, тем более, святая икона, уберегла их от смерти. Приехали как раз в один из здешних музеев, когда до них донёлся пронзительный рёв десятков сирен, объявив атаку с воздуха. Большинство испуганных людей поспешило к часовне Чудотворного Образа, а те, кому не хватило места, искали убежища в главном нефе ясногорской базилики. К счастью, учителю Яцека удалось сохранить остатки рассудка и повести подопечных в противоположном направлении, прямо к бастиону Святого Роха — единственной доступной для туристов части комплекса, расположенного не только под поверхностью площади, но и за толстыми стенами крепости. На месте оказалось, что не только ему пришла в голову эта идея. В узких коридорах и чуть более широких музейных залах бастиона царила чудовищная давка. Обезумевшие от ужаса люди падали на стеклянные витрины, ранили себя и других, перелезали через перила на нижние уровни выставки и топтали друг друга. Едва не разорвали в клочья мужчину в белой мантии, побрякивавшего связкой ключей на огромном стальном кольце. Это один из тех, к кому следовало обращаться «святой отец» или «преподобный брат», как наставлял их Станислав. Занятый спасением собственной шкуры «святой отец» Стефан не обратил, однако, на остальных никакого внимания, и самостоятельно юркнул в один из мелких боковых коридоров, закрытых наглухо прочными решётками. Подбирая подходящий ключ, начал возиться с замком. По-видимому, заметил это не только Яцек, потому что в толпе раздались крики: «У него ключи!», «Открыл!», «За ним!», «В туннель!».

И люди ворвались вглубь ответвления, официально ведущего к ещё неотреставрированным комнатам бастиона, а на самом деле — прямо в выкопанные глубоко в известковой породе туннели. Однако то, что там нашли, вовсе не походило на

труд семнадцатого века. Как оказалось, по приказу коммунистических властей в период «холодной войны» туннели были переоборудованы в секретный бункер для офицеров в случае ядерной атаки на Восточный блок. Скальные коридоры отделаны кирпичом, созданы жилые помещения, столовая, лазарет и командный пункт, а весь комплекс оснащён запасами продовольствия и дизельного топлива, электрогенераторами, системами очистки воды, фильтрами воздуха, резиновыми защитными костюмами, респираторами, гермоворотами — словом, всем, что необходимо для выживания в ядерной катастрофе. Однако подземный бункер был рассчитан не более чем на сто пятьдесят человек, но когда входные ворота с грохотом захлопнулись, внутри оказалось в пять раз больше. Яцек помнил всё это слишком хорошо, как и то, что произошло потом. Он помнил доносящийся откуда-то сверху приглушённый крик и массовую панику, следующий сразу за ней страшный грохот и вторивший ему мощный толчок. И спустя мгновение ещё один, когда снесённая ударной волной верхняя часть гигантской башни монастыря свалилась на юг двора, чтобы остаться там уже навсегда. Вспомнил и первую ужасную неделю под землёй, когда люди, рыдая, безуспешно пытались связаться по телефону с близкими. И вторую, ещё хуже, когда назначенный квартирмейстером отец Стефан начал экономную выдачу быстро сокращающихся запасов пищи, а заточенные под землёй люди стали требовать выхода на поверхность в поисках оставленных там семей и друзей. При штурме гермоворот, охраняемых находящимися внутри вооружёнными силами Ясногорской Гвардии, погибло, по крайней мере, несколько десятков человек. И в несколько раз больше на поверхности, когда буянам удалось, наконец, открыть ворота.

Он помнил, как постепенно отец Стефан укрепил позиции, который из мелкого монаха в течение нескольких месяцев превратился в истинного мессию. Ищущие утешения в вере люди с почти детской наивностью принимали его слова за чистую монету и не переставали верить даже тогда, когда помирали с голоду, когда в то же время их лидеру всё труднее было втискиваться в мантию. В целях безопасности из выживших членов Ясногорской Гвардии создал группу помощников, для удобства — Рыцарский Орден, что приносил ему с поверхности всё, чего хотел отец Стефан. Ну, и конечно, кое-что как для его подчинённых, так и для паствы. Быстро возник также строгий перечень предписаний, запретов и кар, на что молчаливо согласилась вся подземная община. Все, кроме Станислава. Он, сперва в одиночку, а потом в компании со своими подопечными юношами не прекратил исследовать туннели в поисках второго выхода. В соответствии с известной в течение многих поколений городской легендой, ясногорские туннели должны уходить километров на пятнадцать к развалинам замка в Ольштыне. Это была единственная безопасная дорога за город, из зоны повышенной радиации и зубов и когтей его новых, смертельно опасных обитателей. Неужели годы, проведённые за надёжными стенами, за исследованием тупиков и изучением собранных в ясногорских музеях книг и преданий, наконец, принесли ожидаемый результат? Неужели трое искателей с ночной смены нашли дорогу к выходу? Был только один способ проверить.

* * *

Свет фонарика метался по стенам туннеля, пока, наконец, тот не закончился. Яцек оказался в одном из музейных залов бастиона Святого Роха, откуда всего несколько шагов до огромного зала Отца Августина Кордецкого, с самого начала использовавшегося в качестве импровизированной гробницы для умерших и погибших членов подземной общины. Трупы небрежно складывали друг на друга, разве что заматывая их в

пластиковые мешки. Не самый достойный вид захоронения, конечно, не по христианским обычаям, но пришлось пойти на столь кощунственные уступки в угоду удобству. Яцек проходил это готескное кладбище каждый раз, когда по приказу Ордена выходил с миссией наружу, но впервые лицезрел вблизи. Он считал, что людям нужно немного уважения и спокойствия, если не при жизни, то хотя бы после смерти. Однако он подошёл ближе. К своему отчаянию, обнаружил, что никому не приходило никогда в голову каким-либо образом пометать мешки. Потянулся за спрятанным в ботинке выкидным ножом и разрезал ближайший пакет. Из отверстия вышел трупный газ. Вскрикнул и с ужасом отпрянул назад. Ужасная ошибка. Ещё один мешок — отвратительно распавшийся труп умершего две недели назад сотрудника лазарета. Как его зовут? Михаил? Хотя он старался занять чем-то мысли, вскрытие каждого последующего мешка по очереди причиняло ему почти физическую боль и вызывало тошноту. С седьмой попытки повезло. Быстрого взгляда на содержимое пластиковой могилы вполне достаточно.

Лицо Януша было чудовищно избито, лишено почти всех зубов и исказилось в болезненной предсмертной гримасе. Ну и дыры. Две. Одна поменьше, на левом виске, там, куда попала пуля, другая побольше, на правой — там, где вышла. Януш был убит, без сомнения, пройдя ранее через все круги ада. Ноги Яцека превратились в вату, но он знал, что должен немедленно возвращаться вниз. Если их подозрения верны, как Павел, так и Станислав могли находиться в смертельной опасности. Любой фанатичный житель подземной общины мог сдать их монахам по подозрению в попытке осуществления переворота. Яцек сунул нож в сапог и изо всех сил бросился назад. Он слышал только шум крови и собственное дыхание в резиновой маске. Прежде чем придумал какой-нибудь разумный план дальнейших действий, добежал до ворот и начал бить кулаком по металлу. Ворота сдвинулись с места после второго удара. Павел, видимо, с исключительным нетерпением ждал его возвращения. Яцек хотел как можно скорее войти внутрь, однако он задержался при виде лица друга. Что-то было не так. Павел был без кислородной маски, она болталась у него на шее. Смотрел, правда, на Яцека с обычной глуповатой улыбкой, но в глазах у него стоял чудовищный ужас. Яцек не успел среагировать. Из-за двери появилась группа из четырёх вооружённых короткостволоми бойцов Стефана. Они без труда прижали Яцека к земле. Краем глаза за запотевшими стеклами противогаза он увидел стоящего на коленях и заливающегося слезами Павла. Издалека слышал его крики: «Прости, я должен был! У них Стасек! Говорили, что иначе его убьют!». За ним стоял поп.

— Ты, ублюдок! — Яцек дёрнулся без толку. Глаза налились кровью.

Стефан в ответ только фыркнул и жестом приказал своим людям взять его в плен.

— А что с тем, шеф? — спросил один из них, указывая на Павла.

Стефан посмотрел с презрением на того.

— Выведите его на прогулку. Без химзащиты, — бросил небрежно.

У Яцека мир закружился перед глазами, Павел, в свою очередь, смотрел на него в немом недоумении. Два телохранителя стальной хваткой схватили его под мышки и бодро потянули наверх. Прошла минута, прежде чем из коридора раздался чудовищный рёв Павла, до которого, видно, только сейчас дошло, что его ведут на казнь. Медленную и мучительную — от радиации, или быструю, зато ужасную, в пасти какого-нибудь зверя. Что может быть хуже? Сам приговор или поставленный выбор?

Яцек почувствовал тупой удар в затылок, отчего у него потемнело перед глазами. А потом ещё один, на этот раз успешно лишив его сознания.

Обливание грязной и смердящей мочой водой вернуло его в мир живых. Яцек попытался припомнить последние события, но голова гудела. Януш в мешке, Павел с глупым выражением лица, банда вооружённых бандитов, Павла увели на смерть, Стефан... Поднял голову. Точно напротив него, развалившись в кресле, сидел самодовольный монах, а рядом с ним, привязанный к стулу и жестоко избитый, — Станислав. На выходе стояли два охранника, наверное, те же, кто его сюда притащил. Он дёрнулся, но тщетно. Он тоже привязан к стулу. Примотанные верёвкой руки почти касались ботинок... Нож. Его ножичек, что носил заткнутым за левый сапог. Может, его не нашли?

— Ну и как, панове? Оно того стоило? — произнёс Стефан. — Стоило со мной связываться? Стоило вносить хаос в моё маленькое, сплочённое сообщество?

— Сплочённое? — прохрипел Станислав. — А может быть, несвободное? Ты не имеешь права диктовать другим, что им делать, а что нет. Не имеешь права удерживать их здесь насильно. Ты же знаешь, что отсюда есть выход! Где-то здесь — путь к свободе! — замолчал и сплюнул кровавым сгустком.

Яцек нашупал нож. Он был на месте, что порадовало. Пользуясь тем, что поп пока сосредоточился на Станиславе, аккуратно потянул на себя клинок. Закашлялся, чтобы заглушить шорох вытаскиваемого лезвия. А потом начал медленно резать верёвки.

— Ах, к свободе? — Стефан поднял брови в притворном удивлении, видно, дурачась перед старым сталкером. — Хочешь дать людям свободу? Хочешь дать её, чтобы они делали то, что им заблагорассудится, а не то, что запланировал для них Господь Бог?! — он начал повышать голос. — Нет! Люди больше никогда не будут свободны! Дать им возможность выбора — это как вручить им в руки смертоносное оружие! Это как позволить, чтобы в своей пустой зависти, ненависти и гордости перерезали друг друга, чтобы несли только зло, страдания и смерть! Люди один раз уже были свободны. И за этот единственный раз поплатились. Сам знаешь, когда. Двадцать лет назад и до того, когда действовали в соответствии с этим своим голосом разума. И посмотри, что из этого вышло! Нашу цивилизацию довели до падения, не оставив шанса подняться! И хорошо... Прекрасно, что так случилось! Благодаря этому люди снова слышат голос Господа, обращённый к ним через меня! Теперь я смогу избавить эту заблудшую паству от неё самой! Я укажу ей путь! Сейчас я наведу новый мировой порядок, свободный от зла, зависти и ненависти. Да... — он сделал паузу и улыбнулся с гордостью. — Как жаль, что вам не суждено дожить до этих прекрасных времён.

— Ты не только глуп, но, мне кажется, ещё и абсолютно слеп! — спровоцировал его Яцек, уже почти освободившийся.

Поп перестал глупо улыбаться и посмотрел Яцеку в глаза. Клынул на приманку.

— Я был сегодня наверху, на этой куче трупов, — продолжил он. — Ты пробовал когда-нибудь считать мешки с телами? Будь реалистом, чувак, там больше трупов, чем у тебя в прихожанах. За несколько лет не останется никого, кому можно указать дорогу. Но насчёт одного ты был прав. Люди поддались влиянию Сатаны. Ибо ты его воплощение!

Всё прошло как по маслу. Вскипевший Стефан вскочил с кресла и с удивительной для своего возраста и туши лёгкостью подскочил к Яцеку с кулаками. Для отвода глаз позволил себя ударить. Раз. Потом, к удивлению собравшихся, он вскочил с кресла, мёртвой хваткой схватил Стефана за шею, а другой рукой приложил лезвие к горлу.

Удивлённые часовые не успели вовремя среагировать. В ожидании следующего хода нападающего стояли как истуканы на своих постах. Один — ноль в его пользу.

— Прикажи им бросить оружие в угол и освободить Станислава! — крикнул Яцек, воодушевлённый полученным преимуществом.

— Делайте, что говорят, тупые бараны! — приказал монах, обливаясь потом.

Охранники разрезали путы Станислава и поставили его на ноги. Старик размял запястья и посмотрел на ученика.

— А теперь к противоположной стене, подальше от двери, живо! — решительно приказал молодой, прижимая нож сильнее к горлу жертвы. В месте соприкосновения стали с кожей появились первые капли крови.

На этот раз охранники даже не стали дожидаться отмашки от лидера. Яцек повернулся, чтобы не терять их из виду, становясь спиной к двери.

— А теперь у меня вопрос к тебе, боров, — прошептал он Стефану в ухо. — Где. Выход? — медленно произнёс, как будто его заложник был дурачком.

Напуганный Стефан не колебался ни мгновенья.

— Там! — крикнул он в ответ и указал пальцем на свою широкую кровать с высоким изголовьем, стасценную сталкерами вниз много лет назад прямо из покоев бывшего генерала ордена.

Яцек мог это проверить. Из всего подземного комплекса наименее изученным уголком была ведь келья монаха. Смотрели здесь в прошлом всего два раза, быстро и немного небрежно обстучав стены и пол в поисках пустот. Видно, не шибко тщательно.

— Идём к кровати, я хочу увидеть, — на этот раз Станислав отдал приказ бойцам.

Когда отодвинули кровать и прижатый ей декоративный пурпурный ковёр, всё стало ясно. Исключительно маленький металлический люк скрывался не под ним, а за ним, замаскированный как подголовник. Так вот как скрылись Томек, Норберт и Патрик. Их наверняка почти поймали с поличным, потому что они не успели даже сообщить об открытии никому из своих или даже взять какое-либо снаряжение, кроме того, что имели при себе. Есть ли туннель, что, согласно легенде, вёл к крепости в Ольштыне? Безопасен ли переход, или в нём успели поселиться исчадия ада? Смогли его друзья перебраться на другую сторону? У Яцека в голове скопилось ещё много других вопросов, но ни один из них не успел задать вслух. Он почувствовал сильную боль в районе живота. В шоке он перестал прижимать нож к жирной шее монаха, и Стефан высвободился. Яцек понял, что толстяк держит в руке свой стальной крест, наполовину заляпанный кровью. Его, Яцека, кровью. Воспользовавшись тем, что сталкер отвлёкся, поп использовал распятие в качестве оружия. Исход поединка был выровнен. Один — один.

Без заложника сталкеры не могли больше диктовать условия. Стоящие за спиной Стефана охранники пустили в ход свои ножи. Чёрные, прочные, с зубчатыми краями на тупой стороне лезвия. В схватке раненый Яцек и избитый Станислав не имели шансов выйти победителями. Старик прекрасно об этом знал. С диким криком бросился на противников в одиночку. Удивлённый атакой Стефан принял удар могучего кулака прямо в нос, тут же брызнувший кровью, и под аккомпанемент отвратительного грохота мгновенно изменил форму. С двумя быками так же легко не прокатило.

— Беги, малыш! — крикнул Станислав. — На башню! Не проморгай сигнал! — велел он, и в ту же секунду получил удар в бок.

До Яцека дошло. Ясногорская башня, условный знак! Он посмотрел на часы. Половина двенадцатого. Надо успеть добраться туда до полудня. Только сейчас он вспомнил об их давнем договоре — если кому-нибудь из них удастся каким-то образом

безопасно добраться до Ольштына, надо известить об этом остальных, передавая ежедневно с полудня с помощью обычных «зайчиков» сообщение азбукой Морзе. Станислав принёс себя в жертву, чтобы раненый Яцек получил шанс. Поблагодарив мысленно наставника, он выбежал из комнаты и помчался по коридору. За плечо не обернулся ни разу. Опять выигрывал — два против одного.

Он бежал по восточному коридору, а затем по южному — жилому. Проносясь мимо жителей общины, во всё горло выкрикивал то, что узнал. Теперь уже мог. Впрочем, это был, наверное, его последний шанс. Кричал правду о смерти Януша и Павла, о сумасшедшем Стефане, о тайном переходе в безопасное место, побеге троих коллег и недавней жертве Станислава. Он не знал, посеют ли его слова зёрна революции, дав сообществу надежду на лучшее завтра. Знал только, что должен бежать, потому что уже подписал себе смертный приговор. Добрался, наконец, до самого длинного, западного туннеля, ведущего к выходу на поверхность. Когда оставались считанные шаги до повешенных на крючках костюмах химщазиты и ворот, услышал где-то вдалеке одиночный выстрел, и долю секунды спустя почувствовал острую боль. Посмотрел на руки. Они были вымазаны в тёмной, почти чёрной крови. Ранили в печень. Он знал, что это конец. Повернулся и увидел стоящего на другом конце коридора Стефана, по-прежнему целящегося в него из пистолета.

— Выбирай, говнюк! — взревел поп. — Попрощайся с жизнью, люди никогда не поверят в твоё вранье! Убирайся отсюда без костюма, или же я напичкаю тебя свинцом! — монах не шутил.

Несмотря на боль, Яцек успел открыть гермоворота и, медленно трюся, отправился по каменной тропинке наверх. Туда, откуда нет возврата. Жестокая игра добра со злом закончилась. Ничья.

* * *

Проходя зал Кордецкого и большую гору трупов в полиэтиленовых мешках, Яцек медленно терял силы. Сильно хотелось присесть хоть на минутку, но он знал, что не сможет снова встать. Ещё присядет, еще отдохнёт — там, на останках башни. На смотровой площадке, откуда открывался вид на весь город и дальше, на соседние деревни. Игнорируя любые меры безопасности, вышел на улицу. Он не замедлил шага ни когда прошёл мимо растерзанного тела Павла, ни позже, когда с трудом перепрыгивал через изуродованные трупы двух его палачей, что угодили, видимо, в страшную засаду вместе со своей жертвой. Добрался, наконец, до лестницы, ведущей наверх башни и начал медленное восхождение в гору. Сначала по узкой винтовой металлической лестнице, позже расширившейся, но местами обвалившейся. Он старался не смотреть вниз, тем более что его мучило головокружение, вызванное значительной кровопотерей и вдыханием отравленного радиацией воздуха. Дул холодный, порывистый ветер, приятно успокаивающий воспалённое лицо Яцека. Когда дохромал до места с видом на восток, он знал, что наконец-то может отдохнуть. Прислонившись к стене здания, почти без сил соскользнул на пол. Именно тогда часы на его руке коротко пискнули, оповещая о наступлении полудня. Сидя он смотрел на развернувшийся перед ним вид. Страшно и завораживающе. Гнилые зубы облупившихся таунхаусов вдоль некогда сказочных улиц, что ежегодно со всей Польши притягивали полчища восторженных путешественников. Тысячи автомобилей тесно забились улицы, полные высушенных скелетов их прежних владельцев, в последние минуты пытавшихся убежать от взрывов. Усеянные чёрными,

перекрученными деревьями ясногорские парки, когда-то зелёные, полные смеющейся детворы и влюблённых парочек, держащихся за руки и отдыхающих на газоне рядом с фонтаном. Зияющие тысячами дыр панельные высотки, что, верно, лишь чудом в большинстве своём сумели пережить удар. Картина разрушений, пустоты и отсутствия каких-либо признаков прежней, оживлённой жизни. Холодный труп, не пригодный ни для реанимации, ни даже для пересадки, хоть и со всеми органами. Ну и, наконец, где-то далеко на горизонте маячил холм с цитаделью Ольштына на вершине. Место, на которое столько лет возлагали надежды. Так близко и так далеко одновременно. Выжил ли там кто-нибудь? Действительно ли сельские районы могут быть более пригодными для жизни, чем город, представлявший главную цель вражеской ядерной атаки? Могли туда попасть его друзья? Яцек глянул на часы. Четверть первого. Он вздохнул, зная уже ответ хотя бы на последний вопрос. Он чувствовал, что его время истекает и начал медленно закрывать глаза...

Вспышка.

Яцек собрал последние силы и с трудом поднял тяжёлые, как валуны, веки. Может, ему привиделось? А вдруг именно так выглядит тот мифический «свет в конце туннеля»?

Вспышка. Длинная, короткая, короткая, короткая. Не, это, наверное, невозможно.

Ещё одна короткая вспышка. Потом ещё — тире, тире, точка, точка. Азбука Морзе.

И дальше — точка, тире, тире, точка.

Кто-то передаёт сообщение. Кажется, как раз из замка.

Ещё одна короткая вспышка, и ещё. Минута перерыва и снова короткая. А за ним ещё. И ещё. Яцек с нечеловеческим усилием сосредоточился на сообщении. Но безуспешно, поэтому подождал, пока оно закончится, и, возможно, начнётся заново. Не ошибся. Сообщение было дано ещё раз. А потом снова. И снова. Складывалось в единственное слово, повторявшееся раз за разом — «БЕЗОПАСНО»¹².

Яцек наслаждался этим видом так долго, насколько хватило сил, а потом, наконец, сомкнул уставшие веки. Теперь уже навсегда. Он не мог быть уверен в реальности увиденного. Может быть, это было то, что много лет назад привил Яцеку Станислав и что направляло как его, так и пятерых его друзей. То, что позволяло ему каждый вечер засыпать спокойно и на следующее утро просыпаться, радуясь жизни. То, что в этом мёртвом мире почти было забыто. То, что пережило Януша, Павла и Станислава. И что переживёт его самого, как и всех этих несчастных, доживающих свой век где-то там, под землёй. То, что умирает последним.

У Яцека была надежда.

¹² Передаётся код слова «BEZPIECZNIЕ». Код «БЕЗОПАСНО»: - · · · · · - - - - - .

МАРЕК «MALYNOSOROZEC» ВИТКОВСКИЙ ЧТО СТАЛО ПОСЛЕ ДИКОБРАЗА?

Оставалось ещё несколько часов до рассвета. Ночь прошла тихо. Видно, хищники не отправились на охоту. Никто не убегал, не догонял. Прекратилась борьба за жизнь. Странно это в нынешнем разрушенном мире.словно окрестности затаили дыхание... В центре города, между завалами, небольшой костерок отбрасывал жуткие тени. Вокруг него сидело трое неподвижных людей. Они внимательно следили за беспокойными движениями здоровяка, едва сдерживая сильное волнение.

— Мои желания очень просты. Ну, а какие могут быть в таком мире? Когда-то сильно хотел... Да не важно. Теперь я всего лишь хочу быть с людьми. То есть жить в общине. Помогать и стать принятым... Или я слишком много прошу?

А чего ты хочешь, Урод? Наверное, у тебя одного мечта? Судя по твоей морде, конечно. Такие, как ты, всегда много хотят от жизни. Требуют, требуют и гребут жадными лапами то, на что честный человек тяжело вкалывает... Ха! Это мне удалось, да? Честный человек! Так, будто были ещё какие-то в мире... Сам я так не считаю. Да, да... Стоящий здесь перед вами Антон Дикобразович не самый большой праведник. Даже моя совесть нечиста. Но человек должен делать то, что должен, чтобы выжить, не так ли? Не, я говорю вам, там, в бункерах, нелегко...

Возьмём хотя бы мой внешний вид. Ну, рост и остальные размеры, конечно, заложены в генах, как и у остальных. А одежда! Вонючие лохмотья! Чуете запах гнили, разложения? Всё это камуфляж. Всё, чтобы зверьё не приближалось, мутанты, то бишь. И это даже действует, хотя, бывает, нужно одному или двум голову проломить. Но вам, наверное, не нужен камуфляж, вы живёте себе спокойно. Не выходите слишком часто на поверхность. И я вижу, что вооружены вы тоже неплохо. Эх, как вы так живёте...

Скажу вам по секрету, я тоже, прежде чем отправился к Москве, жил не тужил... Убежище под землёй, электричество, запасы еды... Чёрт, иногда — представляете? — даже горячая вода. Фон в том краю небольшой, мутантов немного. Жили с моим другом Дикобразом, дай бог каждому. То мой лучший друг был, этот Дикобраз, знаете? Он спас мне жизнь. Нашёл на морозе еле живого, выходил и заботился обо мне. Даже читать научил, такой был... то, что было раньше, не помню. Детство, семью, довоенные времена — вообще ничего, пока меня не нашёл Дикобраз. Ничего...

Мы сидели с другом и смотрели на звёзды. Ну, я только облака и видел, но он говорил мне, что за ними светят звёзды. Целые миллионы, так он говорил. А ещё о городах поведал. Что они перед войной сияли подобно звёздам на небе... Париж, Мадрид, Нью-Йорк, он был там давно. И Москва... О, с каким чувством рассказывал он о Москве! И что метро там такое, что сто тысяч человек могут там выжить, так он сказал... Ну, потому я и иду туда — к людям...

Как Дикобраз умер, так я и решил двинуть. Я не мог себе простить, что позволил ему умереть. Слишком далеко отошёл от меня, и его схватили совсем одного... А потом всё остальное... Нас там было двадцать два человека, не считая меня с Дикобразом. Но я их не видел вообще, потому что они жили ниже. На поверхность вовсе не выходили. Вдвоём за них отдувались. Ну, Дикобраз редко, а я практически всё время. У меня комната прямо у поверхности. Я был хранителем и защитником всех внизу.

Ну а когда Дикобраз погиб, я не мог дольше оставаться, да и что мне было делать? Мне пришлось убить их всех. Нет, они бы и так скопытились. И, конечно, не пережили бы дороги к Москве. Короче, оборвал их мучения, собрал необходимые вещи и ушёл. И вот я здесь, с вами...

Но то, что я пережил, скажу я вам. Страшный этот наш мир...

Через неделю после того, как отправился в путь, наткнулся на первых людей. А они взяли и напали. Плохие это были люди. Дикари какие-то. Кажется, даже каннибалы. Ну, теперь не будут мирных путников угнетать. Я разобрался с ними.

В общем, не везёт мне по жизни с людьми. Постоянно всяких отбросов встречаю... ну, кроме Дикобраза и вас, конечно... Знали бы вы, сколько я оскорблений услышал. Монстры, черти — все, кому не лень, костерили. Может, из-за моего прикида? Но это ведь камуфляж, чтобы запутать мутантов. Мне так Дикобраз посоветовал, так что не снимаю с себя шмотки и маску почти никогда. А сколько раз меня подстреливали только потому, что варвары сперва стреляют, а потом спрашивают...

Но эти лохмотья хорошо меня защищают, а вообще на мне всё быстро заживает. Как на собаке. Повезло так повезло! Как будто меня сам Бог вёл за руку. Хотя богов нет. Люди давно убили. Многих людей я должен был наказать за то, как ко мне относились, чтобы не смогли другие, менее умелые, навредить.

Но не думайте, что я не был справедлив. Каждому по заслугам. А в деревнях были одни невинные, то есть, как правило, старики или молодёжь, или вообще неспособные к выживанию, так я им благодать оказывал. Быстро и аккуратно, чтобы не мучились. Помню забавный случай: заперлись в бункере, туннель взорвали, и я никак не мог попасть внутрь. Но, к счастью, неподалёку речка текла. Пару дней работы, и к делу. Уверенно и надёжно, будто собственными руками всё исправил. Пускай время потерял, зато, самое главное, я смог помочь...

А с этими мутантами интересный вопрос, понимаете? Якобы они такие страшные и всё такое, но у меня с ними почти не было проблем. Больших обходил по широкой дуге. Легко догадаться, где такие обитают. Большие, с дом, а некоторые ещё больше. Не верите? А я видел таких. Ваше счастье, что дома поели, а то б здесь захотели... А эти мелкие? Фи...

О, например, волки, мне о них Дикобраз рассказывал. Что опасны в стае и никак не защититься от них, если голодны, а как изменились от этого дерьма после бомбёжек, что вообще... А я, представьте себе, встретил раз в лесу стаю, один, и, говорю вам без утайки. Позвонки трещали, как спички, почти как человеческие... сколько мне этих мутантов пришлось по пути убить! Но мне их жаль не было. Не то что людей. В смысле, плохих людей тоже не жалко. А хороших как-то мало встречал, да и те едва выживали, ну, сами знаете...

Ну, как вы думаете, может Москва подождать? Вроде бы мечта Дикобраза, но... Пожалуй, я останусь тут с вами, конечно, если примете. В конце концов, чего ещё в наше время может хотеть человек?..

В окрестных развалинах что-то происходило. Кто-то вооружённый приближался к источнику света. До рассвета оставалось совсем чуть-чуть. Сталкеры, обеспокоенные затянувшимся отсутствием товарищей, вышли на поверхность.

Великан у костра хлопнул себя по лбу, будто о чём-то вдруг вспомнил. Подошёл к связанным, раненым людям и вытащил кляп изо рта одного из них.

— Ты не человек... — прошептал пленник в ужасе. Раздался рёв ярости, а следом за ним — звук проламываемого черепа. В ту же секунду открыли огонь. Стреляли, пока он не замер. Подошли ближе. Зря.

Но как близко подоברались! Профессионалы были, не услышал их. Но, как только начали стрелять и подошли ближе, я действовал быстро и аккуратно. Хотя надо признать, что неслабо засветили в кость. Снова на плохих людей наткнулся...

Ну что ж... Перевязать раны, отдохнуть, проверить, как остальная часть города справится без этих ребят. Если не затруднит, помогу им. День или два погоды не сыграют. А потом в Москву. Сто тысяч людей. Интересно, есть ли хорошие.

ПЁТР ЕДЛИНСКИЙ

РОДИЛСЯ В 1991 ГОДУ, УЧИТСЯ В ШЕЦИНЕ. ПИШЕТ УЖЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ - ПОЧТИ ДЕБЮТАНТ (НА ЕГО СЧЕТУ ОДИН ОПУБЛИКОВАННЫЙ РАССКАЗ), НАПИСАННЫЕ РАССКАЗЫ ИСПОЛЬЗОВАЛ ЛИБО ДЛЯ ОТТАЧИВАНИЯ МАСТЕРСТВА, ЛИБО ОТПРАВЛЯЛ В КОРЗИНУ. ВОСПИТАН НА ФАНТАСТИКЕ ВСЕХ МАСТЕЙ, ОТ ПРАТЧЕТТА И САПКОВСКОГО ДО ЛЕМА И ДУКАЯ, НО ЧИТАЕТ ВСЁ, ЧТО ПРИВЛЕКАЕТ ЕГО ВНИМАНИЕ.

МАЦЕЙ КОМОДО **МАРКЕВКА**

РОД. В 1987 Г. В БЛАХОВНЕ (СИЛЕЗКОЕ ВОЕВ.). ПРОДАКТ-МЕНЕДЖЕР В СЕТИ МАГАЗИНОВ ЭЛЕКТРОНИКИ, В СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ - ЖУРНАЛИСТ И ЛЮБИТЕЛЬ ВИДЕОИГР. С ЮНЫХ ЛЕТ ВОЗНИК ОСТРЫЙ ИНТЕРЕС К ПЕЧАТНОМУ СЛОВУ. НА ЕГО СЧЕТУ ДЕБЮТ В МЕСТНОЙ ПРЕССЕ.

ВОЙЦЕХ МАГИЕРА

РОДИЛСЯ В 1988 ГОДУ. ЖИВЁТ В МАЛЕНЬКОЙ ДЕРЕВУШКЕ НА КРАЮ СВЕТА. ВЕЧНЫЙ ОПТИМИСТ С ТЫСЯЧЬЮ ИНТЕРЕСОВ: МОТОЦИКЛЫ, МУЗЫКА, РИСОВАНИЕ, СКАНДИНАВСКАЯ МИФОЛОГИЯ, МОДЕЛИЗМ, ФИЛЬМЫ, ДЕШЕВОЕ ВИСКИ, КРОВАВЫЕ ДЕТЕКТИВЫ, ФАНТАСТИКА. ПОКЛОННИК ТЕОРИЙ ЗАГОВОРА. ВЕРИТ, ЧТО НАПИШЕТ КНИГУ В ЖАНРЕ ПОСТАПА ДО 69 ЛЕТ.

ЕВА МАЛИНОВСКАЯ

РОДИЛАСЬ 12 МАЯ 1990 Г. В ВАРШАВЕ. В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ УЧИТСЯ НА ЖУРНАЛИСТА, РАБОТАЕТ И ПОСВЯЩАЕТ СЕБЯ САЙТУ ПО ТЕМАТИКЕ ПОСТАПОКАЛИПСИСА. ОКОНЧИЛА ВАРШАВСКОЮ ШКОЛУ РЕКЛАМЫ. ПИШЕТ НЕДАВНО, РАССКАЗЫ В СБОРНИКЕ - ОДНИ ИЗ ПЕРВЫХ ЕЁ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.

МАРЕК МАЛЫНОСОРОЗЕС **ВИТКОВСКИЙ**

РОДИЛСЯ В 1985 ГОДУ. ПОСТОЯННО ПРОЖИВАЕТ В СКАРЖИСКЕ-КАМЕННОЙ. ОБОЖАЕТ КНИГИ. В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ВРЕМЕНИ ПРОВОДИТ С ДВУМЯ ДОЧЕРЬМИ. ВЕДЁТ БЛОГ MALYNSOROZES.BLOGSPOT.COM, ГДЕ ВЫКЛАДЫВАЕТ КАК ОТЗЫВЫ НА КНИГИ, ТАК И СОБСТВЕННЫЕ НЕТЛЕНКИ - ПРОЯВЛЕНИЕ БУЙНОЙ И ОПАСНОЙ ФАНТАЗИИ. ПОПАЛ УЖЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛЬСКИЙ СБОРНИК РАССКАЗОВ.

ПАВЕЛ НАСКРЕНТ

РОДИЛСЯ В 1985 ГОДУ. ПО ПРОФЕССИИ ПОЛИТОЛОГ, НО ВЫНУЖДЕН РАБОТАТЬ КЛЕРКОМ. ПРЕДПОЧИТАЕТ АЛЬТЕРНАТИВНУЮ ИСТОРИЮ, ПОСТАПОКАЛИПСИС И АНТИУТОПИИ. ЛЮБИТЕЛЬ ВРСЛАВСКИХ СОРТОВ ПИВА.

МАРЕК ПЕТРУШЕВИЧ

РОД. В 1979 Г. В СТАРГАРДЕ-ШЕЦИНСКЕ. ПО ОБРАЗОВАНИЮ ИСТОРИК И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА, ПИШЕТ РАССКАЗЫ В ЖАНРАХ НФ И ФЭНТЕЗИ. КРОМЕ ТОГО, ЛАУРЕАТ IV ВСЕПОЛЬСКОГО КОНКУРСА ФЭНТЕЗИ-РАССКАЗОВ ИМ. КРИСТИНЫ КВЯТКОВСКОЙ И V ВСЕЮЛЬСКОГО КОНКУРСА „СИЯЮЩЕЕ ПЕРО“.

ТОМАШ ПШИЛУЦКИЙ

РОД. В 1991 Г. В РАДОМЕ, ПРОЖИВАЕТ В ВАРШАВЕ, УЧИТСЯ НА ПСИХОЛОГА. ЗАНИМАЕТСЯ РЕЛЕТИТОРСТВОМ. СТАЖЁР В ФОНДЕ ЗАЗЕРКАЛЯ БОГИ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ НЕГО - НАЕОКОВ, СОЛЖЕНИЦЫН И ОДОЕНСКИЙ, НО ИМЕННО В ФАНТАСТИКЕ НАХОДИТ САМЫЕ СМЕЛЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ИДЕЙ.

МЕСТА ДЕЙСТВИЯ РАССКАЗОВ

«ИТЕРАЦИЯ» — КИЕВ
«ГОЛОВОЛОМКА» — МОСКВА
«РАЗВЕДЧИК» — ВАРШАВА
«ДОМ ПОСЛЕДНИХ ИЗ НАС» — ЗВОНОВИЦЕ
«ИСТРЕБЛЕНИЕ» — ВАРШАВА
«С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА» —
РАДОМ, КАРПАТЫ, КАПОШВАР

«СТАРЫЙ ЛЕС» — МОСКВА
«ПИЛИГРИМ» — ЩЕЦИН, МЕРЖИН
«ДЕМИУРГ» — ЩЕЦИН
«ЧЕТВЕРТЫЙ ТУННЕЛЬ» — МОСКВА
«ГЕРОЙ» — МОСКВА
«ТО, ЧТО УМИРАЕТ ПОСЛЕДНИМ» — ЧЕНСТОХОВА
«ЧТО СТАЛО ПОСЛЕ ДИКОБРАЗА?» — МОСК. ОБЛАСТЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Пётр Едлинский. ИТЕРАЦИЯ.....	5
Войцех Магьера. ГОЛОВОЛОМКА	15
Ева «Pani_Cogito» Малиновская. РАЗВЕДЧИК	24
Войцех Магьера. ДОМ ПОСЛЕДНИХ ИЗ НАС.....	33
Ева «Pani_Cogito» Малиновская. ИСТРЕБЛЕНИЕ	42
Томаш Пшилудцкий. С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЁТА.....	47
Марек «malunosorozes» Витковский. СТАРЫЙ ЛЕС	55
Пётр Едлинский. ПИЛИГРИМ.....	59
Пётр Едлинский. ДЕМИУРГ	70
Павел Наскрент. ЧЕТВЁРТЫЙ ТУННЕЛЬ.....	79
Марек Петрушевич. ГЕРОЙ	90
Мацей «Komodo» Маркевка. ТО, ЧТО УМИРАЕТ ПОСЛЕДНИМ.....	100
Марек «malunosorozes» Витковский. ЧТО СТАЛО ПОСЛЕ ДИКОБРАЗА?	110